

A person wearing a white button-down shirt under a dark jacket, with their hands in their pockets. The background is a blurred, dark outdoor setting.

МАГНАТ

СЕРИЯ ПРИОБРЕТЕНИЯ. КНИГА 2

[VK.COM/FASHIONABLE_LIBRARY](https://vk.com/fashionable_library)

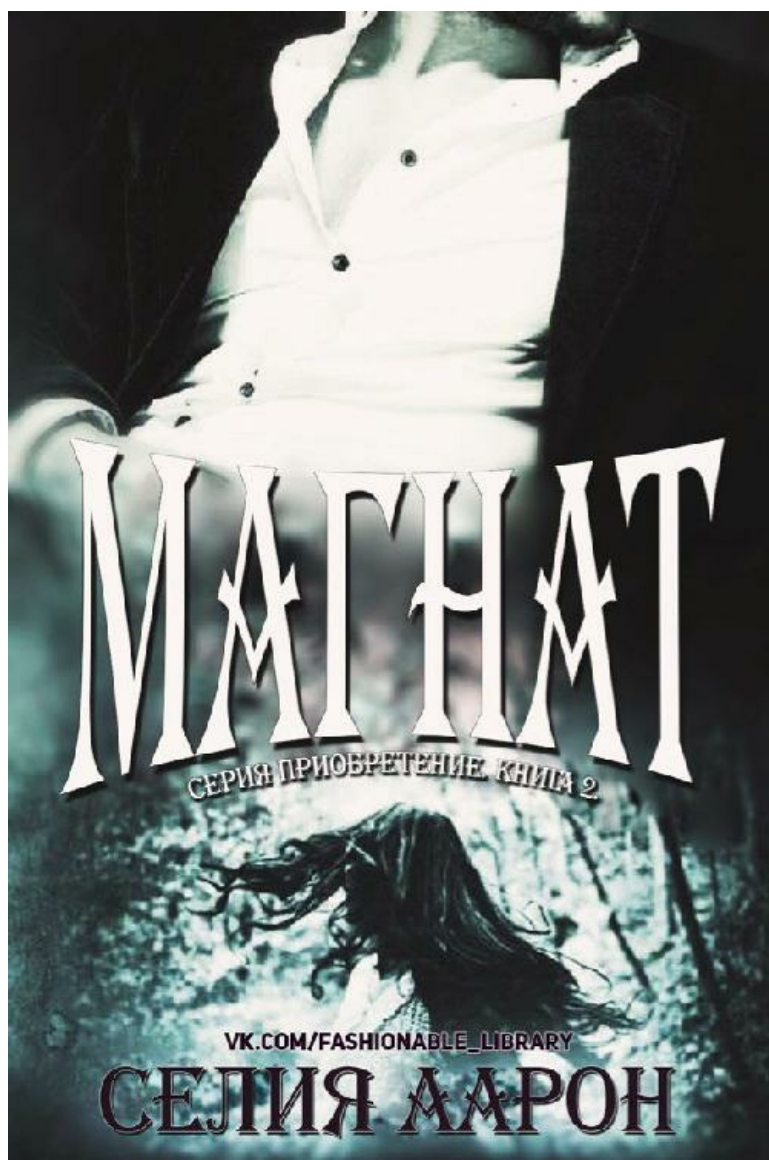
СЕЛИЯ ААРОН

Данная книга предназначена только для
предварительного ознакомления! Просим вас удалить
этот файл с жесткого диска после прочтения.
Спасибо.

Селия Аарон

«Магнат»

Приобретение #2

Оригинальное название: *Celia Aaron «Magnate» (Acquisition #2), 2016*

Селия Аарон «Магнат» (Приобретение #2), 2019

Переводчик: *Иришка Дмитренко*

Редактор: *Елена Теплоухова*

Обложка: *Врединка Тм*

Перевод группы: *http://vk.com/fashionable_library*

*Любое копирование и распространение
ЗАПРЕЩЕНО!*

Пожалуйста, уважайте чужой труд!

Оглавление

[Селия Аарон](#)

[Любое копирование и распространение ЗАПРЕЩЕНО!](#)

[Аннотация.](#)

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Глава 10](#)

[Глава 11](#)

[Глава 12](#)

[Глава 13](#)

[Глава 14](#)

[Глава 15](#)

[Глава 16](#)

[Глава 17](#)

[Глава 18](#)

[Глава 19](#)

[Глава 20](#)

Аннотация.

Люций Вайнмонт тайно похитил меня в мир сахарного тростника и солнца. Нет ничего, что он не смог бы дать мне на кубинской плантации. Каждый подарок соблазняет меня, каждое прикосновение накладывает отпечаток на мою судьбу. Больше нет разговоров о извращённых соревнованиях или его старшем брате — о том, который украл меня, заклеил и заставил почувствовать то, что я никогда не должна была. Однако, несмотря на все усилия Люция заставить меня забыть Синклера, мои мысли возвращаются обратно к нему, к тёмным синим глазам, преследующим меня в самых сладких снах и самых жутких кошмарах. Но, как и любой сон, этот тоже должен закончиться. Скоро наступит Рождество, а с ним и второй Суд Приобретения.

Обратите внимание: Эта книга принадлежит к жанру ТЁМНЫЙ РОМАН с элементами рабства, насилия, БДСМ и супергорячего секса. Это вторая книга трилогии и имеет открытый финал. Если вы не против этих предостережений, наслаждайтесь.

Глава 1

Стелла

Лучи летнего солнца пронзали чистую воду, отражаясь от меня под испещренной волнами поверхностью. Легкие горели. Горели уже некоторое время, с тех пор как я нырнула на дно и заставляла себя оставаться там. Я практически смогла увидеть край забвения, парящий на расстоянии, темноту, погружающуюся со мной. Плитка под моими ногами была украшена переплетенными виноградными лозами темно-зеленого цвета с «V» по центру. Такой же, что красовалась на моей шее.

Я вздрогнула от воспоминания о том, как получила ее. Не из-за боли, которую она принесла, а из-за человека, который оставил ее. Человека, у которого такая же «V» украшала сердце. Синклера Вайнмонта. Еще один пузырь воздуха поднялся к поверхности. Мой последний. Он метался из стороны в сторону под водой, пока плыл к свободе.

Жжение росло, пока мое зрение размывалось. Я оттолкнулась и поспешно всплыла на поверхность. Нахмурилась, делая огромные глотки жизненно важного воздуха. Ухватившись за край бассейна, откашливалась, пока мое дыхание не выровнялось, сердце не утихомирилось, а вода не успокоилась. Прошло всего несколько мгновений, прежде чем поверхность снова превратилась в гладкое зеркало, отражая голубое небо над головой. Ничего не изменилось. Да и изменилось бы, если бы я осталась под водой?

Я выкинула эту мысль из головы и поплыла к ступенькам. Выйдя из бассейна, упала на шезлонг и откинулась на спину. Солнце было высоко, светило беспощадно, но почему-то не растворяло влагу, которая висела в воздухе. Зима на Кубе была очень похожа на лето в Луизиане — горячая и яркая. Но были и различия.

Акр или около того зеленой травы окружал бассейн, словно внутренний дворик. Пальмы усеивали лужайку то здесь, то там, предлагая небольшую тень от неумолимого солнца. За травой не было ничего, кроме непроходимой стены зеленого сахарного тростника.

Я посмотрела на горизонт. Поля простирались вокруг плантации Вайнмонта, насколько хватало взгляда, и изумрудное море исчезало где-то за линией горизонта. Высокие тонкие листья плясали

на ветру. Всякий раз, когда ветер заводил правильную мелодию, запах от ближайшего сахарного завода проносился над поместьем, окутывая меня затяжной сладостью, которой я не ощущала. Точно так же, как и солнце, ласкающее мою кожу, пытающееся пропитать ее теплом, никогда не проникало глубже.

Я повернула голову в сторону, подальше от открытого неба, к классическому особняку в испанском стиле. Штукатурка была приглушенного розового оттенка, а крыша состояла из аккуратных рядов коричневой глиняной черепицы. Три этажа комнат, в которых царило сочетание современности и античности. Я откинулась в шезлонге, вода скользила с моей кожи и впитывалась в ткань. Несмотря на очки, солнце для меня казалось невыносимо ярким. Я закрыла глаза и пригласила теплый свет влить в мое сердце что-то — какое-нибудь мерцание, какие-нибудь признаки жизни.

Но, закрывая глаза, я видела синий взгляд Вайнмонта. Он всегда был там, прятался внутри, ожидая, когда я закрою глаза или усну. Неважно, спала я или нет — я видела его. Я зажмурилась сильнее, пытаюсь стереть его. Это никогда не помогало. Я ни разу не спала спокойно за две недели с тех пор, как покинула Луизиану.

Люций последовал за мной в ту ночь — ту, когда мой мир разбился, и Вайнмонт стал этому причиной — в мою комнату. Он обещал мне сбежать, пообещал шанс покинуть мир Приобретений и боли. Но он не сказал мне, как надолго. Я вздохнула и сдвинулась, бугристые шрамы на моей спине скользнули по влажной ткани.

Я не открывала глаза, хотя Вайнмонт был там, его темные синие глаза всегда пронизывали мое сердце — то, которое он уничтожил. Теплое солнце и легкий ветерок усыпили меня под пристальным взглядом Вайнмонта. Он следовал за мною в пропасть. С кнутом в руке, но с любовью прикасаясь к моей щеке. Его шепот звучал у меня над ухом, обещая мне боль, удовольствие и многое другое. Он провел рукой по моей спине, кончиками пальцев лаская линии страданий, которые он на ней создал. Из меня вырвался мягкий стон, когда он прикоснулся губами к моей шее.

Я хотела поднести ладонь к его лицу, взглянуть ему в глаза и почувствовать этот всплеск тепла, но руки были связаны. Я боролась с путами. Он улыбнулся без тепла. Жестокость жила в его глазах, на его губах. Я вздрогнула. Но не от чистого страха. И это была худшая часть — я всегда хотела его. Даже когда он хлестал меня кнутом, с порочными словами, с болью, я хотела все. Я хотела *его*.

Взгляд Вайнмонта потемнел, и тот маленький свет в его глазах погас.

— Стелла?

Он отстранился с кнутом. У меня перехватило дыхание.

— Стелла?

Я напряглась, чтобы освободить запястья. Бесполезно. Он начал раскачиваться, кнут засвистел в воздухе. Из меня вырвался придушенный крик.

— Стелла! — голос не принадлежал Вайнмонту. Это был кто-то другой.

Я открыла глаза, мое сердце колотилось, и только тогда крик замер на моих губах. Люций склонился надо мной, опустил на колени рядом и закрыл собой солнце, проводя рукой по моей щеке.

— С тобой все в порядке? — Его другая рука покоилась на моей обнаженной талии, прямо над трусиками купальника. На мгновение я поймала образ Вайнмонта, но его заменил брат Люций со своими шоколадными волосами и светлыми глазами. Красивый, оттого казался еще более завораживающим, когда тревога угадывалась на его лице. Я не повелась на это. Он всего лишь еще одна гадюка.

— Хорошо. Просто уснула. — Я попыталась уклониться от него, но его рука на моей талии удерживала меня на месте.

Он наклонился ближе, его чистый запах сандалового дерева заполнил мои легкие.

— Это не должно быть так. Ты не должна бояться. Не меня.

Он поднял мои очки вверх мне на макушку и заглянул мне в глаза, прежде чем вытереть слезу, которая скользнула во сне по моей щеке.

— Я не боюсь тебя, Люций. — Я снова посмотрела на него.

— Тогда почему дрожишь? — его голос был шелковистым, соблазнительным, когда он наклонился ближе.

Мне пришлось избегать его взгляда, его прикосновения.

— Потому что ты напоминаешь мне о своем брате.

Он слегка покачал головой.

— Я не Син, Стелла. Мне казалось, ты знала это, когда выбирала меня.

Мои колкости по поводу его брата не работали. Люций все еще находился слишком близко, руки казались очень теплыми, а слова звучали слишком легко. Если на то пошло, его ободрил мой резкий тон, а взгляд упал на мои губы.

Ближе, чем сейчас, он не находился ни разу с тех пор, как мы прилетели на остров. Даже когда ехали в поместье на джипе. Мы на Кубе уже две недели. Большую часть времени я сидела в своей комнате, пытаюсь понять, что собираюсь делать дальше. Я не могла вернуться домой. У меня его не было. Уже не было. Мой отец продал меня, как крупный рогатый скот. Память о его подписи под

элегантным сценарием Вайнмонта вызывала у меня тошноту. Меня купил за деньги один Вайнмонт, а теперь другой пытался урвать еще больше.

— Нет, Люций, — сталь в моих словах укрепила мою решимость. Я схватила его за запястье и отдернула руку от своего лица. — Мною достаточно играли. Мой отец. Вайнмонт. Теперь мной пытаешься играть ты. Хватит. Я не та наивная девушка, которую ты видел два месяца назад.

Он позволил мне отстраниться от его прикосновения, но перехватил мою руку.

— Стелла, не буду отрицать, что хотел тебя с самого первого раза, когда увидел, — он ухмыльнулся. — Тебе не было больно от того, что ты стояла голой в тот раз.

Я села ровно, но он меня не отпустил. Вместо этого его хватка усилилась. Он стоял на коленях, так что мы сидели лицом к лицу. Слишком близко.

— Но ты должна знать, что ты моя. Ты сама выбрала меня. Ты — мое Приобретение, и ты им и останешься. Твой контракт имеет ту же силу, что и раньше. Твой отец? У него до сих пор висит меч над головой, как и всегда висел. Я могу посадить его в тюрьму одним телефонным звонком.

— Ты думаешь, мне есть дело до того, что с ним случится? — Я попыталась вырвать запястье из его руки. Это было похоже на попытку вытащить его из стали.

— Знаю, что есть. Глубоко в душе я знаю, что ты не хочешь, чтобы он страдал и умер в тюрьме. Хотя он продал тебя как бесполезную безделушку. Я знаю тебя, Стелла. Я мог бы быть твоим союзником вместо похитителя. Если ты только позволишь мне. — Его взгляд снова скользнул по моим губам.

Хуже всего то, что он был прав. Я все еще заботилась о своем отце. Я ненавидела себя за это, ненавидела глупую девочку, которая жила в моей груди, и надеялась, что это все уловка или ошибка. Это не так. Гнев поднимался внутри меня, как волны тепла от выложенного булыжником патио вокруг бассейна.

— Ты ничего не знаешь обо мне, Люций. Все, что ты знаешь, это, что я — Приобретение, проданное твоей богом забытой семье и порабощенное сначала твоим братом, а теперь тобой. Я принадлежу тебе в течение года. Мне некуда идти. Так что хватит трахать мне мозг.

— Это не так, Стелла.

— Тогда почему бы тебе просто не отпустить меня?

— Я не могу этого сделать. — Его лицо ожесточилось.

— Почему? Если ты не хочешь быть моим *похитителем*, то это самый быстрый способ развеять свою тревогу.

— Приобретение. Теперь слишком поздно, Стелла. Ты моя, — бархат исчез. Люций был сделан из камня.

— Так ли это? Помнится, как Вайнмонт говорил мне то же самое. Это и тогда не было правдой.

Его взгляд впился в меня.

— Я бы никогда не отпустил тебя, не так. Син не знал, чем обладает. Я знаю. Я хорош в трех вещах, Стелла. Трех. Первая — управление семейным бизнесом. Вторая — оценка активов. В то время, как Син недооценил тебя, я вижу твою истинную ценность.

Люций позволил словам повиснуть во влажном воздухе. Призрак человека, который забрал мое сердце и оставил черный, искривленный сосуд на его месте, преследовал нас даже при свете дня.

Не поддавайся. Люций просто манипулировал мной, как и его брат. Я вздрогнула, когда он приблизился, его мятное дыхание смешалось с моим.

Три вещи?

— Что третье?

Он улыбался, злоба виднелась в каждой его морщинке.

— Об этом ты скоро узнаешь.

От его слов по мне прошла дрожь.

Он отпустил мою руку, и я поднялась на ноги, чувствуя себя обнаженной в купальнике, когда он был полностью одет в джинсы и белую рубашку на пуговицах. Несмотря на это, он окинул мое тело взглядом, как я и ожидала от него.

— *Шеф?* — до нас донесся голос с верхней террасы.

Хавьер, человек, который привез нас с аэродрома, и который, я узнала, был главным на Кубе, когда Люция не было, появился над перилами. Я подозревала, что у него есть связи с диктатором — это было единственным объяснением того, как Вайнмонты поддерживали свои позиции на Кубе. Вдвоем с Люцием они проводили большую часть своих дней где-то не на плантации, покидая дом рано и возвращаясь после заката. Я радовалась, что Люций занимался сахарным бизнесом. Мне не хотелось ни с чем иметь дело — ни с Приобретением, ни с Люцием, ни с Вайнмонтом, ни с моим отцом. Впервые в моей жизни я погрузилась в неопределенность, но мне было все равно. Я просто хотела остаться одна.

— Иду. — Люций провел рукой по волосам, раздражаясь так

же, как это делал его брат, когда был расстроен.

В моем животе затрепетало от знакомого движения. Я опустила очки на глаза, словно какой-то щит от натиска воспоминаний. Я не хотела ничего чувствовать.

— Послушай, Стелла, просто дай мне шанс, хорошо? Я пытаюсь провести тебя через все это. Не хочу угрожать тебе или держать под замком. Я сделаю это, — он ухмыльнулся. — Не сомневайся ни на секунду. Но это не должно быть таким черно-белым. Я просто хочу...

— Что? — Я перебросила свои влажные волосы через плечо и опустила руки на бедра. Мое сердце забилось, смесь гнева и негодования неслась по моим венам. — Чего ты хочешь от меня?

— Шеф! — снова позвал Хавьер.

Люций выдал поток чего-то на испанском, прежде чем вернуться ко мне, и понизил голос.

— Всего. — Его знакомый волчий оскал появился на лице, медленно поедая меня.

Я знала это.

— Ты ничего не получишь.

— Посмотрим, Стелла. — Он повернулся на каблуках и поднялся по извилистой лестнице на террасу, его широкая спина напряглась под рубашкой. Бросив на меня последний взгляд, он скрылся в доме с Хавьером.

Я опустилась на шезлонг, сердце гроыхало в груди, ударяло в ушах, в висках. Первое испытание Приобретения закончилось, но мы все еще вели игру. Я оставалась пешкой, фигурой, которую можно было принести в жертву, чтобы Вайнмонт мог управлять развратной кабалой богатых семей юга.

Я снова взглянула на бассейн, и вода все так же отражала идеальное голубое небо. Кончиками пальцев левой руки я пробежалась вдоль шрама на правом запястье, и рубцы напомнили мне, почему я никогда не могла опуститься на дно и остаться там. Я выживу. Выберусь из этого кошмара, и никогда больше не буду слабой дурой.

Взяв полотенце, я обернула его вокруг тела и поднялась по лестнице на верхнюю террасу. Заглянула в задние окна и, убедившись, что Люций скрылся из виду, поспешила через холл, свернув направо.

Моя комната была в конце коридора. Со своим собственным частным балконом и огромной ванной комнатой, роскошь, которую она несла в себе, была далеко за пределами самых смелых мечтаний живущих в окрестностях людей. Вайнмонты превратили сахарный тростник в золото, и сохранили полученное богатство для себя.

Казалось, что у них есть особый талант вершить несправедливость, независимо от того, куда они шли и что делали.

Я потащилась в свою ванную, включила душ и сняла верх купальника, прежде чем вылезти из трусиков.

Мозолистая рука накрыла мой рот, и широкий ржавый клинок коснулся моей шеи. Меня дернули назад, и рука обхватила мои ребра, выжав из меня воздух. Мой крик не достиг ничего, кроме ладони, которая теперь прижалась к моим губам.

Глава 2

Стелла

— Ни слова, — голос у меня над ухом звучал низко и с сильным акцентом. — Где шеф? Какая комната его? Эта?

Я покачала головой. Безжизненно повисла на его руках, чтобы не давать ему повода порезать меня.

— Где? — Он ослабил хватку на моем рте, но придерживал лезвие у горла.

— В-в-вниз по коридору. Я могу показать тебе.

— Готов поспорить, ты можешь показать мне многое, а, *mi puta*, моя шлюха? — Он поднес руку к моей груди и сжал ее.

Я заставила свой крик остаться в горле.

У балкона позади нас заговорил другой мужчина. Он был явно раздражен и давал инструкции на испанском языке тому, кто держал меня.

— Позже, *mi puta*. — Мужчина смял мою грудь в своих ладонях, боль пронзала меня, пока он не отпустил.

Он толкнул меня вперед, а другой человек схватил за руку.

Мужчины были грубы. Их мозолистые руки и суровые лица говорили о многолетнем труде. И они пришли не ради разговоров, судя по их мачете.

— Показывай, где он. Если издашь хотя бы звук, я отдам тебя Франко. — Он дернул подбородком в сторону мужчины, схватившего меня первым. — *Comprende?* (прим. перев. — *Понятно?*)

— Да. — До меня доходили кое-какие слухи о том, как местные рабочие были недовольны сокращением прибыли от сахарного тростника. Казалось, что Вайнмонты начали выжимать больше за последние несколько месяцев, увеличивая свой собственный доход и игнорируя бремя, и без того наложенное на натруженных фермеров.

Напряжение, казалось, достигло точки невозврата. Они убьют Люция? Эта мысль взволновала меня, но что будет со мной, если не станет их шефа? Я посмотрела через плечо на Франко, его низкий лоб и зубастый оскал. Не думала, что это возможно до этого момента, но для меня будет хуже, если Люция не станет.

— Шагай. — Мужчина подтолкнул меня вперед, и я начала

идти, прекрасно отдавая себе отчёт о нападавших, их оружии и осознавая собственную наготу.

Я повернула влево, в направлении главной части дома, надеясь, что кто-то увидит нас и поднимет тревогу. В конце концов, была середина дня, и в доме было несколько слуг. Мы прошли несколько спален, и у меня мелькнул проблеск надежды, когда Рауль, один из дворецких, вывернул из-за угла перед нами. Он застыл, его рот раскрылся, когда он увидел меня. Затем он уставился на мужчину, держащего меня за локоть. Я хотела, чтобы он побежал, закричал, сделал хоть что-то.

Вместо этого он потупил взгляд и отступил в ближайшую спальню, закрыв за собой дверь. *Блядь.*

Франко засмеялся у меня за спиной.

— *Соño.* (прим. перев. — «трус».)

Я продолжала идти, ведя их к кабинету Люция. Мы больше не встречали слуг, и дом казался устрашающе спокойным. Адреналин в моем организме поднялся на другой уровень, сердце громко стучало в ушах, когда мои ноги начали заплетаться.

— Продолжай. — Мужчина поднял меня за руку, заставляя идти ровно.

Я сделала еще несколько шагов к закрытым французским дверям, ведущим в кабинет Люция.

— Здесь?

Я кивнула.

Франко схватил меня за плечо.

— Беги, *puta*. Я скоро найду тебя.

Мужчины оттолкнули меня в сторону и сделали последний шаг к дверям. Франко поднял ногу и пнул по ним. Другой мужчина последовал за ним, когда они бросились вперед, с мачете наготове.

Я ринулась прочь. Моя уловка сработала. В вечернее время Люций и Хавьер работали в библиотеке, а не в кабинете. Я побежала по коридору, ноги шлепали по плиточному полу. Топот, эхом раздававшийся позади меня, сообщил, что Франко и другой мужчина бежали за мной по пятам.

— Люций! — закричала я, влетев в библиотеку. Они с Хавьером поднялись, когда я закрыла двери и повернула замок.

— Какого черта, Стелла? — Люций окинул взглядом мое тело.

— Мужчины, — задыхалась я, — здесь, чтобы убить тебя. — Я указала на дверь и попятилась от нее.

Хавьер вынул пистолет из кобуры на поясе, а Люций вытащил свой из-под стола. Дверные ручки начали трещать.

— Стелла, спрячься! — рявкнул Люций, указав под стол.

У меня не было ни одежды, ни оружия. Мне ничего не оставалось, кроме как выполнить его приказ. Я побежала к столу, когда дверь начала поддаваться. Он дернул меня вниз.

— Не вылезай, пока я не скажу. — Его голубые глаза наполнились тревогой, прежде чем он встал и исчез.

Последовал очень мощный удар, после которого дерево не выдержало и раскололось. Выстрелы звучали так громко, что я закрыла уши. Крики и проклятия, на английском и испанском — все смешалось, когда грохот прекратился, и не осталось ничего, кроме тишины.

Люций и Хавьер обменялись парой фраз на испанском, чего я не смогла разобрать.

— Стелла, сколько их было? — позвал Люций.

— Двое.

— Ты уверена?

— Не знаю. Я видела только двоих. — Испуганное лицо Рауля мелькнуло у меня в голове. — И Рауль видел их со мной, но он просто... Он ничего не сделал.

— Я проверю земли, — произнес Хавьер.

— Будь осторожен. Я никому не доверяю. Ни персоналу, никому. Не сейчас.

— Понял, шеф.

Шаги, затем Люций опустился на колени и протянул мне руку.

— Давай. Они больше не беспокоят нас.

На нем не было ни царапины, хотя он только что убил двух человек. Он был спокоен, словно всего лишь прихлопнул муху.

Я потянулась к нему, но потом заметила, как сильно дрожало мое тело. Он вытащил меня из-под стола и наклонил мой подбородок большим и указательным пальцами. Осмотрев шею, сказал:

— У тебя кровь.

— Кровь? — Меня окутало дымкой, и в ушах зазвенело. В воздухе висел запах горелого пороха. Взгляд за его спину открыл мне два тела и море ярко-красной крови вокруг них, которое блокировало дверь. Как нам выйти, не наступив на нее? Я заманила их сюда, прямоком на их собственную казнь. Я уже была покрыта их кровью, просто она была невидима для глаз.

— Стелла? — Люций снова привлек мое внимание к себе, наморщив лоб. — Идем. Давай вытащим тебя отсюда. — Он поднял меня на руки, все еще держа пистолет рукой, которой придерживал меня под коленями.

Я напряглась.

— Я сама могу идти.

Он покачал головой, и его светло-шоколадные волосы упали на глаза.

— У тебя шок.

— Пережила нечто и похуже.

Он провел пальцами по моей спине, чувствуя бугристость моих шрамов.

— Знаю. Закрой глаза. Я собираюсь перешагнуть через них и отнести тебя в твою комнату.

— Нет. — Мой голос дрогнул, и я снова опустила глаза, тела притягивали мой взгляд как магнит. — Там меня и нашли.

— Закрой глаза. Сейчас же, — тон Люция был суровым.

Я повернулась к нему и уткнулась лицом в плечо, по-прежнему чувствуя их безжизненные взгляды. Он пересек библиотеку, сделал последний большой шаг через лужу крови, а затем мы вышли в коридор. Я открыла глаза, когда он повернул направо, подальше от моей комнаты. К своей. Он передвигался тихо и оборачивался на каждую дверь, ожидая незваных гостей.

Открыв дверь своей спальни, Люций заглянул, прежде чем пройти и посадить меня на кровать. Натянув одеяло до подбородка, я наблюдала, как он проверял ванную, шкаф, а затем закрыл и запер балконные двери в комнате.

— Здесь ты будешь в безопасности. Я собираюсь найти Хавьера и убедиться, что их было всего двое. — Он щелкнул чем-то на пистолете, и из него выскользнул магазин. Он проверил пули и кивнул себе, прежде чем оглянуться на меня. — Ни шагу из этой комнаты.

Я уставилась на ярко-красный мазок вдоль его ботинка. Кровь. Так много крови на моих руках. Кровь моей матери, моя, людей на полу. Сколько в этом было моей вины? Во всем этом?

Он шагнул ко мне, его светлые глаза сверкали даже в затемненной комнате.

— Стелла, скажи мне, что останешься здесь. Мне нужно, чтобы ты находилась в безопасности.

До меня дошла его полуправда. Я была ему нужна. Ему было

нужно, чтобы никто не тронул его Приобретение, пока он сам не прикажет. Через три недели на Рождество, когда начнется второй суд. Сможет ли он удержать меня в безопасности тогда? Рассказ Рене о пытках и жестокости повторялся в моем сознании, создавая каркас боли вокруг бассейна крови, который уже впитывался в мое сознание.

Подняв глаза, я встретила его сосредоточенный взгляд.

— Я останусь здесь.

— Хорошо. Я скоро вернусь. Не открывай эту дверь никому другому. Даже Хавьеру. Поняла? — Он поднял пистолет. Никакой дрожи в руках, словно они были созданы для убийства.

Он отпустил курок с мягким *клик*, говорящем о смерти. Потянувшись к моему лицу, Люций убрал прядь волос мне за ухо. Я отшатнулась от его прикосновения.

Его глаза сузились.

— Оставайся здесь. Никто, кроме меня, не пройдет через эту дверь. Скажи, что ты понимаешь, Стелла.

— Да. — Я хотела, чтобы он ушел. Хотела, чтобы все это исчезло.

Люций поднял пистолет и подошел к двери.

— Закрой ее за мной.

Он молча открыл дверь, выглянул, а затем проскользнул, прежде чем закрыть за собой. Я встала, забирая с собой одеяло, и повернула замок. Это всего лишь сдерживающий фактор. Если другие захотят войти, они войдут.

Я осмотрела комнату в поисках оружия. Выбор был не велик, разве что мне удастся сделать кинжал из местных произведений искусства или декоративных корзин для табака. Я подошла к прикроватной тумбочке Люция. Ничего полезного. Развернулась и поймала камин боковым зрением. Схватила железную кочергу, крепко сжала и почувствовала ее вес. Это не поможет, если у злоумышленника будет пистолет, но это лучше, чем ничего.

Бросив одеяло обратно на кровать, я поспешила в его гардеробную. Закрyla за собой дверь и сорвала с вешалки белую рубашку на пуговицах. Надела ее, закатав рукава, не обращая внимания на то, что на мне не было трусиков. Среди деревянных вешалок и ящиков спрятаться было негде.

Я отмела идею укрыться в шкафу и вернулась к кровати, села и стала ждать. Это все равно было не важно. Если бы кто-то пришел сюда, чтобы убить меня, мои попытки спрятаться не остановили бы их. Меня бы нашли.

Напряжение курсировало по моему телу, каждый обычный звук

в доме превращался во взрыв бомбы, шокируя мои нервы. Тиканье часов, крик птицы на крыше рядом, медленное капанье воды в ванной Люция. Я отползала назад, пока не упёрлась спиной в изголовье, взяв каминную кочергу с собой. Кованый металл приносил с собой странное чувство комфорта.

Смогу ли я умереть здесь, а не на суде Приобретений? Возможно, это окажется лучшим выходом. Возможно, это восстание фермеров — если его можно так назвать, — было скрытым благословением. Я рассеянно провела кончиками пальцев вдоль шрамов на левом запястье. Тогда я хотела смерти. Я все еще играла с ней, флиртовала с другой стороны комнаты взглядами и смущенными улыбками. Смерть наблюдала за мной, как будто я была ее следующим партнером по танцам, ее очередным пышным праздником во плоти. Как долго продлится наш флирт до того, как она затащит меня в закрученную массу танцоров, поглотит юбками и темными улыбками?

Воздух оставался неподвижным, весь дом превратился в склеп для двух тел, может быть, и больше. Я сосредотачивалась на каждом шуме, каждом скрипе в доме. Через час или около того резкий грохот нарушил тишину. Последовал однократный выстрел, к которому вскоре присоединились другие. Послышались громоподобные выстрелы, смешавшиеся с неожиданным треском, пока я вжималась в одеяло, а мой взгляд неподвижно сфокусировался на двери.

Солнце медленно исчезало за окном, пока я ждала. Комната погружалась во мрак, несколько часов не было слышно ни голосов, ни выстрелов. Я не осмелилась включить свет. Адреналин давно испарился из моего тела. Я опустила на постель, положив голову на подушки, чтобы иметь возможность следить за дверью. Запах Люция окружил меня, сандаловое дерево и изысканность впитались в мои поры.

Веки налились свинцом. Мне стоило сесть ровно, стоило походить. Вместо этого я позволила темноте усыпить меня. Это было не в первый раз.

Дверь распахнулась, и я вскочила с кровати. Сон как рукой сняло, и на его месте появилось желание убивать. Сжав в руке кочергу, я бросилась вперед на темную фигуру, вошедшую в комнату. Отводя руку назад, я ждала выстрелов, ждала, пока прольется моя кровь. Но ничего не было.

Я качнулась изо всех сил, но фигура схватила меня за запястье и

с силой сжала. Давление увеличивалось, пока боль не пробралась до костей, и я с криком бросила металл. Он накрыл рукой мой рот и обнял за талию, притянув к себе. Страх охватил меня как зыбучий песок и потащил вниз, пока я не поняла, что задохнусь.

Я всмотрелась в него, чтобы увидеть человека, готового меня убить. Вдохнула через нос и почувствовал его запах — лесной, мужской. Мое сердце забарабанило под ребрами. Я узнала его, это твердое тело напротив моей груди, ощущение его рук, захвативших в плен мои.

— Стелла, — глубокий тембр его голоса подкосил мои колени, но также подлил керосина в ураган ненависти, который горел в моем сердце. Пламя полыхнуло, захватив остальную часть меня огнем, заставив каждый нерв пылать.

Я возобновила свое сопротивление, пинаясь ногами и широко раскрыв рот, чтобы изловчиться и впиться зубами в его ладонь. Этот ублюдок осмелился прикоснуться ко мне после всего, через что меня провел — мой контракт, бал Приобретений, продажа меня моим отцом. Он должен был истекать кровью, страдать. Я укусила сильнее. Он зарычал, но не выпустил меня. Даже когда я ощутила медный вкус во рту, и он так сильно сжал меня, что перед глазами потемнело, он не отпустил.

— Остановись, — приказал Вайнмонт, нетерпение сочилось из его слов.

Не достигнув успеха, я расслабила челюсть, и он отдернул руку, обняв меня, отталкивая назад, чтобы он мог закрыть за собой дверь.

— Где Люций?

Его тело казалось натянутым резче струны в фортепиано, но мой вопрос заставил его вибрировать сильнее.

— Здесь. Перевязывает руку.

— Хавьер ранен?

— Получил пулю в плечо. Она прошла навылет, но это все равно чертовски больно, судя по его нытью. — Он подталкивал меня, пока мои колени не коснулись кровати, и я не села.

Синклер сделал шаг назад и осмотрелся вокруг, серебряные полосы луны снаружи стали единственным источником света в комнате. Он шагнул к двери и щелкнул выключателем. Вспышка света ослепила меня на мгновение, но это не имело значения. Все остальное было забыто. Передо мной стоял Вайнмонт: его темные волосы в сущем беспорядке, кровь бежала из порезов на щеке, шее и руках. Правая брючина была окрашена в ярко-красный и казалась еще влажной.

Но самым выразительным были его глаза. Глубокого синего

цвета, буйные, наполненные властью и болью, что кромсают мою, и без того уже потрепанную душу, на еще более мелкие кусочки, прежде чем развезть их на все четыре стороны.

— Что...

— Мы в безопасности. — Вайнмонт окинул взглядом каждый дюйм моего тела с ног до головы. — Пока что.

— Что случилось?

Он проигнорировал мой вопрос и подошел к ванной. Хоть он и хорошо скрывал боль, я видела, как он слегка вздрагивал каждый раз, когда ступал на правую ногу.

Синклер открыл бельевой шкаф и начал рыться в поисках аптечки. Я последовала за ним, задержавшись в дверях, когда он опустился на край ванны и рывком открыл крышку. Содержимое посыпалось на пол, он схватил бутылку со спиртом, прежде чем сорвать крышку и полить им порезы на руках и шее. Некоторые были глубокими, и от спирта кровь потекла еще сильнее. Он положил пистолет справа от себя.

Ему нужна была помощь. Руки и шея заживут, но вот ярко-красное пятно, расползающееся вдоль его ноги, выглядело намного, намного хуже. Стоит ли мне помогать врагу? Человеку, который меня бил, мучил и говорил, что сделает все это без колебаний? Я кусала губу, пока он прикладывал марлю к ранам и каждые несколько мгновений поглядывал на меня, словно убеждаясь, что я еще здесь.

Заметив легкую дрожь в его руке, я решила действовать.

— Вот. — Я схватила несколько полотенец и тряпок из шкафа и опустилась перед ним.

Он поднял брови и застыл, удивление ясно читалось в глазах цвета океана. Затем он отвернулся, отрезав меня от синей глубины. Я взяла его ладонь и осмотрела руку, которая выглядела хуже. Порезы были ровными, явно нанесенными ножом, один был особенно глубоким. Он проходил через одну из толстых, изогнутых виноградных лоз выше локтя. Нужно было наложить швы, чтобы остановить кровь, стекающую на белую плитку. Я обыскала содержимое аптечки и нашла маленький медицинский степлер. Это должно помочь.

— Я хочу увидеть твою ногу, прежде чем сделаю что-нибудь еще.

— Все нормально. Заживет. — Вайнмонт потянулся за наполненной до половины бутылкой спирта, но его руки задрожали сильнее, и он перевернул ее в ванну. Я наклонилась над его бедрами и схватила ее прежде, чем все содержимое вылилось на дно.

— Просто дай мне посмотреть. — Я опустилась на колени. —

Снимай штаны.

Он ухмыльнулся.

— Соскучилась?

Я была мотыльком, пытавшимся помочь пауку. *О чем я только думала?* Я начала подниматься.

— Иди трахни себя.

— Остановись, — его голос дрогнул. — Пожалуйста. — Он потянулся к темному кожаному поясу и расстегнул его, затем открыл молнию.

Я с трудом сглотнула, сердито глядя на него, взялась за джинсы по бокам его бедер и потянула, когда он немного приподнялся. Мужчина тяжело опустился на руку, которую я прокусила до крови, и та соскользнула на ванну, оставив ярко-красный мазок по белому фарфору. Его боксерские трусы были единственным предметом одежды, не пропитанным кровью. Я стянула брюки до лодыжек и ахнула, обнаружив колотую рану на голени. Она была длиннее и глубже, чем рана на предплечье. Из рваных краев сочилась кровь.

— Как? — Я посмотрела вверх в его сапфировые глаза.

— Он пришел ко мне. — Вайнмонт поднял руки, и я смогла понять, что раны были оборонительными. — Я отбивался. — Он повернул запястье, чтобы я могла увидеть его окровавленные суставы. — И когда он упал, то нанес последний мощный удар, прежде чем я... — Синклер повернул руки и уставился на ладони, наморщив лоб. Он посмотрел на меня, глаза казались загнанными.

Имея каплю сострадания, я потратила его на него, хоть он и этого не заслуживал.

— Ты сделал то, что должен был. Все будет хорошо.

Он фыркнул с чуть заметным смешком, но ни об улыбке, ни о какой-либо искре радости не было и речи.

— Кажется, я продолжаю это делать.

— Что?

— То, что должен, невзирая ни на что. Невзирая на пострадавших. Независимо от того, кого я уничтожаю, — он умолк, скорбь звучала в каждом слого, прежде чем он выровнял спину и отвернулся.

Раскаяние? Я бы рассмеялась. Мне хотелось; сумасшедший импульс сделать это поднимался из глубины и почти сорвался с моих губ. Вместо этого я вытащила ремень из его джинсов и затянула вокруг его бедра, дернув так, чтобы на мгновение замедлить кровообращение. Когда он поморщился, я почувствовала небольшое

удовлетворение от мести. Затем сняла с него сапоги, носки и полностью штаны.

Смочила тряпку спиртом и прижала к его ране. Он зашипел, но так и не двинулся. Ему было адски больно. *Хорошо*. Я как следует прочистила рану, когда его дыхание стало рваным. Белая ткань впитывала его кровь, его жизнь с каждым моим движением. Как только я осталась удовлетворена, и рана стала такой чистой, какой я только могла ее сделать, я взяла степлер в одну руку и сжала другой поврежденную кожу вместе.

— Готов?

Он повернулся ко мне, прижал лицо к углу каменной стены и кивнул. Я нажала на спусковой крючок, и аппарат издал громкий *тик*, когда скрепка вонзилась в кожу. Он сжал руки в кулаки, но не показал ни единого признака боли. Я сделала еще один шов, затем еще и еще, продолжая, пока рана не была полностью запечатана. Кровь все еще вытекала по краям, но большая часть ущерба была возмещена, поэтому я смогла открепить импровизированный жгут. Сняв с него рубашку, открыв для себя уже знакомую эмблему Вайнмонта, сверкавшую на его груди, я поднялась и проделала ту же процедуру на его руке. После того, как самая большая рана была запечатана, я использовала марлю и пластырь.

Когда закончила, белая рубашка, которую я носила, была пропитана кровью. Я вытерла пот со лба тыльной стороной ладони и села рядом с ним на край ванны.

— Спасибо. — Он смотрел прямо перед собой с напряженной шеей и сжатой челюстью.

Я исцелила паука, привела его в лучшую форму, чтобы он мог еще больше разрушить меня при следующем выпавшем ему шансе. Сомнений не было. Моя плоть будет разорвана, кровь будет пролита, и он будет тем, кто сделает это, как и прежде. Я была душой.

Мой взгляд упал на пистолет всего в нескольких дюймах, руки зачесались взять его. Могу ли я убить его? Прикончить его и сбежать? Насколько бы мозг не хотел сказать «да», сердце оставалось предателем, твердящим «нет».

Словно читая мои мысли, он поднял пистолет и встал на ноги, но покачнулся. Синклер потерял слишком много крови — полотенца были пропитаны ей, как и его одежда. Я оттолкнулась руками и обняла его за талию, помогая ему дойти до кровати Люция. Вайнмонт опустил голову, положив пистолет на подушку рядом, и огляделся вокруг затуманенным взглядом.

— Просто отдохни минуту. Тебе нужно исцелиться. Я пойду на кухню и достану тебе сок и все, что смогу найти. — Мне нужно было это, чтобы очистить голову, чтобы справиться с потрясением от того факта, что он вновь ворвался в мою жизнь. Я сделала один шаг,

прежде чем он схватил меня за запястье.

— Останься.

— Нет. Тебе нужна жидкость, чтобы восполнить потерю крови.
— Я потянула запястье, но это было бесполезно.

Его ладонь вжалась в мои шрамы, именно благодаря им я знала, как помочь ему восстановить свою кровь. Я лежала под капельницей в течение нескольких дней даже после переливания.

Я вздохнула.

— Скоро вернусь.

— Нет. — Он дернул, и я упала на кровать рядом с ним. — Это небезопасно. — Он обнял меня забинтованными руками и потянул к себе, прижавшись своей твердой грудью к моей спине.

— Вайнмонт! — Я попыталась оттолкнуться от него, но меня поймали.

— Ты никуда не пойдешь. Слишком опасно. — Его пальцы играли по краю моей рубашки, без сомнения, чувствуя сырость крови. — Сними это.

Я напряглась. Я не могла лечь в постель с ним голой.

— Нет.

— Снимай, — зарычал он и схватился за одну сторону, сдергивая рубашку, из-за чего пуговицы оторвались и покатались по паркетному полу, затем он грубо потянул рубашку вниз по моим рукам и отбросил ее.

— Какого черта, думаешь, ты делаешь? — Его тело было горячим, живым и крепким за моей спиной. Я не могла оставаться здесь. Не с ним. Не в этой постели, словно мы были любовниками, словно были двумя людьми, которые могли найти утешение друг в друге. Мы не могли. Мы никогда не были такими людьми. — Прекрати!

Он поймал меня, мое сопротивление ничего не значило для него, даже когда он был слаб.

— Ты не оставишь эту кровать. Привыкай к этому. Не пытайся, блядь, ничего пробовать.

Я прекратила сражаться. Не было никакого смысла. Мне просто нужно подождать, пока он не заснет.

— Ты моя, Стелла. — Он крепче сжимал меня с каждым словом. — Мне все равно, куда ты сбежишь, кого выберешь, что скажешь или сделаешь. Ты, вся ты, принадлежишь мне.

— Я не вещь, который ты можешь обладать, — прошипела я.

Он засмеялся низким и полным тепла смехом.

— Можешь хоть из страны в страну бегать. Я найду тебя, и ты останешься там, где находишься сейчас.

Я попробовала другую тактику, ту, которая должна была вернуть его к реальности.

— Кроме того, если я кому-то и принадлежу, то это Люцию.

Вайнмонт перестал смеяться и потянулся своей свободной рукой к моим волосам, проводя ею между прядями, прежде чем схватить их так сильно, что мне стало больно. Я вскрикнула.

— Он прикасался к тебе? — его голос звучал над самым моим ухом, опасность и соблазн резали меня, как нож его кожу.

— Отвали.

Он дернул.

— Прикасался?

Я грубо рассмеялась.

— Да. Каждую ночь. Каждую ночь он трахает меня, пока я не выкрикну его имя. Он делает это так хорошо, что стал всем, о чем я могу думать. Я хочу этого от него. Мечтаю о нем. Когда его член оказывается у меня во рту, я как никогда счастлива. Я прошу его трахнуть меня в задницу. И когда он это делает, я кончаю так сильно, что теряю сознание.

Он расслабил свою хватку и втянул запах моих волос.

— Закончила? — его смех был низким, соблазнительным. — Или приготовила для меня очередную порцию лжи?

Мое тело согревалось под его прикосновением, его дыханием, его голосом. Я хотела вспомнить, как он отхлестал меня кнутом, как показал мне контракт, с помощью которого купил меня у моего отца. Я не поддамся на его уловки. Не снова. Хватит с меня быть его игрушкой.

Он отпустил меня на мгновение и взял белое одеяло, забросив его на нас и запачкав кровью. Я отодвинулась от него, отдалив наши тела, но это не имело значения, он потянулся через меня и выключил свет с помощью дистанционного пульта, прежде чем прижать меня к себе. На этот раз я почувствовала, как его полутвердый член прижался к моей заднице.

— Прекрати, — мой голос дрогнул, потрясение внутри меня вылилось в неопределенные замечания.

Он положил ладонь на мой голый живот, касаясь указательным пальцем нижнего изгиба моей груди.

— Скажи мне остановиться еще раз. Пожалуйста, Стелла. Скажи мне это еще раз, и посмотришь, что произойдет.

Его слова были темным обещанием, которое направило поток электричества прямо между моих бедер. Я снова попала в его сеть, попала и раскачивалась, пока он медленно погружал в меня клыки.

Я молчала. У меня не было другого выбора.

— Нет? — поддразнивал он, проводя губами по моей шее. — Не хочешь узнать? Не хочешь, чтобы я перевернул тебя на живот, отшлепал твою задницу, намотал на кулак волосы и оттрахал твою тугую киску, пока ты не закричала бы? Связал бы тебя, заставил кончать снова и снова, пока буду находиться глубоко в твоей заднице, пока ты не попросишь меня остановиться? Не хочешь ничего из того, о чем ты только что солгала мне? Я могу воплотить каждую твою ложь в реальность, Стелла. Всю до единой. — Кончик его пальца двигался взад-вперед по чувствительной коже моей груди, каждый нерв в моем теле был сфокусирован на этом слабом движении. — Я мог бы сломать тебя, и ты полюбишь каждую минуту этого.

— Ты никогда не сломаешь меня. Никогда, — ярость в моем голосе удивила меня саму. Тогда я поняла, что имела это в виду. С каким напором я собиралась сражаться. Больше не будет погружений на дно бассейна. Не будет игр со смертью посредством напитков и танцев. Я намеревалась пройти через комнату, обхватить смерть руками за шею и притянуть ее к себе. Поцеловать ее, словно завтра не наступит, и бросить ей вызов воспротивиться мне. Трахнуть ее. И трахнуть Вайнмонта.

— Посмотрим, — хотя его голос говорил об истощении, хватка на мне не дрогнула.

Вскоре он заснул, его дыхание стало глубоким и даже щекотало мою шею.

Я попыталась ускользнуть дважды после того, как он отключался, но мне удалось установить рассояние всего лишь в пару дюймов между нами, прежде чем он обнял меня, словно тисками, и дернул меня назад с рыком.

В конце концов, я заснула, обьятая Вайнмонтом, сожалением и слабым запахом Люция.

Глава 3

Синклер

Стелла мирно дремала на моей груди, ее ярко-рыжие пряди рассыпались вдоль моего предплечья, словно переплетаясь с лозами, покрывающими мою кожу. Солнце поднялось, не принеся с собой большего кровопролития, хотя накануне их было много. Мною были убиты мужчины. Львиная доля времени моей жизни, если не больше, посвящена сохранению поместья Вайнмонт в целости.

Я не винил фермеров или зачинщиков, и даже наемников, которых вербовали наши конкуренты, чтобы устроить хаос. Нет, я винил Суверена. Если бы Кэл не потребовал с нас еще больший процент, ничего из этого не случилось бы. Фермеры были просто побочным осложнением, пешками в гораздо большей войне, которая шла на сотни миль к северу отсюда в заливе Луизианы.

Я провел рукой по спине Стеллы. Маленькие бугорки омрачили ее кожу, как шрифт Брайля под кончиками пальцев. Я написал нашу историю на ее невинной плоти кровью и жестокостью. Во мне шевелилось сожаление, но то, что я сделал, было необходимостью. Как и все испытания.

Ее ресницы затрепетали на моей груди, и она издала ангельский вздох. Ее грудь вжималась в меня, гладкое бедро лежало на моем. Она была мягкой и теплой — влажная мечта в моих руках. Я вдохнул ее аромат — лаванда и ваниль.

Поднял руку и зарылся пальцами в ее волосы. Мне не хотелось, чтобы она вздыхала. Мне хотелось, чтобы она кричала, хотелось слышать мое имя на ее губах, хотелось мой экстаз, пульсирующий по ее венам. Но это было не так просто. Да и никогда не было. Мне нужно было гораздо больше от нее, чем простая капитуляция. И последние две недели без моего контроля над ней оказались пыткой.

Она убежала. Мой кулак сжался.

Подальше от меня. Ее глаза открылись.

Она выбрала Люция. Я крепко схватил ее за волосы.

— Вайнм...

Прежде, чем она смогла даже проклясть мое имя, я перекатился на нее, толкнувшись коленом между ее ног, когда она начала бороться. Ее попытки дать мне отпор сделали мой член лишь тверже. Она была моим Приобретением. Моим! Ей нужно было это знать. С

моей стороны было глупо потакать ей так долго. Глупо давать ей надежду, позволять ей думать, что она могла бы растопить мое сердце. Может быть, если бы я мог это сделать, если бы я мог измениться, я бы, наконец, перестал видеть в ней нечто большее, чем собственность.

— Не смей. — Ее глаза широко распахнулись, все следы сна ушли, и страх занял их место.

То, что мне и нужно. Ее страх. Ее презрение. Я накрыл ее рот рукой и уставился ей в глаза. Она вонзилась ногтями свободной руки мне в спину, другую я прижал над ее головой. Мой член уперся напротив ее горячего ядра, только ткань моих боксеров разделяла нас. Я мог бы взять ее. Взять всю.

— Я должен был это сделать в первый же день, когда ты появилась у меня дома, Стелла. — Вдавил ладонь ей в губы, наверняка оставляя синяки на них. — Я был слаб. Ты сделала меня таким. С первого момента, когда я увидел тебя, ты стала чертовым ядом.

Но затем в ее изумрудных глубинах что-то заискрилось. Не страх. Вызов.

Ее брови опустились на крохотное мгновение, будто бросая мне вызов продолжить. Она издала рычащий звук под моей ладонью, глубокий и гортанный. Жар между ее ног заставил меня подтолкнуть свои бедра к ней. Она была влажной и объятая желанием, даже если в ее глазах плескалась жажда мести. Я хотел ее, хотел каждый последний кусочек ее гнева, ее ненависти.

Несмотря на это, я знал, что если сделаю это, она никогда не простит меня. И тогда я действительно потеряю ее. Смогу ли я это вынести? Это не имело значения. Я должен был сделать это. Разрушить ее было единственным способом, чтобы победить. И я выиграю, несмотря ни на что.

Жгучая боль взорвалась в моей голени в тот момент, когда Стелла изо всех сил пнула по ней. Она вдавила пятку мне в рану. Я повернулся на бок, потянувшись к раненой ноге, и девушка выскользнула из-под меня и слезла с кровати. Она отползала, полированное дерево пола скрипело под ней. Я пришел в себя и бросился за ней, прыгая на здоровой ноге, прежде чем смог опуститься на колени и схватить ее за волосы. Я приземлился ей на спину, и Стелла закричала, прижавшись ко мне.

— Сделай это, черт возьми, ты, психопат! — несмотря на ее слова, она все еще сражалась со мной, отталкивая руку, которой я удерживал ее волосы.

Она была беспомощна. Я прижался к ней бедрами, трение моего твердого члена об ее мягкую попку стало почти невыносимым. Потянул ее голову в сторону и лизнул ее ухо, прежде чем захватить

его зубами и прикусить.

Она захныкала, ее ногти царапали пол, когда я целовал ее шею, пробуя кожу так, как мечтал каждую секунду ее отсутствия. Я ждал, когда она вернется и поймет, что допустила ошибку. Но она не возвращалась. Не вернулась. Я прикусил плоть над ее яремной веной, желая наказать за побег, за то, что она ушла из моего сердца, захватив с собой то, что от него осталось.

Она извивалась подо мной, прилагая последние усилия для побега. Ни шанса. Я приподнялся и перевернул ее на спину, прижав запястья к полу и изучая лицо. Ее грудь вздымалась, киска горела, от чего мой член начал твердеть. Утренний свет заставил ее глаза искриться даже сквозь ненависть, которую я в них видел.

— Ты жалок. Весь ты. Просто покончи с этим. — Она сжала кулаки, но ничего не могла с ними поделать. Ее взгляд горел самым настоящим пламенем.

С ее подначиванием я понял, что не смогу. И это знание запечатлело мою судьбу. Если я не смогу ее сломать, мне придется заплатить цену. Этого требовало Приобретение.

Внезапная вспышка света со стороны виска отправила меня в зловещую темноту, а затем на меня навалились руки, подняли и откинули на спину. В глазах посветлело. Стелла вскрикнула и повернулась на бок, сворачиваясь в кубок. Люций стоял над мной, наморщив от ярости лоб.

— Не смей, блядь, прикасаться к ней, Син! — Он подошел к ней и взял на руки. Стелла прижалась к нему и уткнулась лицом в шею.

Я попытался встать, но моя раненая нога подвела, и я приземлился на задницу. Люций вышел из комнаты со Стеллой, держащейся за него.

Она посмотрела на меня в последний раз глазами, полными слез и боли. Затем ее не стало, как и надежды, что ушла с ней.

Глава 4

Стелла

Люций посадил меня на край моей кровати и закутал в одеяло. Он опустился рядом со мной и положил ладонь мне на щеку. Я вздрогнула и отстранилась, но он обнял меня рукой за талию, удерживая неподвижно.

— Он сделал тебе больно? — Взгляд его голубых глаз был направлен прямо на меня.

— Нет. — Я покачала головой, не обращая внимания на дрожь в голосе.

— Он больше никогда тебе не навредит. — Его челюсть сжалась, но прикосновение оставалось мягким.

— Я в порядке. — Я вздрогнула от того, что сделал Вайнмонт. Его угроза стала весомей за две недели, пока мы были порознь, а не наоборот.

— Ты не в порядке. Не лги мне.

Я оттолкнула его. Мне осточертело грубое обращения или запугивание от любого из них. Хватит.

Он вздохнул и отпустил меня.

— Я не он.

Я позволила своему взгляду задержаться на татуировках, выглядывающих из-под краев его рукавов. Даже если братья не были похожи, они навсегда были связаны, их объединяла одна сторона.

Его лицо немного смягчилось.

— Стелла, послушай...

— Что произошло вчера? Здесь безопасно? — С меня хватит игр разума. Я всего лишь хотела узнать, переживу ли я сегодняшний день.

Он сердито посмотрел, тонкие морщины исказили уголки его рта.

— Недовольство местных, вызванное внешними причинами. Об этом позаботились. Мне нужно было устроить Хавьера и встретиться с бесполезными правительственными чиновниками позже.

Кровь заляпала его рубашку в нескольких местах, большая

часть ее уже была коричневой в утреннем свете. Он казался невредимым, кроме нескольких царапин, что натолкнуло меня на вопрос, чья кровь на нем была.

Он продолжил:

— Это была единственная причина, по которой я не вернулся к тебе. Я отправил Сина, чтобы защитить тебя, потому что сам не мог. Я управляю бизнесом здесь, поэтому именно я должен был разрешить ситуацию. Я не понимал, что он...

— Похоже, ты не знаешь своего брата так хорошо, как думал. — Я подняла одеяло выше, прикрывая каждый дюйм кожи на шее. — Не волнуйся. Твое маленькое вложение защищено и может быть *многократно* использовано на следующем суде Приобретений. Ущерб не нанесен.

Он немного сник. Виной тому усталость от долгой ночи или мои острые слова, я не знала.

— Существуют традиции. Все должно быть сделано определенным образом. Ты не поймешь.

Я выгнула бровь.

— А *ты* понимаешь? Вайнмонт говорил, что ты пока даже не знаешь правил, но окунулся с головой и начал играть.

— Мне не нужны какие-либо правила для победы, Стелла. — Он встретил мой взгляд.

Я не отклонилась. Я не съезжусь ни перед кем и ни перед чем. Я тоже могла играть в эту игру.

— Ты полон дерьма. Твое второстепенное положение после твоего брата заставило тебя действовать опрометчиво.

Он медленно потянул за одеяло, пока мои плечи не раскрылись, хотя его глаза так и не покинули моих. Интенсивный жар загорелся в них без промедления.

— Я всегда поступал опрометчиво. Ничего нового.

Кончиками пальцев он погладил мою ключицу — нежное ощущение, весьма противоречащее жадному взгляду в его глазах.

— Я дал тебе две недели. Две недели, чтобы привыкнуть ко мне. Я бы никогда не попытался заставить тебя. Я не мой брат, Стелла. Достаточно ли тебе было времени? — Он скользнул ладонями вниз, стягивая пуховое одеяло по обнаженной коже моей груди.

Мое дыхание застряло в горле при взгляде на него.

— Я не твоя. Неважно, что говорит какой-то контракт или какие-то правила Приобретения. Я никогда не стану твоей.

Он ухмыльнулся и стянул одеяло до конца, прежде чем притянуть меня к себе. Его рот с жаром набросился на мой, язык с желанием искал мой. Я толкнула его в грудь, но его хватка на мне была непоколебима. Его губы были твердыми, настойчивыми.

Он ворвался языком внутрь, изучая и постанывая, пробуя меня. Тепло пульсировало во мне, но все было не то — его запах, голос, губы. Даже когда мое тело нагрелось от его близости, мои мысли плыли к его брату. То, как он обращался со мной раньше, ощущение его между моими ногами, боль и решительность в его глазах, когда он сказал мне, что я — его яд.

Вайнмонт был прав. Я отравлю их обоих. Поэтому я шире открыла рот, позволив Люцию взять надо мной верх. Позволив ему думать, что я выбрала его. Он толкнул меня на кровать и прижал руку к моей груди, сминая ее, пока его твердая длина упиралась в мое бедро.

Я издала фальшивый стон. Его прикосновение было приятным, но не посылало шок адреналина через меня, как это было с Вайнмонтом. Оно не имело значения. Я использую Люцию. Сделаю то, что должна сделать, чтобы по-настоящему настроить его против собственного брата. Я запустила руки в его волосы, и он переместил колено между моих бедер. Я подняла свои бедра ему навстречу, моя киска покалывала от трения.

— Шеф? — Осторожный голос Хавьера послышался через дверь.

Люциус разорвал поцелуй и уселся, потянув меня за собой. Я дернула одеяло на место.

— Что? — рявкнул он.

— Реактивный самолет готов. Я нашел мистера Синклера в вашей комнате. Ему помогает одна из служанок.

— Мы идем, — Люций провел рукой по моим волосам и прижался ей к моей щеке. — Это еще не конец, — прошептал он.

Нет, не конец.

Он встал и расправил плечи, вновь обретя деловой вид.

— Мы уезжаем? — спросила я.

— Теперь, когда мы подавили восстание, Хавьер будет управлять плантацией до Рождественского суда. — Люций отвернулся на последних словах, не в силах взглянуть мне в глаза.
Трус.

Потянувшись к его пальцам, я провела по ним своими.

— Скажи мне, что будет на этом суде.

Он поднял пальцы в поисках большего контакта. Я позволила своей руке оставаться там, наша кожа нагревалась в месте соприкосновения.

— Не уверен. Я не разговаривал с Сином с момента отъезда и до вчерашнего дня, когда получил сообщение о беде. У нас не было времени обговорить суд. Я в общих чертах знаю, что это такое. — Люций снова оглянулся. — Но эта ублюдочная крыса Кэл, несомненно, сделает его более интересным, поскольку это его год.

Я опустила руку, почувствовав, как мертвеет в груди.

— Рене рассказала мне про ее год. Я знаю, что со мной случится.

— С этим ничего не поделаешь, — он опустился на колени передо мной, в глазах читалась мольба. — Все, что я могу тебе сказать: как только я стану Сувереном, я сделаю для тебя все.

— Просто отпусти меня. — Я провела кончиками пальцев по его волевой челюсти, чувствуя острую и густую щетину. — Ты мог бы позволить мне уйти. Или мы могли бы уйти вместе.

— Нет, Стелла. Ты не знаешь, о чем просишь меня. Когда я стану Сувереном, я смогу дать тебе все, что захочешь. Все, о чем ты когда-либо мечтала. Эти суды останутся просто туманным воспоминанием, когда мы улетим на нашем частном самолете, или будем отдыхать на Мальдивах, или пить чай с гребаной королевской семьей. Разве ты не видишь? Если я проиграю, тогда все это исчезнет. Вайнмонты проведут еще десять лет под чужим ногтем. Ногтем того, кто может оказаться еще хуже Кэла. Стелла, посмотри на меня. Мы можем это сделать. — Его лицо выглядело почти мальчишеским по своей серьезности.

Я засмеялась, звук показался холодным даже мне самой.

— Теперь это командный вид спорта? Мы? Ты собираешься смотреть, как твои друзья будут насиловать меня? Держать меня? Будешь ободрять их? Считать? Сунешь кляп мне в рот, чтобы заглушить мои крики? Все это сможет стать для тебя туманным воспоминанием, когда ты станешь Сувереном?

Он поднялся, возвышаясь надо мной.

— Я сделаю то, что должен сделать, чтобы стать Сувереном. Это правильная игра, Стелла. Вот увидишь.

Повернувшись спиной, он шагнул вперед с новой целью, как будто наша болтовня о моем осквернении повернула его мысли в правильное русло.

— Будь готова к отъезду через полчаса.

Мой подбородок упал на грудь, когда он закрыл дверь. Как и Вайнмонт, Люций решил победить любой ценой. Для них ценность

Суверена перевешивала мое благополучие, мою свободу, всю меня. Я встала и уронила одеяло перед тем, как пойти к ставням и распахнуть их.

Легкий бриз обдувал поля сахарного тростника, пока солнце опаляло их сверху. Лучи казались болезненными, острыми и неумолимыми, но сахарный тростник впитывал наказание и становился сильнее, слаще — более ценным. Каждый миг под гнетущей жарой был подарком, дозой жизни, потому как не будь этих лучей, не было бы и тростника. Не было бы жизни и процветания.

Всегда ли сила рождалась в огне, в мучениях? Я кивнула в ответ на свой немой вопрос. Я вынесу страдания, чтобы выжить, но выйду по ту сторону. И когда я это сделаю, я сожгу все Приобретение дотла.

Глава 5

Стелла

Перелет длился несколько часов, солнце уже исчезало с неба, когда мы пошли на посадку. Темные воды залива отступили, и на горизонте промелькнули мерцающие огни. Новый Орлеан пылал, город казался ярким даже с воздуха.

Ни Вайнмонт, ни Люций не говорили со мной или друг с другом, пока управляли самолетом из открытой кабины. Несмотря на отсутствие слов, враждебность между братьями превратилась в нечто почти осязаемое. Она бурлила в кабине, подливая напряжения в каждую минуту. Я улыбнулась и расслабилась на своем месте, наслаждаясь натянутости в спинах их обоих, сидящих перед панелями управления. Возможно, посеять между ними семя раздора будет не так сложно, как я себе представляла.

Мы приземлились на частном аэродроме за пределами города и заехали в ангар. Водитель ждал рядом с черным лимузином. Когда самолет остановился, Люций встал и открыл люк, опустив трап, чтобы мы могли выйти. Он протянул мне руку.

— Не прикасайся к ней, — прорычал Вайнмонт.

— Отвали к чертям, — Люций не дрогнул.

Я взяла его за руку и ступила на трап, радуясь, что вышла из заполненной напряжением кабины. Для Луизианы погода казалась холодной. Зима была в самом разгаре, несмотря на высокое яркое солнце.

Водитель приветствовал меня с улыбкой и открыл заднюю дверь. Я села, когда он пошел, чтобы помочь забрать сумки и другие вещи из багажного отсека самолета. Пока мы ехали, по радио негромко играла рождественская музыка. Я почти рассмеялась. *Счастливого мне Рождества*. В последние несколько месяцев юмор приобрел для меня особую значимость.

Несмотря на то, что я была здесь ради суда Приобретений, я радовалась возвращению в Штаты. На долю секунды позволила своим мыслям уплыть к моему отцу, прежде чем загнать их обратно. Последнее, что я слышала: он находился в отделении интенсивной терапии. Я больше не спрашивала. Не могла. Не после того, как увидела его имя в контракте Вайнмонта. Могло ли его нахождение в больнице на самом деле оказаться уловкой, как предположил Вайнмонт, или мой отец был болен? Это не должно было меня

заботить, но все же не давало покоя.

Мои глаза начало жечь, душевная рана была еще свежа. Он непростительно поступил по отношению ко мне. Тем не менее, я не могла желать его разрушения, независимо от того, насколько сильно хотела. Слишком многое во мне тянулось к нему, слишком много воспоминаний, много лет доверия друг другу и попыток выжить, несмотря на то, что смерть мамы медленно ломала нас. Я сморгнула слезы и откинула голову, пока они не отступили. Возможно, я не хотела, чтобы мой отец умирал, но будь я проклята, если стану плакать по нему.

Машину тряхнуло, когда водитель загрузил кое-какие вещи в багажник. Вайнмонт скользнул рядом со мной и запер обе задние двери. Люций стоял снаружи, глядя на брата, прежде чем занять переднее пассажирское сиденье.

— Назад домой? — спросил водитель.

— Да, Люк. — Люций не сводил с меня глаз боковым зрением.

Я отодвинулась от Вайнмонта. Он все еще был не в форме, свежие повязки на руках и злые красные раны на шее. Исцелятся, но потребуется время. Он изучал меня, его взгляд был сфокусирован на мне, пока мужчина барабанил пальцами по колену. Что было у него на уме после того, что он пытался сделать этим утром?

Память о его твердом теле на моем спровоцировала порыв тепла, прошедшего через меня. Сначала я испугалась, но потом превратилась в нечто большее. Ожила. Я бросила ему вызов сделать это. Хотела, чтобы он сделал последний шаг, чтобы еще больше запечатлеть его гибель.

Возможно, он обманул мое тело, отчаянно нуждающееся в его прикосновении. Но мой разум он провести не смог. Я знала, что он не сможет добиться своего. Знала, что хочет сделать меня чем-то большим, чем просто его Приобретением. В его извращенном сердце остался проблеск любви, и я коснулась его, почувствовала. Теперь я использую его, чтобы сломать Вайнмонта.

Люк прибавил скорость на трассе между штатами, удаляясь к пригороду Луизианы, к поместью Вайнмонтов. Люций продолжал оглядываться назад, словно строгий наставник, на смене которого не будет никаких развлечений. Вайнмонт ничего не говорил, просто продолжал изучать меня, как будто раскладывал по частям, чтобы узнать, какая именно магия заставляла меня действовать.

Рождественская музыка играла на протяжении всей поездки, неся в себе радость, когда мы подъехали к воротам с виноградной лозой, и я снова оказалась на территории врага. Это было похоже на возвращение на родину — извилистая дорога, полные тайн заболоченные местности, знакомые дубы. Мой взгляд скользнул над верхушками деревьев к окнам спальни на третьем этаже. В одной из

них горел свет. Мать Вайнмонта наблюдала за нашим приездом?

Мы добрались до дома, чей величественный белый фасад и широкое крыльцо поприветствовали нас, как и всегда. Входная дверь открылась, появились Фарнс и Рене, оба улыбались, когда я вышла и поднялась по ступенькам.

Рене обняла меня и крепко прижала к себе.

— Я скучала по тебе.

— И я скучала. — Я спрятала лицо в знакомых черных волосах.

— Мисс Руссо, так приятно снова вас видеть, — Фарнс слегка поклонился.

Я улыбнулась его, повидавшему много, лицу.

— Как всегда джентльмен.

— Что ж, спасибо. Без вас было не так, как прежде. — Его улыбка сошла, словно он вспомнил, что я была не совсем желанным гостем. Он скрыл выражение на лице, сказав Люку, что поможет с сумками, хотя сам непринужденно спустился по лестнице.

Рене туже стянула свою шаль на узких плечах.

— Заходи, заходи. На улице слишком холодно, чтобы стоять.

Яростный ветер пронесся мимо, словно доказывая ее слова, и я последовала за ней в фойе. Все осталось прежним — дубовые полы медового цвета, сверкающие люстры и безупречная южная архитектура. Тем не менее, я чувствовала изменение в своих костях, возможно, даже на самом базовом уровне. В прошлый раз, приехав сюда и войдя через эти двери, я не знала, чего ожидать. В этот раз осознавала. Теперь я могу столкнуться с моим будущим и, надеюсь, получу шанс выдержать бурю.

— Когда я услышала, что вы уже едете сюда, набрала тебе горячую ванну. Как ты на это смотришь? — Рене провела меня по лестнице в мою комнату. Лаванда и ваниль пронизывали воздух и манили меня в ванную.

Ей не нужно было повторять дважды. Я сняла с себя джинсы и футболку и скользнула в ароматную воду. Застонала от чистого удовольствия, пока Рене сутилась, убеждаясь, что у меня есть полотенца и все, что нужно.

Наконец я махнула ей в сторону маленькой корзины.

— Садись и расскажи мне, что случилось, пока меня не было.

Она засмеялась и села.

— Думаю, сначала ты должна рассказать мне, почему вы так скоро вернулись. Я слышала, что возникли проблемы, но по взгляду

на мистера Синклера похоже, что он кипит от ярости, которая его же и обжигает.

Я кивнула и откинулась на спинку ванной, позволив теплу расслабить мышцы. Я поведала о своих двухнедельных прогулках по кубинскому имению, купании в бассейне и занятиях всем, чем можно, лишь бы не думать о Вайнмонте. Когда я рассказала ей о восстании, она цокнула языком.

— Раньше такие неприятности случались, но это было давно.

— Когда это было?

Ее темные глаза внимательно изучали меня, и она нахмурилась, как будто пыталась сделать выбор.

Я попросила ее рассказать мне что-нибудь, что угодно. Для меня информация была на вес золота. Как и всегда в этом доме.

Она вздохнула.

— Ну, думаю, это не имеет значения. Я расскажу. Может быть, это поможет.

Я наклонилась вперед и уперлась подбородком в колени. Рене, должно быть, соскучилась по мне, раз была так настроена пролить для меня свет на столь желанную информацию.

Ее пальцы уже вели войну друг с другом.

— Когда Ребекка стала Сувереном, у нее была проблема с соседней плантацией сахарного тростника в Бразилии, принадлежавшей другой семье, Розе. Они неуклонно поглощали открытые сельскохозяйственные угодья вокруг полей Вайнмонта и удерживали хватку на урожае в той конкретной области с помощью полувоенных формирований. Это было незаконное место, далеко в глубине страны. До сих пор им и остается. Во всяком случае, как только Ребекка стала Сувереном, Розе уже делали все возможное, чтобы вывести Вайнмонтов из Бразилии. — Она стала сильнее заламывать руки.

— Продолжай.

— У Суверена есть определенный спектр власти. — Женщина остановилась, явно задаваясь вопросом, какую информацию может открыть.

— Какой власти? — я должна была поддержать ее в разговоре.

— Ну, Суверен может приводить семьи.

— Например, Вайнмонтов?

— Да, — она избегала моего взгляда. — Например, их.

Женщина почесала шею, прежде чем опустить руку на колени.

— Суверен может также изгнать их.

— Что происходит, когда семью изгоняют? — спросила я.

— Это означает, что, стоит Суверену захотеть, права на активы и жизни семьи будут отняты.

Я склонила голову при мысли о таком одностороннем способе правления.

— Почему бы Суверену просто не сделать этого для всех, забрать все и покончить со всем к чертям собачьим? Покончить с проклятым Приобретением?

— Потому что Суверен может сделать это только с одной семьей на протяжении всего своего правления. Он может привести одну семью и только одну изгнать. Понимаешь, это помогает держать всех в узде.

Это имело смысл. Изгнание семьи укрепляло богатство и положение Суверена. И простой угрозы было вполне достаточно, чтобы держать семьи под ногтем. Возможность добавить союзника? Бесценна. Это было похоже на выставление фигур вокруг короля на шахматной доске.

— Что происходит с семьей, которая получает пинок под зад?

— По-разному. Некоторым разрешено уйти, попытаться заново стать на ноги. Некоторым не повезло. Суверен контролирует состояние, в его руках жизнь или смерть... — Она опустила свой омраченный печалью взгляд на пол.

— Что случилось с Ребеккой и Розе? — Вода не могла остыть за такое короткое время, но я все равно чувствовала холод в позвоночнике.

— Вайнмонты не всегда были одной из основных семей. Некоторые из старейших семей смотрели на них свысока, пытаясь воспользоваться преимуществами...

— Семьи типа Розе?

Рене кивнула, но по-прежнему избегала моего взгляда.

— К тому времени, когда Ребекка стала Сувереном, она была другим человеком. Раньше она работала с местными фермерами и пыталась разобраться в проблемах, которые Розе создавали на плантации. Но после судов она решила сделать из них пример. Она выждала, пока они спровоцируют еще одну проблему с поставками: грузовики Розе блокировали дороги и не давали рабочим доставлять сахарный тростник на перерабатывающий завод. Она приехала на ферму, ворвалась, как и всегда, взяла с собой мистера Синклера. Я говорила ей, что он слишком молод. Она не послушала. Этот бедный мальчик... — Наконец, она ответила на мой взгляд, ее темные глаза блестели от сдерживаемых слез.

— Что случилось?

Рене глубоко вздохнула.

— Я действительно не должна рассказывать тебе об этом.

— Скажи мне. — Мне нужно было знать всю оставшуюся историю, словно от этого зависел мой следующий вдох.

Ее взгляд взметнулся к потолку, а затем снова ко мне, и она позволила своему голосу звучать чуть громче шепота.

— Она загнала всех фермеров на территорию Вайнмонтов, вооружила их и направила на плантацию Розе. Через несколько часов плантация была сожжена дотла. Поля обуглены. Рабочие убиты. Господин Розе все время был там. Он так и не вернулся. Через месяц плантации Розе стали плантациями Вайнмонтов, а клана Розе больше не существовало. Маленький мальчик, ушедший со своей матерью, тоже не вернулся.

— Почему ты рассказываешь мне это сейчас? — Я не могла сдержать гнев в своем голосе. Она скрывала гораздо больше информации, но выдавала ее по чайной ложечке, и я чувствовала голод уже спустя несколько секунд после каждой порции.

— Потому что я видела, как мистер Синклер смотрит на тебя. Видела, каким он был в течение двух недель, когда тебя не было. Он нуждается в тебе, Стелла. Больше, чем когда-либо в ком-либо нуждался. Я думаю... Надеюсь, — она сбивчиво подбирала слова. — Я надеюсь, что ты можешь стать той единственной вещью между ним и его вечным сожалением. Я не была достаточно сильна, чтобы спасти Ребекку. Но ты другая. — Слеза скатилась по ее щеке, застыв у маленькой ямочки у рта, прежде чем упасть на пол.

— Ты хочешь, чтобы я спасла *его*? — Я не могла заставить свой мозг понять смесь стокгольмского синдрома и откровенного испорченного безумия, сказанного ею только что. — Я его пленница, игрушка, муравей, на котором он любит использовать свое увеличительное стекло. У меня нет силы спасти себя, не говоря уже о нем. Какие бы чувства он ко мне ни питал, ничто не сравнится с темнотой внутри него. Ты ее видела.

— Видела, — она посмотрела на меня. — Но он не единственный с темнотой в душе, Стелла. Она есть у всех нас.

Я закрыла глаза и погрузилась под воду, на этот раз пресыщенная информацией. Я больше не хотела думать о маленьком Синклере, о том, как он испугался, какой ужас его охватил от насилия, несомненно, увиденного им. Мне нужно было подумать о себе. Неважно, каких правил он придерживался сейчас. Дело в том, что он всегда мог отпустить меня, если бы захотел. Мог оставить моего отца в покое. Отвернуться от всего Приобретения. Он оставался в нем, лишь для того, чтобы пожирать плоды и

преимущества системы, построенной на тьме, на самых гнусных порывах человеческой натуры. Он становился частью этого, добровольно принимая участие.

Нет, мне не спасти его. Я отказывалась. Но я бы спасла себя.

Когда я вынырнула из воды, Рене не было.

Отмокнув так долго, как могла в горячей воде, я встала и переоделась в новую пижаму, которую нашла в моем комод. Рене не скучала во время моего отсутствия — шкаф был полон новой одежды, а комод забит ею под завязку. Я ела в своей комнате тем вечером, не желая трапезничать с кланом Вайнмонтов. Выбирала вкусные кусочки своего жареного цыпленка с овощами, которого принесла Рене, пока в мою дверь не постучали.

Поправив майку, я натянула одеяло поверх своих шорт.

— Войдите.

Ко мне заглянула белесая копна волос.

— Привет.

— И тебе привет, — я улыбнулась, обрадовавшись Тедди. Из всех братьев Вайнмонт он был самым настоящим. Тедди четко показывал свои мотивы, словно колокол, и его мальчишеские манеры расположили меня к нему, хотя он был всего лишь на несколько лет моложе меня.

Он вошел и закрыл за собой дверь, прежде чем упасть на изножье моей кровати.

— Слышал кое-что о Кубе. Ты в порядке?

Я отставила свою тарелку на тумбочку и подняла колени.

— На минуту не все оказалось приятным, но я в безопасности.

— Да, Син выглядит не очень. С ним сейчас доктор Ярбро. Но Син сказал, что ты позаботилась о нем? Я имею в виду, степлер и не только.

Я кивнула, вспомнив, как Вайнмонт наблюдал за мной, когда я опустилась перед ним на колени, очищая его раны.

— Да.

— Почему? — Он наклонил голову, поэтому я смогла проследить линию его сильной челюсти.

Это был непростой вопрос, и у меня не было легкого ответа.

— Ему нужна была помощь.

— Но зачем тебе помогать ему после того, как он... — Тедди взглянул на мое плечо, как будто видел там следы кнута.

Я пожала плечами.

— Не знаю.

Он провел пальцем по шву на одеяле у изножья моей постели.

— Кажется, я знаю, почему.

— Просвети.

Он встретил мой взгляд, его карие глаза были полны застенчивости.

— Думаю, что это то же самое, что я чувствую к Лауре. Типа, ты сделала бы что угодно для этого человека, даже если злишься на него или даже если он сделал что-то ужасное.

Я наклонила голову в сторону.

— Ты говоришь о любви?

Он пожал плечами, его длинные руки поднялись и упали вниз.

— Полагаю, да. Не знаю. Я никогда не был влюблен. Просто знаю, что если кто-то причинит ей боль, я заставлю его заплатить, а затем сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь ей. В этом есть смысл?

— Есть. Для тебя и Лауры.

— Но не для тебя и Сина?

Я вздохнула и откинулась на подушки.

— Думаю, что все, что есть между мной и твоим братом, намного сложнее, чем то, что ты описал. И думаю, ты знаешь, почему.

— Из-за Приобретения? — Он продолжал проследивать один и тот же узор швов снова и снова, его указательный палец двигался в своем собственном молчаливом ритме.

— Да. — В какой-то другой жизни, возможно, могла бы жить любовь. Могла бы, если бы Вайнмонт не родился в его роли, а я не родилась в своей. Но как бы то ни было, у нас не было будущего, а наше прошлое в лучшем случае было затянутой мутной пеленой.

— Я просто хочу...

— Чего?

Он покачал головой и встал.

— Я позволю тебе вернуться к твоему ужину. Как только услышал, что ты вернулась, захотел прийти поздороваться, и сказать, что соскучился. И спасибо, что позаботились о Сине, когда он в этом нуждался.

Я подняла руки, и он подошел и обнял меня, сжимая меня почти так же крепко, как и Рене, если не крепче.

— Пожалуйста, — прошептала я.

— Хорошо. — Тедди встал и отступил к двери. — Увидимся утром за завтраком?

Я не могла отказать его искренней улыбке.

— Думаю, да.

— Хорошо.

Как только он ушел, я устроилась в кровати. Почему два других брата оказались такими мерзкими, когда Тедди воплощал собой нормального человека?

Я пыталась заснуть, но не смогла. Пока не встала на колени и не потянулась к тумбочке. Как только почувствовала знакомое лезвие, по-прежнему надежно прикрепленное к нижней стороне выдвижного ящика, то заползла обратно в постель. Я принесла сюда нож в качестве оружия, но обычное прикосновение к нему укрепило мою решимость. На данный момент оно было скорее талисманом, чем еще чем-либо.

Я не нуждалась в нем, чтобы обезопасить себя. Я могла сделать это сама. И сделаю.

Глава 6

Стелла

Завтрак следующим утром выдался на удивление спокойным. Вайнмонт уже сидел за столом, потягивал кофе и наблюдал за каждым моим шагом, когда я вошла и села рядом с Тедди.

— Рада возвращению? — Вайнмонт опустил чашку и наклонился вперед, его мятая рубашка натягивалась от мышц под ней.

— Я бы так не сказала, — мой язвительный тон заставил уголки его рта дрогнуть от улыбки, попытавшейся вырваться на свободу. Полуулыбка умерла, когда Люций вошел в комнату.

Он говорил по телефону на свободном испанском, отдавал приказы кому-то, скорее всего, Хавьеру. Он был одет в футболку поло темно-синего цвета и джинсы, идеально подчеркивающие его узкую талию и стройные бедра. Закончив, он бросил телефон на стол.

— Ну? — спросил Вайнмонт.

— Хавьер говорит, что все кончено. Но теперь мы должны заплатить местной полиции за *помощь*.

Вайнмонт взглянул на Тедди и покачал головой Люцию.

— Мы закончим эту дискуссию позже.

— Я больше не ребенок, Син. Вы двое можете рассказать мне, что происходит. — Тедди смахнул волосы со лба, возможно, глядя на братьев более серьезным взглядом.

— Ничего, — Вайнмонт махнул рукой, словно полиция, подавившая бунт фермеров, была не более, чем простым трудовым разногласием.

— Конечно, — Тедди это не убедило.

— Все под контролем, малыш-братишка. Не беспокойся, твой трастовый фонд не тронут, — усмехнулся Люций.

— Козлина. — Тедди скрестил руки на груди, когда улыбка Люция стала шире.

Я толкнула его локтем.

— Игнорируй его. Расскажи мне, как здесь протекает жизнь. Что в школе?

Он улыбнулся.

— Я получил высшие балы в этом семестре...

— И в каждом предыдущем, придурок, — вмешался Люций.

Тедди вскинул бровь, взглянув на брата.

— Так что, я почти закончил свою предварительную курсовую работу.

— Значит, ты целенаправленно следуешь к тому, чтобы стать доктором Тедди? — спросила я.

— Ага. Меня уже приняли. Нужно закончить бакалавриат весной и сразу записаться в медшколу.

Меня пронзил всплеск неуместной гордости. В конце концов, Тедди не был моей кровью. Тем не менее, я улыбнулась ему и похлопала по спине.

— Молодец.

— Спасибо.

Пришла Лаура и выставила тарелки с печеньем, подливкой, деревенской ветчиной и яйцами. Они с Тедди избегали друг друга. Было очевидно, что они влюблены и отчаянно пытаются это скрыть.

Вайнмонт нахмурился и наколот на вилку кусок ветчины. Люций ухмыльнулся и подмигнул мне.

Я решила помочь Тедди и стереть неудобный момент.

— Каким врачом ты хочешь быть?

— Гинекологом, да? — Люций не упустил момент.

Тедди подавился апельсиновым соком. Я несколько раз похлопала его по спине и посмотрела на Люция.

Тедди дважды пытался заговорить, прежде чем смог это сделать без кашля.

— Нет, я думал о кардиологии.

— Что ты знаешь о сердцах? — Люций ухмыльнулся Лауре, когда та подошла и долила нам кофе.

— Пока ничего. Для этого нужна медицинская степень.

— Туше, — рассмеялся Люций.

Вайнмонт молчал. Я думала, что он хотя бы поощрит Тедди в том, что он занимается чем-то вместо того, чтобы шлаться по этому дому с его треклятыми жителями. Но он не произнес ни слова.

— И сколько лет ты будешь в школе? — Я снова попыталась.

— Четыре года обучения, три года ординатуры и, возможно, еще три года аспирантуры после этого.

Я толкнула его локтем.

— Состаришься, пока все это закончишь. Я рада, что ты начал смолоду.

Вилка и нож Вайнмонта заскрежетали по его тарелке. Он наградил Тедди непонятым взглядом, прежде чем обратить на меня свои горящие глаза.

— Син, что происходит? — начал Люций. — Разве ты не должен обрадоваться прекрасным планам на жизнь младшего братца? Это лучше, чем заниматься сахарным бизнесом и играть в адвоката, как мы. Давайте выпьем. — Он поднял бокал своей "Мимозы". (прим.пер.: коктейль из шампанского и цитрусового сока, апельсинового или грейпфрутового).

Мы с Тедди потянулись через стол и звякнули своими стаканами с Люцием. Вайнмонт поднялся, швырнул салфетку и демонстративно вышел.

Щеки Тедди покраснели, а плечи опустились.

— Син! — Люций встал и пошел следом за старшим братом.

Что, черт возьми, только что произошло? Я опустила ладонь на руку Тедди и сжала ее. Меня держали в таком так же неведении, как и его.

Дверь хлопнула вниз по коридору — в кабинете Вайнмонта.

Раздался шум и грохот, эхом прокатившиеся по коридору.

— Открой эту чертову дверь, придурок, и извинись перед Тедди!

Ничего.

Вскоре Люций вернулся и сел.

— Он попросту ведет себя как чмо, как и всегда, Тед. Не беспокойся о нем. Он говорил мне раньше, что он обеими руками за то, чтобы ты получил медицинскую степень.

— Он и мне это говорил. Поэтому я просто... — Тедди пожал плечами и положил салфетку рядом со своей тарелкой. — Поднимусь наверх на какое-то время. — Он отодвинул стул и вышел, опустив голову.

— Какого черта? — спросила я.

Люций покачал головой.

— Не имею ни ебаного понятия.

Пришла Лаура, чтобы проверить, все ли у нас есть, но ее приятная улыбка исчезла, когда она заметила, что Тедди исчез.

— Он наверху, — сказала я. — Небольшая компания ему сейчас не помешает.

Девушка покраснела и ушла на кухню.

— Ты не должна это поощрять. — Люций откинулся назад и сложил руки за головой, от чего его и без того широкая грудь стала выглядеть еще шире.

— Я не живу по твоим снобистским правилам. — Я вытерла рот и отложила салфетку на стол.

Его бровь поползла вверх.

— Нет?

— Нет.

— Я почти уверен, что тебя связывает всего лишь на пару больше правил, чем меня. — Он улыбнулся, волчий взгляд заменил его гнев на Вайнмонта.

— Я не в настроении, Люций.

Он позволил своему взгляду спуститься от шеи моего свитера ниже. Я встала и направилась к двери. Он метнулся вперед со своей стороны стола и заблокировал меня.

— А я думаю, в настроении. — Он толкнул меня в угол, упершись руками по обе стороны головы. — Хочешь знать, о чем я думал? О чем я думал прошлой ночью, когда гладил свой член?

Я встретила взгляд его светлых глаз, и руки по бокам сжались в кулаки.

— Нет, но уверена, ты мне скажешь.

Он придвинулся ближе. Я отклонила голову назад, чтобы смотреть ему в глаза. Он был опасен. Отвести от него взгляд — не вариант.

— Я думал о тебе. — Вжав кончик пальца в мою яремную вену, он провел по обнаженной коже до края свитера. — О том, как ты выглядела на Кубе, голая под мной. О том, какими они были затвердевшими. — Он ущипнул меня за сосок, и я вжалась в угол. — Так же, как сейчас. Как я хотел взять их в рот. Как глубоко я хотел оказаться в твоей киске. Ты знаешь, от чего я кончил? Что толкнуло меня за край?

Я заставила себя не двигаться, чтобы проследить за этой частью игры.

— Что?

— Это. — Когда он прижался губами к моим, я закрыла глаза. На вкус он был как шампанское и апельсины, пьянящий и сладкий.

Я вцепилась в его рубашку. Люций запустил руку в мои штаны, крепко схватив за ягодицу и потянув мои бедра на себя.

Я попыталась оттолкнуть его, но он зарычал мне в рот и потерся бедром о мою киску. Впилась ногтями в его грудь, но он лишь углубил поцелуй, его язык напал на мой рот. Тепло пробежало по моему телу, становясь влагой между бедрами. Он схватил меня за волосы и откинул назад мне голову, прежде чем поцеловать меня в шею, укусить за горло, а затем прижаться губами к моей ключице.

— Люций. — Я задыхалась, растворяясь перед мужчиной, который был не лучше дьявола, забравшего мое сердце. — Пожалуйста.

— Умоляй меня. Именно, Стелла. Пришло время закончить то, что мы начали. — Он поцеловал ниже, его рот ощущался горячим и влажным на моей коже. — Умоляй меня дать тебе то, что ты хочешь, что тебе нужно.

Он потер мой клитор, от трения у меня закружилась голова. Я ахнула.

— Попроси меня войти в тебя настолько глубоко, что ты не сможешь сказать, где заканчиваюсь я, и начинаешься ты.

— Не надо, — выдохнула я, когда он отпустил мои волосы и потянул свитер вниз вместе с чашечкой моего бюстгалтера.

Я по-настоящему застонала, когда прохладный воздух коснулся моего соска, рот Люция не заставил себя ждать долго.

Это было неправильно. Все неправильно. Я зарылась пальцами в его волосы и потянула, но он начал сосать сильнее, зубы коснулись твердого пика моей груди. Он застонал в мою кожу и со злостью накрыл мою задницу рукой, прижимая к себе в медленном, дразнящем ритме.

— Мы не можем, — мой голос звучал неуверенно даже по моим меркам.

Он снова закружил языком вокруг соска, прежде чем подняться и прижаться своим лбом к моему, его рука легла мне на щеку.

— Ты уже моя. Я собираюсь попробовать каждый кусочек тебя. Каждый дюйм твоей кожи. Ты примешь всего меня, Стелла, и попросишь еще. И я дам тебе это. Буду давать каждый раз, когда ты попросишь, и когда нет.

Его слова гудели вокруг моего разума, как рой жалящих пчел, но обещали нечто сладкое.

Люций наклонился, чтобы поцеловать меня снова, но я

толкнула его сильнее. Я не могла сделать этого. Не здесь. Не сейчас. Я хотела заманить его в ловушку, но не тогда, когда Вайнмонт находился через несколько дверей.

Он схватил меня за запястья и прижал их над моей головой.

— Я знаю, что ты хочешь этого, Стелла. Знаю, что ты хочешь все то, что у меня есть. Если скажешь, что не хочешь, солжешь сама себе. — Он снова прикоснулся к моим губам и заставил меня поверить в его ложь. *Но было ли это ложью?*

— Я мог бы взять тебя прямо сейчас. Мог бы стянуть с тебя джинсы и попробовать твою сладость там. — Он качнулся в меня бедрами с тяжелым членом в штанах. — И я хочу, Стелла. Ох, как я этого хочу.

— Пожалуйста, не надо. Я... я не могу, — я заикалась, заходила в ловушку, умоляя волка передо мной поймать меня.

Он украл еще один поцелуй, и на этот раз затянувшийся. Мое сердцебиение отдавалось барабаном в ушах, когда его язык закружил вокруг моего, дразня и дегустируя. Он убрал мои запястья от стены и опустил их мне за спину на талию, заставив меня выгнуться вперед.

Он проделал дорожку из поцелуев к моему уху.

— Я возьму все, Стелла.

— Никогда. — Я попыталась стряхнуть туман, которым он меня окутал.

Его глубокий смех звучал у меня в голове, когда он прикусил мою шею.

— Посмотрим.

Люций отстранился и посмотрел на меня коварным взглядом.

— На этот раз я оставлю тебя, Стелла. Но только на этот. В следующий раз, когда я застаю тебя наедине, и ты попытаешься меня подразнить... — Он схватил мою ладонь и пробежал ею по своей тяжелой длине. — Ты получишь всего его. И будешь благодарить меня, когда я закончу.

Он уронил мои запястья и сделал еще один шаг.

— Иди, — приказал он. — Пока я не передумал.

Ошеломленная, я прошла мимо него и юркнула в коридор. Выдохнула весь воздух из легких здесь, а не в столовой, где Люций не давал думать. Я споткнулась о коврик, прежде чем подняла ногу и сделала следующий шаг. Поправила свитер на ходу. Меня остановил дверной звонок. Я повернулась и увидела фигуру за окном.

Люций уже был в коридоре, поправляя штаны, прежде чем шагнуть к двери и распахнуть ее.

На посетителе была старомодная ливрея слуги, даже более консервативная, чем у Фарнса, который как раз подходил, качая Люцию головой. Мужчина протянул Люцию карточку, неглубоко поклонился и развернулся на каблуках.

— Вы не должны открывать дверь. Это моя работа, мистер Люций, — мягко проговорил Фарнс.

— За последние несколько дней я и так не раз запачкал руки, Фарнс. Поверь мне. Это пустяк.

Появился Вайнмонт, его темные волосы были взъерошены, как будто он водил по ним руками. Он взглянул на меня и быстро отвел взгляд. Я почувствовала, как меня окатило волной вины, от которой я отмахнулась. Мы не были вместе. И никогда не будем. Обольщение Люция было частью плана. Или это Люций соблазнял меня?

— Что это? — голос Вайнмонта звучал грубо.

— Приглашение. — Люций провел пальцем по восковой печати и открыл его, прежде чем развернуть пергамент.

Братья прочитали его вместе, когда я подошла к ним, любопытство преодолело потрясенный коктейль эмоций.

— Блядь! — Вайнмонт развернулся и пробил дыру в стене фойе, гипс упал кучей у его ног. Я вздрогнула и встала сбоку от Люция, чтобы лучше рассмотреть.

Фарнс покачал головой и поспешил уйти в коридор, скорее всего, за совком и метлой.

— Что это? — спросила я.

— Кэл хочет, чтобы мы завтра вечером приехали в его дом в Новом Орлеане. Приветственная вечеринка для какой-то новой семьи или что-то в этом роде. — Люций перевернул страницу, словно искал больше на пустой стороне листа.

— Мы все должны ехать? — Я думала, что не увижу тех ублюдков до Рождества.

— В приглашении говорится о Сине, тебе и мне.

— Он знает. — Вайнмонт покачал головой, нахмутив брови.

— Знает что? — Я просмотрела приглашение с адресом в Новом Орлеане и временем с водяным знаком с изображением дуба.

— Он знает, что мое Приобретение перешло в другие руки. Он знает, иначе никогда не пригласил бы Люция. — От силы удара на костяшках Вайнмонта появилась кровь. Она капала на пол, но он не замечал. Вена пульсировала на его шее, пока он убийственно смотрел на Люция.

— Эй, я не говорил ему. Но какое это имеет значение? —

Люций обнял меня за талию. — Это правда.

Плохой ход. Вайнмонт и так уже был на пределе. Он бросился на Люция, схватил его за горло, отчего они рухнули кучей на полу. Я споткнулась и неловко свалилась на пол.

С гортанным ревом Вайнмонт сжал окровавленную руку, удушая брата.

Люций схватил руки Вайнмонта и убрал одну из них, прежде чем наклониться и ударить его в голову. Вайнмонт застонал от удара и нанес ответный Люцию, откинув его назад, прижав сильнее, по-прежнему удерживая одной рукой за горло. Люций поднял свою правую руку и прицелился кулаком в челюсть Вайнмонта, удар послал того на пол. Люций запрыгнул на своего брата, оба мужчины начали бороться.

Я должна была возрадоваться. Мой план сработал. Это то, чего я хотела — они разорвут друг друга, чтобы я могла постоять над их останками. Но пока они боролись, я не хотела ничего другого, кроме как прекратить это. Мерзкие для слуха удары кулаков по плоти, кровь, рычание и гнев.

Я закрыла уши.

— Прекратите! — Я не понимала, что способна на крик, вырвавшийся из моих легких.

Люций сжал кулак для очередного удара, прежде чем оттолкнуться от Вайнмонта, упав с тяжелым грохотом, от которого зазвенела люстра над головой. Оба мужчины оставались на месте, тяжело дышали и смотрели друг на друга, словно ожидая, кто начнет снова.

Я услышала шаги по лестнице позади меня, а затем голос Тедди.

— Что, черт возьми, происходит?

— Не волнуйся об этом, — Люций ухмыльнулся и вскинул руку в воздух, показывая Тедди большой палец, хотя не отводил глаз от Вайнмонта. — Все в порядке, Тедди.

— Все хорошо, — Вайнмонт согласился и сел.

— Ну да, конечно. — Тедди протянул мне руку. — Ничего в этом доме хорошо не бывает. Пойдем, Стелла.

Я приняла его помощь, и он поднял меня на ноги. Я могла чувствовать две пары глаз, вперившиеся мне в спину, пока поднималась по лестнице и поворачивала за угол к своей комнате.

— Ты в порядке? Что это было? — спросил Тедди.

Мы поспешили по коридору в спальню. Я упала на кровать, прежде чем прижать ладони к глазам. Тедди сел рядом со мной и

положил руку мне на спину, мягко потирая ее.

— Я в порядке. Спасибо, Тедди. И это было из-за меня. Ну, на самом деле, я думаю, что из-за меня и Кэла Оукмэна.

Тедди побледнел.

— Я ненавижу этого парня. Всегда ненавидел.

— Нас таких двое.

Он обнял меня и притянул к себе, так что моя голова опустилась на его плечо.

— Мы пройдем через все это, Стелла? — он звучал устало, далеко не по годам.

— Честно? Я не знаю. Но думаю, что твои шансы лучше, чем мои, — я слабо улыбнулась. — Вот и все.

Тедди опустил подбородок на мою голову.

— Если бы я только знал, то принял бы те удары кнутом на себя. Но я не знал.

Его неожиданная доброта напоминала бальзам, хотя глаза жгли слезы, которые я с трудом сглатывала.

— Я хотела бы, чтобы ты об этом не знал. И все равно не думаю, что в этом дело. Но я ценю твое мнение.

Он глубоко вздохнул.

— Я многого хочу. Хотел бы, чтобы не было никакого Приобретения. Хотел бы, что нас здесь не было. Хотел бы, чтобы мы с Лаурой могли быть вместе. Хотел бы...

— Я знаю. У меня тоже немало желаний. — Вспышка образов пробудилась перед глазами — мама, папа и паук, который преследовал моменты моего пробуждения вместе с моими мечтами. Желания для каждого из них. Некоторые хорошие. Некоторые плохие.

Мы сидели молча достаточно долго, чтобы услышать, как Вайнмонт и Люций разошлись по своим комнатам, а Фарнс начал уборку внизу.

Когда Тедди ушел, я поняла, что все три Вайнмонта проникли в мое сердце.

И я прокляла их за это.

Глава 7

Стелла

Рене двигалась бесшумно, шпильки торчали между ее губ и на тыльной стороне ладони виднелись пробные мазки теней. Она колдовала надо мной больше часа, но было очевидно, что возможность подготовить меня к причудливой вечеринке не входила в список ее навыков. Тем не менее, она делала все возможное — завila мне волосы, подкрутила ресницы, сделала макияж. Сначала я спорила, сказав ей, что смогу сделать все сама. Вскинув бровь и покачав головой, она отвела меня в мою комнату.

Теперь я была невероятно близка к окончанию подготовки. Она заколола по одному боковому локону сверху, а остальные растекались по моей спине красными волнами. Моя кожа светилась под лампами туалетного столика.

Рене потянулась к темно-коричневым теням для век, но в остальном я была согласна со всем. Для меня это не имело значения. Не на самом деле. Я не хотела никого впечатлять. Может, мне и пришлось пройти по порочному пути, сделав себя менее привлекательной для предстоящего рождественского суда, но я знала, что спланированное для меня не касалось секса. Не по настоящему. Речь шла о насилии. Об отнятии у меня чего-то.

Я глубоко вдохнула и сделала все возможное, чтобы улыбнуться Рене в зеркале. Она бросила последние шпильки на стойку и вернула мне улыбку.

— Думаю, закончила. Ты выглядишь потрясающе. Возможно, не так сказочно, как на балу, но там с тобой работали профессионалы, которые помогали...

Она не закончила предложение, стоило мне опустить свой взгляд на руки. Рене опустила ладонь мне на плечо.

— Прости. Мне не стоило поднимать эту тему.

Я прижала ее руку своей и снова встретила ее темный взгляд в зеркале.

— Все нормально. В конце концов, это моя жизнь. И мы вроде как вместе, верно? Просто между нами всего-то двадцать лет.

— Именно так я себя чувствую, — вздохнула она. — Знаю, что это ты. Знаю, что ты все это проходишь, но все еще чувствую это сама, понимаешь? Это похоже на рану, которая так никогда и не

зажила. Когда ты уехала на бал, я знала, что не смогу спасти тебя, но почувствовала, что снова была там, переживала это. Вместо свежей боли была застарелая. Эмоции — они были одинаковыми. Я... почувствовала их. Я понимаю.

Если она до сих чувствует эту боль, это ждет и меня через двадцать лет? Буду ли я здесь помогать очередному жертвенному ягненку приготовиться к разрезанию горла? Я содрогнулась от этой мысли. *Никогда.*

— Есть еще одна вещь. — Рене выдвинула маленький ящик в крайнем левом углу столика и вынула шприц.

Во мне зашевелилось беспокойство.

— Для чего это?

— Для тебя. Это твоя обычная инъекция. — Женщина наморщила лоб. — Чтобы был результат, она нужна тебе уже сейчас. На всякий случай... На суде... понимаешь...

Я изучала шприц, и мои глаза расширились с признательностью. Противозачаточное. Последняя инъекция делалась мне три месяца назад, поэтому Рене была права. Вайнмонт перелопатил каждую страницу моей медицинской карты и держал меня в лучшей форме для рождественского суда. Мои глаза обожгло сердитыми слезами.

— Это так ненормально, Рене. — Я сжала руки в кулаки, мои ногти впились в ладони. — Так чертовски извращенно.

— Прости. Я просто...

— Нет. Все в порядке. — Я боролась со слезами, не давая вырваться ни одной капле. — Просто сделай это.

Я предложила свою руку, и она разорвала спиртовую салфетку, очистила место и сделала укол. Легкое жжение, а потом ничего. *Теперь я защищена.* Я не знала, смеяться мне или плакать от смехотворности этой мысли. Я никогда не буду защищена, никогда не буду в безопасности, пока не освобожусь от Приобретения.

Рене бросила шприц в мусорную корзину.

— Прости.

— Это не твоя вина. — Я вздрогнула от мысли о беременности после рождественского суда. — И спасибо... Я имею в виду, за то, что делаешь это для меня.

Рене поцеловала меня в макушку, прежде чем на несколько секунд прижаться щекой к моим волосам. Я была удивлена, что такой маленький жест смог принести столько утешения. Но к тому времени, как она выпрямилась, я почувствовала, что ее тепло перетекает в меня мягким потоком.

Она улыбнулась достаточно широко, чтобы почти убедить меня, что улыбка настоящая.

— Подожди, пока не увидишь платье, которое я для тебя выбрала.

— Если оно с перьями... — скривилась я. — Забери себе.

Она рассмеялась и покачала головой, при этом ее темные волосы засияли.

— Никаких перьев. Не в этот раз. Давай.

Я последовала за ней в спальню и остановилась, когда увидела платье, которое она разложила на моей кровати. Оно было черным с углубленным декольте. Подол доставал до лодыжек, но высокий разрез мало что оставлял воображению.

Я нахмурилась и скрестила руки на груди.

— Не думаю, что смогу его надеть, Рене.

Она опустила руки на бедра.

— Скромность — уродливая сестра уверенности.

Я рассмеялась. Будучи женщиной, которая не носила ничего, кроме сдержанно черно-белого, Рене меня удивляла.

Она подтолкнула меня вперед.

— Надень его. Я знаю, оно сядет прекрасно.

— Хорошо. Ради тебя. Я примерю его ради тебя. — Пожала плечами, сбросила с себя халат и подошла к комоду за бельем.

Рене прочистила горло. Я обернулась и посмотрела на нее через плечо.

— Что?

Она указала на тонкий кусочек черного материала, который я не заметила рядом с платьем.

— Это стринги?

Она разгладила юбку.

— Ну, это платье очень облегает, поэтому тебе лучше обойтись без линии от трусиков. Или можешь пойти без трусиков вообще, если тебе так больше нравится.

Мне определенно это не нравилось. Я отказалась от своих поисков удобных хлопковых трусиков и надела едва содержащее ткань белье. Моя задница была полностью открыта, но, по крайней мере, на киске было какое-то подобие материала.

— Что-то подсказывает мне, что бюстгальтера не будет?

Она покачала головой и посмотрела в пол.

— Спина открыта, поэтому нет.

— Прекрасно. — Я подняла платье и надела его через голову. Рене была права — оно облегло мое тело, скользя по изгибам. Узкое декольте устремилось вниз между моих грудей спадающей, подобной шали, тканью, уходящей тонкими, как спагетти, шлейками к плечам. Шлейки расходились тремя тонкими полосками, стекающими по моей спине и присоединяющимися к платью на уровне локтей, оставляя остальную часть спины открытой почти до самой задницы. Разрез был настолько высоким, что я возрадовалась трусикам.

— Ты совершенна.

— Я так понимаю, это мероприятие не для джинсов и футболок? — фыркнула я и подошла к зеркалу в полный рост, чтобы лучше себя рассмотреть. Рене создала стильный образ в рекордные сроки.

— Никогда. Тебе нужно произвести впечатление на Суверена. Разыграй свои сильные стороны.

— Чтобы помочь Вайнмонту? — Я прищурилась в зеркало. — Мне нужно одеться как уличная потаскуха, чтобы помочь своему похитителю?

— Да. — Рене убрала мои волосы через плечо и оценила мою татуировку. — Хотя у меня никогда не было такого платья, пока я работала на улице.

От сказанного мои брови взлетели вверх.

Рене пожала плечами и покраснела.

— Я рассказывала тебе о своем прошлом, и не горжусь им. Но я просто говорю, что да, тебя берут куда-то, чтобы показать в качестве Приобретения, но позволь себе это маленькое удовольствие. Вот и все. Однажды у тебя не будет даже этого. Так что...

— Ты только что посоветовала мне *ловить момент*? — Я обернулась и улыбнулась ей, желая прогнать ее смущение.

— Да. — Рене улыбнулась в ответ, облака воспоминаний уступили место настоящему. — Теперь давай посмотрим на твои туфли, и самое главное, на украшения.

Она вошла в гардероб и достала пару бархатных туфель на каблуках с красной подошвой.

— Не знаю, смогу ли я выйти на таких. Есть что-нибудь с каблуком пониже?

— Не-а. Только эти. — Она поставила их передо мной, и мне

пришлось обуться. В них почти невозможно было сделать шаг, но все-таки не совсем. Пока я буду стоять на ровной поверхности и не бегать, смогу выжить.

— И еще. — Она практически скакнула к коробке на комод и открыла крышку, прежде чем вытащить ослепительное ожерелье. Связка изумрудов в оправе арт-деко. Драгоценные камни свисали с серебряных цепочек, а центральный изумруд висел ниже остальных.

— У Вайнмонтов самые изысканные изумруды в мире, не так ли? — Я подошла к ней и подняла волосы, чтобы она могла закрепить бесценную нить вокруг моей шеи.

Серьги оказались похожими нитями серебра с изумрудом на конце. Я надела их и разгладила волосы.

Рене сложила руки перед собой.

— Это поможет нам. Должно.

— Нам? — Я повернулась к ней, ища ее темные глаза, чтобы понять, что она имела в виду. Очевидно, я была в этом платье не для того, чтобы помочь Вайнмонтам. Мне было все равно, кто станет Сувереном.

— Победа поможет всем, Стелла. Тебе в том числе.

Я посмотрела на нее.

— А тебе победа помогла? Ты все еще здесь, так ведь? Живешь своими самыми смелыми мечтами? Неужели что-то случилось после того, как твою любовь разрушили, став Сувереном?

Она отмахнулась от моего комментария, нетерпеливо заломив запястье.

— Ребекка была сильной, но мистер Синклер сильнее. Даже Люций сильнее. Когда кто-нибудь из них станет Сувереном, для них, для их матери, для семьи, для нас будет так много всего. — Она закрыла коробку из-под драгоценностей, ее пальцы слегка подрагивали. — Теперь, когда мы в игре, победа будет лучшим результатом. Нет никакого способа обойти суды. Но если ты выиграешь, — она повернулась с непоколебимым блеском в глазах, которого я никогда раньше не видела, — и правильно разыграешь свои карты, в твоих руках окажется немалая власть. Сила уничтожить тех, кто причинил тебе боль.

— Как с Розе?

Она кивнула.

— Как они и другие.

Я имела в виду это как угрозу, но она считала уничтожение Розе делом чести.

— Ты уничтожила людей, Рене? Тех, кто больше всего пытал тебя во время испытаний?

Она взяла меня за локоть.

— Мы должны доставить тебя вниз. Мистер Синклер будет нервничать.

— Рене, ты не можешь просто прервать меня. Мне нужно знать. — Я даже не рассматривала по-настоящему предложение Люция на Кубе — власть, которую он получит после становления его как Суверена. Но Рене вторит его чувствам: победа, а потом все остальное встанет на свои места. Права ли Рене? Была ли помощь Вайнмонтам самым верным путем к уничтожению всей игры? Убрать всех изнутри? Возможно, но для Рене это не сработало.

— Тебе нужно идти. Вам лучше не опаздывать на вечеринку Кэла. Это будет плохим началом для твоей ночи. — Рене пронеслась мимо меня и открыла дверь, прежде чем подтолкнуть меня в нее.

Я пробыла рядом с ней достаточно долго, чтобы понять, что информация будет сцеживаться по капле. Она практиковалась в уклонении от моих вопросов. Мне просто хотелось сломать ее стены, увидеть все изнутри и уйти с информацией. Но это никогда не произойдет. Не с Рене. Всегда ли она уклонялась от вопросов или была вынуждена стать такой из-за испытаний на судах Приобретений, я никогда не узнаю.

Я медленно маневрировала по лестнице на каблуках рядом с Рене. Оказавшись внизу, услышала голоса на крыльце. Люция и Синклера.

— Расскажешь мне все, когда вернешься. — Она вытащила длинный темный мех из шкафа в фойе.

— Это для меня? — Я не носила мех, но пальто светилось невысказанной роскошью и умоляло, чтобы до него дотронулись.

— Сегодня утром я привезла его из хранилища с климат-контролем. Это соболь. — Она протянула пальто.

— Не уверена.

Я провела пальцами вниз, каждая ворсинка мехового пальто казалась глаже, чем предыдущая.

— Зато я уверена. Давай. Там холодно.

Повернулась и скользнула одной рукой, а затем другой в пальто. Оно было тяжелым и теплым, самым мягким, что я когда-либо ощущала. Я рассмотрела свою внешность в зеркале фойе. Даже за пару месяцев, на протяжении которых я оказалась вовлечена в эту жестокую игру, мои глаза, похоже, ужесточились. Или, может быть, причиной тому что-то внутри, что изменилось, стало сильнее. Я слегка наклонила свой подбородок, словно подготавливаясь к тому,

что должно было произойти.

Рене вытащила мои волосы из-под пальто и рассыпала их по плечам.

— Все будет отлично. Они не причинят тебе вреда вне судов.

— Ты наверняка это знаешь? — Я открыла входную дверь.

— Ничто никогда не бывает наверняка, — криво улыбнулась Рене.

С этой загадочной крупницей мудрости я вышла в холодную ночь. Вайнмонт и Люций умолкли, когда я приблизилась, но тяжелое напряжение взмыло в воздух.

— Стелла... — начал Люций.

Вайнмонт повернулся и выступил перед братом, протянув мне руку.

На обоих мужчинах были новые черные смокинги, пошитые по их фигурам. Волосы Люция были приглажены гладкими волнами, а Вайнмонт был обычным темным и взъерошенным совершенством. Чисто выбритые убийцы сердец. Они были красивы, каждый по-своему. Люций гладкий и изысканный. Вайнмонт грубый, почти твердый, хотя все в нем было отполировано.

Люк ждал на подъездной дорожке, лимузин конкурировал с чернилами темной ночи. Я проигнорировала Вайнмонта и схватилась за поручни лестницы, держась за них, как за дорогую жизнь, пока выстукивала каждый шаг в своих каблуках. Когда снова встала на ровную землю, вздохнула с облегчением.

— Мисс Руссо. — Люк коснулся края шляпы и открыл мне пассажирскую дверь. Я села в машину, мех скользил по коже, словно масло по дну теплой кастрюли.

— Даже, блядь, не пытайся, — голос Вайнмонта пронесся над шумом двигателя, и он сам сел рядом со мной.

Люций сел на переднее пассажирское сиденье, повернувшись и улыбнувшись.

— Ты чертовски великолепна.

Хоть я и знала, что это уловка, простые слова, все равно не смогла остановить жар на щеках.

— Спасибо.

— Езжай, — рявкнул Люку Вайнмонт.

Лимузин тронулся с подъездной дорожки, и вскоре мы проносились по межштатной трассе в направлении сердца Нового Орлеана.

Вайнмонт сверлил меня взглядом, пока я не повернулась и не ответила ему таким же. Его взгляд скользнул ко рту, затем опустился на открытую верхнюю часть моего пальто. Меня охватило тепло, и я была благодарна тому, что мех скрывал мои затвердевшие соски. Его язык увлажнил нижнюю губу, и я обнаружила, что не могу отвести взгляд.

Рот, резкая линия его челюсти, элегантный силуэт шеи в темноте автомобиля — все это напоминало приманку. И, как в любой другой приманке, под этой был острый крюк, готовый поймать и пустить кровь. Я отвела свой взгляд, хотя все еще чувствовала, как Вайнмонт впивается в меня, от чего мне становилось еще жарче до такой степени, что я ловила себя на мысли снять пальто.

— Сделай чертово фото, Син. Боже. Ты заставляешь ее чувствовать себя неудобно, — Люций поймал мой взгляд и подмигнул мне, его белые зубы тут же сверкнули в свете минувшего нами уличного фонаря.

— Ты ничего не знаешь о ее комфорте.

— О, думаю, у меня появилось несколько идей. Не так ли, Стелла?

Я подвинулась на сидении, подальше от них обоих.

— О чем он говорит? — Вайнмонт погладил по рукаву, прежде чем легко схватить меня через пальто. — Стелла?

Я отдернула руку и вжалась в сидение.

— Вы двое играете в свою извращенную игру. Ну а я пасс.

Люций рассмеялся и снова посмотрел вперед, прежде чем включить музыку до почти болезненного для слуха уровня громкости. Какая-то сердитая рок-песня с ударным битом. По крайней мере, он прекратил разговор. Я смотрела в окно на проезжающие машины, желая оказаться в одной из них. Подошла бы любая, если она могла увезти меня от этих людей, от Приобретения.

Остальная часть поездки была наполнена дурацкой музыкой Люция. Перед нами нарисовался город, огни засияли в ночи, как миллионы маяков, манящих нас в безопасную гавань. Люк вез нас в бьющееся сердце города с живой музыкой на углах улиц и запахами жареной пищи, просачивающимися через вентиляцию. Чем дальше мы ехали, тем старше становились дома, и в один момент мы оказались посреди сада. Особняки выросли со всех сторон, элегантные и стильные, с высокими коваными железными заборами, отделяющими своих жителей от остальной части бурлящего жизнью города.

Мы в конце концов остановились перед трехэтажным домом в викторианском стиле, который, казалось, занял половину квартала. Он практически ослеплял своим богато украшенным великолепием

— башенки и площадки с перилами на крыше дома. Две громоздкие магнолии стояли на страже над дорожкой, а весь дом огибало крыльцо. Свет горел в каждом окне, люди собирались на крыльце и выходили из главного входа.

Люк остановился и открыл мне дверь. Я поднялась и направилась к тротуару, не спотыкаясь. Это была победа. Но мой следующий шаг пришелся на камень или что-то еще, чего я не рассмотрела в темноте. Моя лодыжка подвернулась, и я придушила крик, когда начала падать.

Сильная рука схватила меня за локоть и с легкостью выровняла. Подняв глаза, я почему-то уже знала, что это Вайнмонт. Подозрение подтвердилось, когда Люций взял меня под второй локоть. Вайнмонт снова предложил руку, на этот раз с легкой ухмылкой на лице.

Я приняла ее лишь, чтобы не сломать лодыжку. Мы поднялись на три ступеньки во двор, шагнули по широкой дорожке, а затем поднялись еще на несколько ступенек к крыльцу. С каждым моментом импульс сбежать становился сильнее. Вайнмонт, должно быть, почувствовал это, потому что притянул мою руку к себе, успокоив меня, когда мы прошли мимо некоторых гостей и вошли в ярко освещенную прихожую.

За моим пальто пришел слуга. Вайнмонт помог мне снять его и замер, увидев мое платье. Его взгляд нагло прошелся по моей фигуре, словно запоминал каждую линию, каждый изгиб, прежде чем снова встретил мой взгляд.

Люций прошел рядом со мной и потянул манжеты на рукавах.

— Это должно быть весело.

Дом был красив, с изысканной деревянной отделкой на каждом углу, над широкими дверными проемами и по широкой лестнице. Присутствующие на вечеринке сновали вокруг, все одетые в черные костюмы с галстуками или в платья, которые кричали о голливудском гламуре. Музыка играла наверху, глубокий ритм спускался вниз и полностью расходился с античной, элегантной природой дома.

— Вайнмонтам удалось! — Кэл был на полпути вниз по лестнице, его взгляд прикован ко мне, огромная улыбка натянута на лице. Он тащил маленькую блондинку за собой. Я узнала ее — Брианна, Приобретение Рэда. Она спотыкалась, пытаясь не отставать, но Кэл просто притянул ее к себе и пронес до конца, прежде чем поставить на ноги. Он был таким же показушником, каким был на балу — изысканный фрак, идеально уложенные черные с проседью волосы, и каждое слово произносилось слишком громко.

Брианна вцепилась в него, ее красное платье открывало татуировку вдоль ее груди и немалое количество голого тела. Я могла только предположить, что именно Рэд выбрал ее наряд для вечера. Ее глаза уставились на меня невидящим взором, лицо было лишено

любой искры жизни.

— Рад, что вы приехали на мой скромный званый вечер. — Кэл пожал руку Вайнмонту, а затем Люцию. Я не предлагала свою, поэтому он выхватил обе мои ладони и вытащил, глядя на мое тело и облизываясь. — Ты выглядишь настолько хорошо, Стелла, что тебя можно было бы съесть.

Вайнмонт содрогнулся сбоку, но ничего не сделал. Кэл отпустил меня и поднял голову вверх по лестнице.

— Давайте. Настоящее развлечение на втором этаже. И, Стелла, если тебе повезет, я приглашу тебя на третий и дам тебе сюрприз.

По моему позвоночнику пробежала холодная дрожь. Мне захотелось держаться как можно дальше от третьего этажа. Тем не менее, Вайнмонт взял меня под локоть и повел вперед, когда мы последовали за Кэлом и Брианной вверх к грохочущей музыке. *На втором этаже оргия?*

Брианна покачнулась, но Кэл крепко сжал ее задницу, углубившись указательным пальцем между ее ягодиц, пока поднимал ее вверх ступенька за ступенькой. Он взглянул на меня через плечо и подмигнул. Гнев бурлил у меня в горле, угрожая вырваться из моего рта криком. Я бы этого не допустила. Рене и Люций заставили меня больше задуматься о том, чтобы увидеть все ставки в игре, прежде чем принять какие-либо решения о перемещении фигур. Если у меня есть возможность разыграть лучшие карты, дабы уничтожить этих людей, я сделаю это.

Мы достигли площадки, и бит музыки стал еще сильнее, вибрируя в моей груди и сотрясая люстру на потолке фойе. Кэл продолжал двигаться к открытым двойным дверям, обмениваясь любезностями с гостями вечеринки, снующими вокруг. Люди глазели и пялились, но я смотрела исключительно прямо. Они могли смотреть, бросать косые взгляды, но я держалась за то, что сказала мне Рене. Они не могли причинить мне боль. Не сегодня.

Мужчина протолкнулся среди некоторых гостей и подошел к нам. Каштановые волосы и глаза-бусины — Рэд.

— О, вот ты где. — Он посмотрел на Брианну.

— Девушка просто помогает мне приветствовать моих гостей, Рэд.

— Она в твоём распоряжении, Кэл. В любое время. — Рэд повернулся ко мне, прежде чем позволить своему взгляду спуститься на мою грудь. — Рад снова тебя видеть, Стелла.

— Не могу сказать того же. — Я все еще хотела выцарапать ему глаза за его отношение к Брианне. Опять же, я стояла здесь, держась за мужчину, который избил мою спину в кровь. Сейчас шрамы были выставлены напоказ в этом платье с открытой спиной. Именно

поэтому Рене выбрала его?

Рэд убрал слишком длинные пряди волос с глаз.

— До сих пор сука, как я посмотрю.

— Заткнись, Рэд. — Вайнмонт в предупреждении напрягся рядом со мной.

— Не нравится, когда я оскорбляю твою шлюху? — Он засмеялся, его зубы из-за вина приобрели слегка фиолетовый оттенок.

Вайнмонт сделал шаг вперед, и Рэд выставил кулаки.

— Ребята, ребята. Погодите до Рождества! — Кэл рассмеялся и похлопал их обоих по спине. — Я придумал довольно умный способ для высвобождения вашей агрессии, поверьте мне.

Инстинкт «бей или беги» снова ожил внутри меня. Мой желудок скрутило, и по горлу поднялась желчь. Рассказа Рене о ее рождественском суде было достаточно, но я знала, что Кэл сделает мой как можно более ужасным. Меня посетила мгновенная вспышка желания убить его. Может, спуститься на кухню, схватить нож и перерезать ему горло прямо перед всеми этими упырями? Этим можно будет положить конец? Можно будет остановить этот испорченный механизм? Или я просто поставлю во главе нового Суверена раньше срока?

— У нас с тобой будет очень счастливое Рождество, Стелла. Рассчитывай на это. — Рэд отступил, схватил ближайшую женщину и погрузил свой язык в рот. Она застонала и обмякла, позволив ему проникнуть под ее короткую юбку и погладить ее пальцами.

Вайнмонт взял меня за локоть, грубо на этот раз.

Кэл хлопнул в ладоши и схватил Брианну.

— Вот так лучше. Теперь идемте. Я хочу показать вам развлечение.

Мы пошли за ним к большим двойным дверям, за которыми лилась музыка. В комнате было темно, но мы шли вперед. Технобит становился все громче. Масштабы этого бального зала были гораздо меньше, чем в поместье Оукмэна. Тем не менее, он был большой и занимал почти весь второй этаж.

Обнаженные мужчины и женщины извивались под музыку на четырех платформах, рассредоточенных по комнате. Консервативные картины и изысканные канделябры, совершенно диссонирующие со сценами в зале, рядами висели на стенах. Кушетки стояли у боковых стен, некоторые были заняты людьми, употребляющими наркотики или занимающимися сексом, иногда и одно, и второе одновременно. Я не могла сказать, пугали ли они сейчас больше, чем тогда, когда на их лицах были маски.

Я должна была понять на балу, что у этих людей нет пределов. Но теперь я знала, что бал не был аморальным. Это были они. *Это* — женщина, нюхающая кокаин с члена мужчины, двое трахающихся мужчин, пока вокруг формировался полукруг соглядатаев, иглы и женщины со стекловидными глазами — вот какими были эти люди.

— Разве это не фурор? — прокричал Кэл поверх грохота музыки.

— Впечатляюще, — кивнул Люций, приковав взгляд к ближайшей платформе, где одна женщина опустилась на колени и лизала между ногами другой.

— Мне нравится иногда закатывать подобные вечеринки. Поддерживать веселье, будучи Сувереном. Это, конечно, вечеринка в честь приветствия. Но я, естественно, надеюсь, что следующий Суверен сохранит традиции импровизированных встреч. — Он дернул Брианну к своему боку и перевел взгляд с Вайнмонта на Люция. — Кто из вас во главе?

— Я. — Вайнмонт и Люций ответили в унисон, хотя их голоса едва были слышны поверх музыки.

Кэл покачал головой и взглянул на Брианну. Он грубо схватил ее подбородок и притянул лицо к себе.

— Только *один*, не так ли, маленькое Приобретения?

— Д-да. Один. — Она кивнула, казалось бы, став еще более бессознательной, чем была внизу.

Кэл повернулся к нам, его лицо было холодным, трезвым, весь намек на улыбку исчез.

— Синклер, ты знаешь правила. Она выбрала его или нет?

Вайнмонт обнял меня за талию.

— Выбрала, но...

— Никаких «но», Син. — Лицо Кэла озарило широкой улыбкой, бравада вернулась на место. — Люций, мой любимый сахарный магнат, похоже, что ты теперь во главе.

— Я. Она — моя. — Люций встал ближе ко мне.

— Отлично, отлично. Теперь скажи, Синклер поведал тебе все правила, или мне преподать тебе небольшой урок?

Пальцы Вайнмонта вжались в мою талию достаточно сильно, чтобы оставить синяки. Я не протестовала, надеясь, что Кэл просветит меня в правилах.

— С этим разберусь я, — заявил Вайнмонт.

Люций посмотрел на своего брата, а затем вернулся к Кэлу.

— Уверен, что Син предоставит мне все подробности.

Кэл кивнул и схватил коктейль с подноса проходящего официанта.

— И лучше ему это сделать. — Он поднял свой бокал без тоста и без пары и осушил его. — Теперь давайте веселиться.

Глава 8

Синклер

Это конец. Хотя я и притянул ее ближе к себе, хоть и не хотел ничего, кроме нее, она уже не моя. Ее запах, кожа, все в ней еще больше проникло в мои кости с тех пор, как она вернулась. А теперь я потерял ее.

Кэл бросил взгляд и отодвинул Брианну в сторону ближайшего дивана. Без сомнения, он снова накачает ее наркотиками. Я намеревался опохмелить Стеллу наркотиками, чтобы эта ночь стала для нее более сносной, не имела таких острых углов, но не смог. Она заслуживала увидеть все, почувствовать. Я не смог спасти ее от этого также, как и себя. Мы все должны сыграть наши роли, какими бы проклятыми они ни были.

— Вайнмонт, — резкий тон Стеллы прорезал мои мысли. — Ты причиняешь мне боль. — Ее зеленые глаза светились при каждой вспышке света от соседней стробосферы. Я ослабил хватку, хоть и не хотел. Мне хотелось забрать ее и бежать с ней. Я не мог. Был привязан к Приобретению так же, как и она, и теперь Люций невольно забрел в ту же ловушку.

— Давайте выпьем. — Люций взял ее за руку и увел глубже в комнату.

Я последовал за ними. Из виду ее не выпущу независимо от того, что сделает мой тупой братец. Ее нога виднелась в разрезе при каждом шаге, давая мне шанс увидеть темную ткань, покрывающую нежную плоть на стыке бедра и паха. Меня не волновало, утвердил ли Люций права на нее, я все еще владел ею, особенно там, где уже попробовал ее. Мой член напрягся от воспоминания о ней, лежащей передо мной, о ее мягких столах и безумных движениях ее бедер. Я снова хотел этого. Некоторое время я не мог думать ни о чем, кроме нее.

Мы виляли в толпе, нас остановили лишь несколько человек, желающие пожать руки. По крайней мере, музыка была слишком громкой для разговоров. Широкий бар был установлен вдоль задней стены, слуги наливали, трясали или ставили в ряд любого рода напитки, которые только можно вообразить. Люций выкрикнул заказ и наклонился, чтобы занять очередь. Глаза Стеллы округлились, когда она понюхала бокал, а затем сжала переносицу. Он улыбнулся и протянул ей соломинку.

— Попробуй.

Стелла посмотрела на дорожки кокса.

Я выбил соломинку из ее руки.

— Люций, я тебя предупреждаю.

Она посмотрела на меня.

— Я взрослая женщина, Вайнмонт. Мне не нужно твое разрешение.

— У тебя уже есть мое, Стелла. Давай, — Люций протянул ей еще одну соломинку.

— В твоём разрешении я также не нуждаюсь! Боже! — Она повернулась и посмотрела через мое плечо, прежде чем привидение улыбки украсило ее лицо. — Вы двое, сделайте мне одолжение и ступайте, примите участие в словесной стычке с Кэлом. А я вижу одного знакомого.

Она прошла мимо меня, ее цветочно-цитрусовый аромат пронёсся над запахом похоти и ликера. *Кого она вообще может здесь узнать?*

Стелла маневрировала мимо танцоров и отрицательно покачала головой паре настойчивых джентльменов. Достигнув пункта назначения, она остановилась перед мужчиной. Он повернулся. Это был Гэвин с бала.

Люций протянул мне напиток, пока мы смотрели на нее.

— Кто это, черт возьми?

— Приобретение Иглтона.

— Хочешь его наебать? — Люций прикончил свой напиток и жестом потребовал еще один, кокс уже ускорил его движения.

— Это против правил.

Люций рассмеялся.

— Полагаю, тебе придется посвятить меня в них.

Я выпил, горький вкус тут же ударил по языку.

— Посвящу.

Он изучил меня, прежде чем вернуть взгляд на Стеллу.

— Знаешь разницу между тобой и мной, Син?

— Даже не одну.

Люций ухмыльнулся и оперся на барную стойку.

— Я смогу сделать с ней то, что нужно. Смогу выиграть. Смогу заставить ее плакать, причинить ей боль, оставить в кровавой куче и ни разу не оглянуться назад. Я смогу выиграть для нас. Вайнмонты

снова смогут управлять. А ты... — Он осушил еще один стакан. — Ты не сможешь. Ее горячая киска поставила тебя на колени. Вот почему должно было случиться так. Вот почему она выбрала меня. Я сломаю ее и стану Сувереном. Вот увидишь.

Как будто это было так просто. Как будто все, что он должен был сделать, это заставить ее плакать, заставить истекать кровью. Я покачал головой. Пусть Люций выговорится, несмотря на желчь, поднимающуюся внутри меня. Это останется всего лишь словами. Я видел, как он смотрел на нее, когда думал, что никто не видит. Я ненавидел его за это, за то, что он жаждал чего-то большего.

Может, он обманул остальных, но не меня. Его смелость пошатнется, и он потерпит неудачу. А последствия уничтожат нас всех. Я должен вернуть ее, чтобы как-то исправить ситуацию, но меня вышвырнули из игры. Мне придется ждать, пока другие фигуры начнут двигаться, прежде чем я смогу сделать свой ход. Я сгораю от ожидания, как и всегда.

— Посмотри на этого ублюдка, — Люций указал рукой на Гэвина.

Гэвин улыбался Стелле с искренним удовольствием на его красивом лице. Мне хотелось сломать ему нос. Желание было смехотворным — агрессия, которую нужно было придержать при себе. Но он был там, и я не мог игнорировать его. На моих руках дела гораздо хуже, чем избивание человека, но я никогда не боролся за женщину. До Стеллы. Я проглотил еще больше желчи, позволив ей стечь по горлу и смешаться с моей собственной.

— Я все еще хочу убрать этого парня. — Люций со стуком поставил стакан на стойку. — Если никто не увидит, что мы сделаем, это будет считаться нарушением правил?

Я хотел сказать, что мы могли вывести Гэвина и до крови избить его за разговор со Стеллой. Что мы могли прикончить его и попросту стряхнуть пыль с рук, словно только что вынесли мусорный пакет. Но нет. Слишком много было поставлено на карту, чтобы нарушать правила сейчас.

Правила. Я покачал головой и прикончил свой напиток.

— Ты понятия не имеешь, что натворил, — сказал я слишком тихо, чтобы мой брат услышал из-за шума. Но слова были правдой.

Люций занял мое место в аду. Просто он еще этого не понял.

Глава 9

Стелла

— Меня кормят три раза в день и дают ночлег. Это больше, чем я получал, живя на улице, — Гэвин пожал плечами, его глаза были глубокого янтарного цвета. — Я даже не вижу Боба. Видел перед балом. Так или иначе, у меня вроде бы есть гостевой дом на его территории. Меня никто не беспокоит. Наверное, я мог бы попытаться бежать, но он заверил меня, что найдет и притащит обратно. Мне некуда идти, даже если бы я это сделал. Я просто попробую пережить это. На данный момент у меня нет другого выбора. — Он вздохнул. — А ты? Как тебя уговорили на это?

Я глотнула напиток, который он мне передал.

— Предательство, обман, ложь и контракт. Та же песня, но с другими словами.

— Понял. Поверь мне, я понимаю. — Он огляделся, свет от сверкающей стробосферы осветил его лицо, сделав его призрачным в одну секунду и непроглядным в следующую. — Эй, хочешь выбраться из этой комнаты? Пойти куда-нибудь, где мы можем поговорить без шума и стольких ушей?

— Да, пожалуйста. — Какофония музыки и размытых тел ошеломляла, и я не могла не заметить, как некоторые из гостей указывали на меня и Гэвина. Они знали, кто мы.

Он взял меня за руку и потащил по танцполу, мимо безумных танцоров и занимающихся сексом людей. Комната все еще пульсировала от бита музыки в бальном зале, но была спокойнее. Углубляясь в дом, мы повернули за угол и нашли небольшую нишу, застекленную витражом с цветочным узором. Мы прислонились к подоконнику бедро к бедру, оба молчали, пока наши чувства привыкли к свету и свободе от посторонних глаз. Он казался теплым рядом со мной, тепло его тела просачивалось в мою голую ногу, открытую высоким разрезом.

— Кстати говоря, ты сегодня очень красиво выглядишь. — Он откинулся назад и прислонился головой к стеклу.

— Спасибо. Ты тоже. Красивый, я имею в виду. — Я последовала его примеру, отклоняясь из поля зрения кого-либо еще в коридоре.

— Благодарю

Я взглянула на него, его глаза стали еще теплее теперь, когда в них отражался свет.

— Мы выживем?

— Да, — он ответил так быстро, что я подумала, правильно ли он расслышал мой вопрос.

— Откуда ты знаешь?

— Я всегда выживал, и что-то подсказывает мне, что ты тоже.

Я заскользила головой по стеклу из стороны в сторону.

— Нет, раньше я сдавалась.

— Возможно, но в момент, когда я увидел тебя на балу, то понял, что в тебе еще осталась храбрость. То, как ты смотрела на толпу, будто была выше всех, как пыталась помочь Брианне, как пережила...

— Избиение?

Он кивнул, его рука нашла мою.

— Я не очень хорошо помню ту ночь. Может, отключился, но помню, какой сильной ты была, как я хотел быть таким же сильным.

— Думаю, ты перепутал меня с какой-то другой беспомощной женщиной, пойманной для допотопного суда, проводимого ради превосходства среди богатых садистов.

Он фыркнул и сжал мою ладонь.

— Нет, это ты. И в тебе нет ничего беспомощного.

— Не позволяй драгоценностям обмануть себя. Я в такой же клетке, как и ты.

— Знаю, но твоя сила дает мне надежду. Не заставляй меня сомневаться в ней. Она нужна мне, чтобы не сдаться, — его голос звучал мрачно, с мольбой.

— Хорошо. Я попробую.

— Это все, что мы можем сделать.

Мы погрузились в удобную тишину, слушая музыку и наблюдая, как гости бредут мимо, находясь под кайфом. Я оставила свою ладонь в его, создавая какую-то связь, которую надеялась укрепить.

После короткой передышки, на протяжении которой мы просто смогли существовать, кто-то хрипло рассмеялся и споткнулся, направляясь по коридору в нашем направлении. Я узнала голос — Рэд. Напряглась и попыталась спрятаться в нише.

— Что такое? — Гэвин отпустил мою руку и положил ладонь

мне на бедро.

— Рэд, — прошептала я.

Шаги приблизились. Я вздрогнула.

— О, черт! Тот парень?

— Тот парень. — Если он заметит меня, я не была уверена, сумеем ли мы избежать еще более серьезного конфликта.

Гэвин посмотрел вниз по коридору, а затем повернулся ко мне.

— Доверишься мне?

Я кивнула. Затем его губы оказались на моих, его тело накрыло мое и оградило от коридора. Его глаза медленно закрылись, когда он сильнее прижался ко мне ртом, закрывая мое лицо, пока все, что мог увидеть Рэд, были темные волосы Гэвина.

Я замерзла от голоса Рэда, но жар от тела Гэвина пытался растопить меня. Он положил руку на мою талию и прижался губами к моим. Он не пытался проникнуть языком, просто задержался на моих губах. Голос Рэда стал ближе, и я закрыла глаза, молясь, чтобы он не увидел меня.

Рэд выдал ряд ругательств. Он был так близко, что, ахнув, я открыла рот. Гэвин воспользовался небольшим данным ему шансом, и слегка подался языком вперед, дразня кончик моего. На вкус он был как водка и какая-то сладкая субстанция. Я схватила лацкан его пиджака, когда его рука скользнула по моему голому бедру.

— Ну-ка посмотрите на это дерьмо, — голос Рэда. — У нас здесь трахаются два Приобретения?

Черт. Гэвин разорвал поцелуй, наморщив лоб, прежде чем отстранился от меня.

— Хочешь проникнуть в узкую подстилку Сина? — Рэд покачнулся и прислонился к стене напротив нас, почти ударившись головой о роскошно украшенный бра.

— Пошел ты. — Я встала и посмотрела на него.

Он впился в меня взглядом.

— Подожди до Рождества, мелкая потаскуха, когда я по самые яйца окажусь в твоей заднице, а ты будешь кричать, чтобы я остановился.

Ярость опалила меня изнутри, и, прежде чем я поняла, что делаю, я ударила его, оставив сердитый красный отпечаток руки на его щеке.

— Ты ебаная... — Он бросился на меня, широко распахнув глаза от гнева. Его руки оказались на моем горле, вдавливая металл

колье в кожу, когда он сжал его. Я вцепилась ногтями в его запястья, расцарапав до крови, но хотела сделать намного, намного хуже.

Гэвин отдернул его от меня, но я не закончила. Пока Гэвин оттаскивал Рэда назад, я подошла и ударила его коленом прямо в пах, вложив каждую унцию гнева, который у меня был. Рэд взвыл и сложился пополам. Гэвин отпустил его и вскинул руки, как будто прикоснулся к чему-то грязному.

— Ты чертова сука, ты чертова сука, — Рэд все время повторял одно и то же, хрипло дыша и сжимая яйца, и смотрел на меня, сгорбившись.

Гэвин подошел ко мне.

— Стелла, нам нужно идти...

Я не могла смотреть никуда, кроме как на Рэда. Желание причинить боль стирало любую мысль о Приобретении или судах, или о том, кто смотрел, или о последствиях.

— Ты никогда не притронешься ко мне, ты, больной выродок! Ты понял это? — Я кипела от ненависти и снова завела руку для удара, но Гэвин схватил меня за предплечье.

— Не надо.

— Правильно, сука. Не надо. — Рэд попытался встать прямо, но продолжал сжимать промежность. — Я верну это тебе. Не волнуйся. Через несколько недель я буду трахать каждую твою дырку. И ты, тупая пизда, ничего не сможешь с этим сделать. Счастливого мне Рождества. — Он засмеялся высоким кашлем.

Я изо всех сил пыталась освободиться от хватки Гэвина, отчаянно норовя причинить боль Рэду, чтобы он почувствовал хотя бы унцию той боли, которую я уже пережила.

— Гэвин? — голос разнесся по коридору. — Гэвин, где ты?

— Дерьмо. Это Боб. — Гэвин притянул меня к себе, заставил повернуться спиной к Рэду и уйти.

Рэд по-прежнему смеялся.

— О, я собираюсь хорошо провести с тобой время, Стелла. Прекраснейшее время. Не могу дождаться Рождества. Приходи голодной.

Гэвин продолжал уводить меня, хотя мне хотелось встать лицом к лицу с Рэдом и победить. Я не могла. Он обыграет меня. И хуже того, я боялась, что его слова окажутся правдой. Я ничего не могла сделать с рождественским судом, ничего не могла сделать, чтобы избежать конца. Рэд воспользуется этим, сделает мне больно, как никогда раньше. Он всегда будет смеяться последним, как и все здесь. Несмотря на это, я все еще держалась за призрачную надежду,

что смогу как-то это остановить.

— Гэвин? — голос Боба теперь звучал ближе.

— Давай сюда. — Мы повернули за угол, увидев Боба, Люция и Вайнмонта.

Выражение моего лица, должно быть, подсказало Вайнмонту, что что-то случилось, потому что он мгновенно подлетел и навис надо мной.

— Что?

— Что ты имеешь в виду? — Я опустила взгляд в пол. Мне не нужна его помощь, и я, конечно же, не хотела ее.

Он откинул голову назад, чтобы посмотреть вниз по коридору, откуда мы пришли. Рэд показался из-за угла, веселье все еще искрилось в его глазах.

Вайнмонт двинулся к нему, пока они не встали лицом к лицу.

— Рэд, держись от нее подальше. Я больше не буду повторять.

— Тебе не обязательно. С меня хватит. Не волнуйся, я терпеливый человек. Моя очередь придет на Рождество. — Он подмигнул мне, хотя все еще защитным движением удерживал руку внизу живота.

Надеюсь, его член посинел и опух. Сожалею лишь, что не попыталась оторвать его.

Люций подошел к брату.

— Стелла теперь принадлежит мне, Рэд. Прикоснешься к ней, заговоришь с ней, сделаешь с ней что-нибудь, не спросив сначала меня, я выебу рот твоей сестренки, — Люций ухмыльнулся. — Ей уже есть восемнадцать? Хотя, какая разница.

— Не смей говорить о моей сестре! — закричал Рэд. Его гнев был неукротимым, неожиданным, заставив заткнуться.

Каким-то образом этот гнев был гораздо более реальным, чем любые другие эмоции, выраженные им. Было странно думать, что он заботился о ком-то, кроме него самого. Но это не было ошибкой. Слова Люция поставили его на место. Почему?

Вайнмонт опустил руку на предплечье Люция.

— Идем. Давай подойдем и поприветствуем всех, кого нужно, а потом сможем свалить. — Вайнмонт потянул Люция назад, беря под контроль своего младшего брата.

Рэд покачал головой, словно очищая мысли, каштановые пряди прилипли к его потному лбу.

— Гэвин, пойдем. — Боб пошатнулся, его круглое тело

покачивалось, как у шалтая-болтая, когда он направился к лестнице на третий этаж.

Гэвин кратко улыбнулся мне и повернулся за Бобом.

— Мы тоже идем. — Вайнмонт поместил ладонь на нижнюю часть моей спины, кончиками пальцев опалив мою голую кожу, и повел меня вперед.

Люций не отставал, и Рэд последовал за ним. Мы поднялись по лестнице. Музыка стихала по мере нашего отдаления от второго этажа, пока не стала лишь слабыми ритмичными ударами.

Мы свернули вправо на площадку и вошли в оранжерею. Стекланный потолок над головой открывал вид на ночное небо. Экзотические растения в тщательно приданных им диковинных формах заполняли комнату.

Расходящиеся веревки с глициниями поднимались по центральным столбам и разветвлялись под стеклами, создавая иллюзию лоскутного одеяла из коры и зелени. Я представила себе, как это должно выглядеть весной — тяжелые соцветия лаванды распускаются под синими небесами. Я закрыла глаза, укореняя изображение в мозгу, чтобы потом нарисовать его. Это было бы прекрасно, но сегодня небо было просто темным пятном за стеклом, без звезд, без луны. Воздух казался затхлым от разговоров и застоявшегося сигарного дыма. Какую бы красоту ни содержала эта комната, она была покрыта тонким слоем грязи в виде ее обитателей.

Здесь находилось около двух десятков гостей, они отдыхали, говорили, пили. Несколько дам постарше в одной группе повернулись к нам, шепча и глядя на меня с надменным презрением. Несмотря на то, что они давно миновали свой расцвет, на их лицах замерла юность — губы слишком пухлые, над бровями практически отсутствуют морщины, улыбки тоже невероятно непорочные. Как некоторые из растений в комнате — довольно милые, но при этом хищные до мозга костей. Я содрогнулась и приблизилась к Вайнмонту.

Он обнял меня за талию, и что-то внутри меня успокоилось. Буря эмоций, которую Рэд, а теперь и эта комната, подняли во мне, таяла под прикосновением Вайнмонта, и хотя я знала, что мне не бывать в безопасности, я чувствовала именно ее.

Подняла глаза и поймала его взгляд. Темный сапфировый синий на секунду остановил мое дыхание. Воспоминание о нем в домике в лесу в тот день во время шторма, когда он поклонялся моей плоти, слитой с его, пронеслось в моих мыслях. Отдаленное эхо тех же чувств проникло в мое сердце, росло до тех пор, пока единственным, что осталось внутри меня, было его имя, шепотом произнесенным в молитве. *Син.*

Он наклонялся ко мне, пока его губы не оказались над моим

ухом.

— Я должен был сказать тебе раньше. Но я никогда не видел ничего красивее.

Мое сердце остановилось, и затем тепло распространилось от него в остальные части меня. Его слова стали неожиданностью, и мои ноги дрожали, когда я попыталась не отставать от него.

Он выпрямился и посмотрел вперед, так что все, что я могла видеть, был его сильный профиль на фоне темного неба. Его хватка не ослабла ни на секунду, я снова взяла под контроль свои ноги, и мы скользнули в комнату.

В отличие от танцпола внизу, атмосфера здесь была почти приторно спокойной, в углу играл струнный квартет. Гости постарше здесь были спокойными, возможно, достаточно долго купались в океане привилегий и разврата, поэтому теперь довольствовались просиживанием на берегу и наблюдали, как остальные пловцы борются и тонут.

Кэл поднялся с своего места на двухместном диванчике, Брианна сидела рядом с ним и поприветствовала нас.

— Добро пожаловать, добро пожаловать. Располагайтесь поудобней. Расслабляйтесь. В конце концов, это вечеринка.

Он шагнул вперед и взял меня за руку. Моя кожа сжалась, и кончики пальцев Вайнмонта сильнее впились в мою талию.

— Пойдем, позволь мне поговорить с тобой. Эти мальчики несколько минут могут обойтись без тебя, правда, Син?

Вайнмонт застыл и сосредоточился на мне. *Откажется ли он?*

Кэл фальшиво рассмеялся.

— Но, погодите-ка, о чем это я? Теперь Люций — гордый владелец. Меня смутило, что девочка шла под руку с тобой, Син, а не с твоим братом. — Он кивнул Вайнмонту и повернулся к Люцию. — Итак, могу я переговорить со Стеллой мгновение?

Люций ухмыльнулся и вытащил Брианну с ее места. Ее глаза все еще были наполнены стеклянным блеском, и я гадала, вспомнит ли она сегодняшний вечер.

— Хочешь поговорить с этой? Тогда я поговорю с *этой*.

— Вот это мой парень, — Кэл рассмеялся, когда Люций оттащил Брианну на пару диванов в сторону и посадил к себе на колени. — Теперь, Син, если ты не против? Я действительно верю, что Люций дал разрешение, — в голосе Кэла появилась сталь, и его пальцы начали сжимать мои.

— Син? — Рэд дернул головой к двери. — Можно поговорить с

тобой?

— Ты говоришь со мной прямо сейчас. — Вайнмонт даже не посмотрел на Рэда.

— Я имею в виду наедине, дебил. — Гнев Рэда вспыхнул, как спичка в темноте.

Я затаила дыхание. Возможно, Вайнмонт откажет Кэлу. Может, что-то изменилось. Я с отчаянием желала, чтобы это оказалось правдой.

Но этого не произошло. Вайнмонт опустил руку. Кэл сел и дернул меня рядом с ним, сиденье все еще было теплым после Брианны.

Вайнмонт неотрывно удерживал мой взгляд, даже когда Кэл обнял меня и притянул ближе. Слова Рене о том, как играть, эхом вторили в моем сознании, но я все еще ощущала порыв бороться с Кэлом, сделать что-либо, только не подчиняться. Я хотела, чтобы Вайнмонт поднял меня и вынес отсюда. Вместо этого, после второй попытки Рэда заговорить с ним, Вайнмонт разорвал наш зрительный контакт и вышел с ним.

Люций уже давно потерялся в Брианне, его рука находилась под ее платьем, а рот властвовал на ее шее. Я осталась с Кэлом.

— Итак, — он наклонился и вдохнул у меня над ухом: — Расскажи мне о себе, Стелла.

— Что, сначала даже не опоишь меня наркотиком, как Брианну? — Я попыталась отстраниться от него, но он усилил хватку на моем плече.

— Думаешь, я ее опоил? — Он цыкнул и окинул меня вялым взглядом. — Она сама сделала это, когда приехала сюда. Она слабая. Не может с этим справиться. Ты, с другой стороны, справляешься со всем с удивительной грацией. То, как ты приняла избиение... — Он издал мычащий звук, словно воспоминание несло в себе особый вкус. — Я никогда не забуду кровь на твоей бледной коже.

Он отпустил мою руку и провел пальцами по моей спине. Я изо всех сил старалась сохранять спокойствие.

— Ты нечто особенное. — Кэл приблизился, оказавшись ртом у моего уха. — Син знал, что ты особенная, когда выбирал тебя? Или понял это только, когда попробовал?

— Отвали от меня. — Я отстранилась от него, но он сжал мою талию и заставил прижаться к его боку.

— Ты когда-нибудь подчиняешься? — Он засмеялся и позволил своему взгляду упасть в глубокое декольте моего платья, а затем метнуться к разрезу на моем бедре.

— Я буду кричать. — Мое сердце колотилось в груди, страх просачивался по моему телу везде, где прикасался Кэл.

— Как ты думаешь, здесь кому-нибудь будет до этого дело? Успокойся. Все, что я хочу, всего лишь одна проба. У меня слабость к рыжим. — Когда его губы коснулись моей шеи, мне пришлось подавить крик. Я осмотрела комнату в поисках Вайнмонта, но они с Рэдом, наверное, вышли в коридор. Я не могла видеть Люция, хотя у меня не было никакой надежды на помощь от него.

Кэл лизнул мою шею, и я не могла сдержать звук отвращения, который вырвался из моих уст.

— Это не так плохо, правда? — Он схватил меня за подбородок и вывернул мое лицо к своему, глядя на мой рот. Я толкнула его в грудь, готовая царапаться и кусаться, если придется. Я не могла подыграть, не с ним.

— Кэл? — пронзительный голос женщины раздался позади нас.

Он отпустил меня, и я, наконец, смогла сделать вдох. Отскочила от него, пока моя спина не ударилась о спинку дивана.

Кэл поправил галстук-бабочку и встал, фальшивая улыбка уже появилась на его лице.

— Мисс **Деверо**, так скоро вернулись?

Подождите, *Деверо*? Она снова заговорила. Я узнала ее голос. Что-то вроде дежавю, но темнее, скрутило мой живот. Я повернулась. Там, за моей спиной, стояли моя бывшая мачеха Маргарет Деверо и мой сводный брат Дилан.

Глава 10

Стелла

— Дилан?

Мой сводный брат поспешил обойти вокруг дивана и сел рядом со мной, прежде чем обнять меня.

— Как? — Перед глазами все поплыло, надежда воспламенилась в груди, но неуверенность, что это какая-то уловка Кэла, никуда не делась.

— Ты в порядке? — Его объятия сокрушили меня до такой степени, что мне пришлось оттолкнуть его, чтобы сделать вдох.

— Сейчас — да. Но как ты здесь оказался? — Я всмотрелась в его глаза, желая понять, происходило ли это все на самом деле.

— Обычно, Стелла, — перебил Кэл. — Семья Деверо долгое время принадлежала к высшим эшелонам общества. — Он с уважением кивнул матери Дилана. — Но только в прошлом месяце прекрасная Маргарет выразила заинтересованность в том, чтобы окончательно присоединиться к нашей вечеринке — самым сливкам всего общества. И мы более, чем рады, приветствовать ее и ее сына, конечно же. — Кэл улыбнулся акульим оскалом.

Меня интересовал вопрос, сколько Маргарет пришлось заплатить, чтобы ее приняли в это логово монстров. Мы никогда не были близки, когда она поспешно вышла замуж за моего отца. Она считала меня скорее неудобством, чем чем-либо еще. Должно быть, это дело рук ее сына.

Дилан провел рукой по моей щеке.

— Ты в порядке?

— В порядке. Просто не понимаю...

— И никогда не поймешь, Стелла. Потому что мы разных пород. — Кэл посмотрел на меня сверху вниз, будто я была непослушным ребенком, которому нужно было преподать урок манер. — Дилан испытывает к тебе любовь, это ясно, но какая любовь может быть у льва к ягненку? Он этого не понимает, но ты ниже его, точно так же, как ниже всех остальных в этой комнате. Не имеет значения, как красиво ты оденешься, какие нацепишь на себя драгоценности или что-то еще.

— Тебе не обязательно так говорить о ней. — голос Дилана

звучал грубо, хотя он по-прежнему нежно прикоснулся к моей щеке.

— Я всего лишь излагаю факты, Дилан. И все. Не нужно недоразумений. Маргарет, могу я показать тебе свою любимую орхидею здесь, в оранжерее? Дадим этим двоим шанс поболтать?

Маргарет уставилась на меня, а затем на сына, покачала головой и взяла Кэла за руку. Она изучала меня так же, как и все время, когда я знала ее, как будто я была интересным животным или насекомым. Достаточно интересным, чтобы исследовать, но слишком жалким, чтобы подходить к нему. Не сказав ни слова, она ушла, когда Кэл начал говорить о растениях.

Дилан снова обнял с таким же рвением, прежде чем отстранить меня от себя.

— Это сработало. Не могу поверить, что мы вошли в круг, и я здесь с тобой. — Он улыбнулся, юность сияла на его загорелой коже и в светло-карих глазах.

— Ты можешь меня вытащить?

Его лицо помрачнело, уголки рта опустились.

— Я не знаю. Кэл не очень охотно делится грядущим процессом, в который ты попала.

— Ты о Приобретении?

Он кивнул.

— Да. Он говорит, что в следующие выходные будет большая рождественская вечеринка, где мы полностью поймем, что это такое.

— В следующие выходные? — Я думала, что у меня больше времени. Думала, у меня есть еще минимум две недели. Но нет, Рождество приближалось быстро. Тошнота волной омыла меня, но мне пришлось сосредоточиться. Мне нужна была информация.

— Да, он говорит, что это большой выезд в чей-то дом в лесу к северу отсюда. Вечеринка на два дня. Не представляю, что это. Я не очень люблю отдых за городом, но Кэл убедил меня, что мне понравится охота. — Он пожал плечами, совершенно не ведая, о чем говорит.

Мое сердце сжалось, а слезы обожгли глаза.

— Значит, ты поедешь на рождественский суд?

— Да, мы вроде как должны. Это часть всего, что касается присоединения к клубу. И, возможно, когда я больше вотрусь в доверие, я смогу вытащить тебя. Ты будешь там, так ведь?

— Да. — Я уставилась в пол.

— Стелла, что такое? — Он схватил меня за руки. — И что ты

имеешь в виду под «судом»?

— Рождество. Это суд.

— Как с твоим отцом?

Я покачала головой и снова посмотрела на него, едва держа слезы под контролем.

— Я уже прошла один суд.

— Я не слежу за этим. — Он крепче сжал мои руки, словно давление каким-то образом заставит его понять. Но был только один способ показать ему, о чем я говорила. Я должна была.

Я развернулась всем телом, сев к нему спиной. Резкий вдох, когда он увидел мою спину и прикосновение пальцев к моей коже, заставили две слезы упасть — идеальные, прозрачные капли, потерявшиеся в черной ткани моего платья.

— Кто это с тобой сделал? — произнес Дилан сдавленным шепотом.

— Они все.

— Кэл? — Кончики его пальцев погладили каждую метку.

— Нет, но неважно, кто это сделал. Это они. Все они. Они все это делают. — Почему мне не хотелось говорить ему, что Вайнмонт нанес эти раны? Я могла бы сказать, могла бы произнести его имя, но я не сделала этого.

Я подняла глаза и поймала взгляд Люция, смотрящего на меня, его глаза горели, даже когда Брианна прогибалась под его прикосновением. Теперь она оседлала его, ее юбка задралась, руки зарылись в его волосы. Он взял в ладонь одну из ее грудей, другую руку положил на ее задницу, пока она целовала его шею. Несмотря на это, его прямой взгляд был направлен на меня, приковывая меня к месту. Мой разум скручивало от разговора с Диланом, даже если его пальцы все еще прослеживали по воспоминанию о пытках, написанных на моей коже.

Люций крепче сжал грудь Брианны, ее голова откинулась назад, когда он скрутил ее сосок. Я с трудом сглотнула, грудь начало покалывать. Он опустил платье Брианны и припал ртом к ее соску, его глаза ни на секунду не покидали мои. Ее стон прорезал гул вокруг, и мое сердце ускорилося. Когда он схватил ее за волосы и отдернул назад голову, чтобы она выгнулась перед ним, я выпустила сдерживаемый выдох.

— Стелла?

Заставила себя отвести взгляд от него, чтобы пообщаться с единственным человеком в этом проклятом месте, который, я знала, заботился обо мне.

— Они снова собираются сделать это на твоей спине на Рождество? — Лицо Дилана побледнело, цвет сошел с него, как вода из раковины.

— Нет.

Он вздохнул с облегчением.

— Слава Богу. Не думаю, что смогу вынести что-то подобное.

— Ты видел моего отца? — выпалила я. Меня не должно было заботить то, что с ним случилось, но, нахождение здесь Дилана вывело мои искаженные чувства к отцу на передний план. Были ли у Дилана новости о том, что мой отец по-настоящему болен?

— Он в порядке. Не болен или что-то в этом роде. Не волнуйся. Просто беспокоился о тебе. Именно он придумал это. По его словам, вытащить тебя способа нет. Но сказал, что, может быть, если Деверо смогут стать членами клуба, мы сможем помочь тебе. Ты все, о чем он говорит. Поверь, он хочет, чтобы ты выбралась отсюда. Он хочет, чтобы ты была в безопасности и вернулась к нему.

Слова Дилана были сказаны, дабы успокоить меня, но оказались ржавым клинком в живот. Мой отец предал не только меня, но теперь он предал Маргарет и Дилана. Войти в это царство не было легкой задачей, и, хотя я не знала наверняка, была уверена, что выйти из него тоже не так просто. Мой отец обрек Дилана, чтобы тот стал одним из монстров, которые сидели вокруг нас сейчас, одним из злодеев в красивой одежде с прекрасными манерами и страстью к крови.

— Не меняй тему, Стелла. Что случится на Рождество? — Он нахмурил лоб.

Как мне ему сказать?

— То, что случилось раньше... с моей спиной, — я покачала головой. — На Рождество будет хуже.

— Что может быть хуже? — Он притянул меня в объятье и провел ладонями по моим плечам. — Что может быть хуже этого?

Над нами нависла тень.

— Убери от нее руки. — Вайнмонт сердито посмотрел на Дилана, его руки были сжаты по бокам, ушибленные суставы белели.

— Отморозок. Ты сделал это с ней, не так ли? — Дилан встал, ярость уже превратилась в яркий оттенок малинового на его щеках.

Вайнмонт ухмыльнулся и изобразил на лице скуку.

— Ты не знаешь, о чем говоришь...

Дилан толкнул его, и Вайнмонт, споткнувшись, отошел на несколько шагов назад, прежде чем ухмыльнуться.

— Очень хотелось хорошей драки с тех пор, как вернулся с Кубы, — он оценил Дилана. — Жаль, что *хорошей* драке все-таки не бывать.

Вайнмонт был быстрым, его кулак врезался в челюсть Дилана за долю секунды. Но Дилан не упал. Он был сильным и мускулистым благодаря гребле и лакроссу. Он принял удар и бросился вперед, обхватив Вайнмонта за грудь и вжав его в мраморный пол. Другие гости, почувствовав кровь, прекратили свою болтовню и воззрились на шоу.

— Дилан, остановись. — Я встала и подошла к ним, но оба проигнорировали меня.

Вайнмонт рассмеялся, когда Дилан сжал его в ловушке своих коленей и начал бить по лицу. Вайнмонт не блокировался от него, просто принимал злобные удары, пока не подловил момент. Затем нацелил мощные кулаки на ребра Дилана. Дилан взвыл и упал в сторону, сжимая бок. Вайнмонт толкнул Дилана на спину и прижал его грудь коленом, прежде чем завел руку для удара.

— Нет. Пожалуйста, не надо. — Я схватила Вайнмонта за руку. Знала, что он может сделать, на что он способен. — Не надо.

Он повернулся ко мне, в его глазах плескался гнев и необузданность. Я отпустила его руку и погладила ладонью по его лицу, проводя большим пальцем по рассеченной губе. Его плоть горела под моим прикосновением, но глаза казались остывшими, и он слегка наклонился к моей ладони. Тогда я почувствовала это — единственное, что я хотела бы полностью искоренить с той ночи, когда он показал мне, насколько я была одинока. Связь, которая соединяла нас вместе, неумолимая связь, тянущаяся от его сердца к моему, ожила. Его тело напряглось, и он поднялся, когда Дилан сплюнул. Вайнмонт взял меня за руку и наклонился ко мне. Он был так близко. Все остановилось. Мои глаза невольно закрылись, и я хотела ощутить его губы в поцелуе, его кровь, самого его. Я просто хотела его.

— Дерьмо, Син. Если ты это не закончишь, это сделаю я.

Я открыла глаза, чтобы увидеть, как Люций нацелился ударить Дилана по ребрам.

— Стоп!

Слишком поздно. Дилан взвыл от боли, когда нога Люция врезалась в него. Я опустилась на колени и обняла Дилана, пока он свернулся в позу эмбриона. Я подняла свою свободную руку, пытаясь остановить Люция.

Люций поправил пиджак и улыбнулся.

— Урок дня, *Дилан*. Не еби мозг нам или нашей собственности.

— Она не собственность. — Дилан закашлялся и перекатился на спину.

Болтовня вокруг возобновилась, кратковременный кровавый спор забыт.

— Она моя, ты, мелкое дерьмо. Это все, что тебе нужно знать.

— Игнорируй его. Пойдем. — Я помогла Дилану сесть. — Ты в порядке? — Провела по его ребрам, и он поморщился. Они могли быть сломаны. — Ты можешь идти?

— Ду... думаю, да.

Люций переступил через ноги Дилана, чтобы встать рядом со мной и посмотрел на меня.

— Пойдем, Стелла.

Я посмотрела на него с яростью.

— Нет! Отвали, Люций.

Я взяла за руку Дилана, чтобы попытаться помочь ему встать на ноги, но жгучая боль в скальпе заставила меня закричать. Люций поднял меня с пола за волосы и навис над моим лицом.

— Ты делаешь, как я говорю, Стелла. Каждый. Ебанный. Раз. — Его глаза вспыхнули, а голос сочился злостью.

Я плюнула ему в лицо, злоба курсировала по мне, словно лава.

— Пошел ты.

— Хватит, — прорычал Вайнмонт и обнял меня за талию, уводя от Люция. Я впилась в него пальцами и попыталась вырвать руку. Его рот оказался у меня над ухом. — Прекрати устраивать сцену. Прекрати заставлять нас причинять тебе боль.

Я замерла у его груди, но с презрением посмотрела на Люция. Он вытащил свой платок и расправил его, прежде чем вытереть лицо. Улыбался, пока делал это, словно наслаждаясь одному ему известной шуткой.

Все превратилось в хаос. Больше крови, больше боли — меня омывало самыми жестокими эмоциями, и через несколько дней все станет лишь хуже.

Дилан попытался встать на ноги, резко и с трудом дыша. Я хотела подойти к нему, но не сделала этого. Сильные руки Вайнмонта приковали меня к месту.

Кэл и Маргарет появились из-за листьев за фонтаном, вежливо улыбаясь. Дилан разгладил пиджак и бросил на Люция темный взгляд, прежде чем обратиться к матери.

— И как тебе? — спросил он.

— Орхидея? Великолепна, — жеманно ответила Маргарет. — Заставила меня задуматься о том, чтобы сделать теплицу, когда поместье перестроят.

Кэл слегка поклонился и передал Маргарет Дилану, который улыбнулся, несмотря на то, что ребра болели с обеих сторон.

— Что я пропустил? — спросил Кэл.

Учитывая его прищуренный взгляд и даже более высокомерное поведение, я предположила, что Кэл никогда ничего не пропускал.

— Всего-то каплю агрессивного фиглярства. Ты знаешь, как это происходит, когда мальчики собираются вместе, — льстивые слова Вайнмонта скрыли рваные царапины и синяки, нанесенные всего лишь несколько минут назад.

— Знаю. Но мы всегда хотим относиться к нашим новым гостям с максимальным уважением. Мы очень рады, что они здесь, среди нас, — попрекающий тон Кэла был похоронен за слишком дружелюбной улыбкой, когда он похлопал Дилана по спине.

— Конечно. Рад быть здесь, — Дилан вернулся к своим обычным манерам, выученным в жизни в лучших школах, на роскошных ужинах, балах дебютантов и так далее. Он не ставился под удар перед Кэлом. Может, был умнее, чем я думала в прошлом.

Когда он пожал руку Кэла, я поняла, что что-то из того, что сказал Кэл, было правдой. Дилан был одним из них. Он родился и вырос, чтобы попасть прямо к этим людям. Сомнение поселилось в моем сердце. Маргарет, должно быть, сделала значительный взнос, чтобы попасть в эту игру. Дилан будет рисковать своей семьей и своим будущим, если попытается принять мою сторону во всем, что связано с Приобретением.

— Ну, это было весело, но Стелла превратится в крестьянку — я имею в виду тыкву — если мы не вернем ее домой в скором времени. — Люций слишком сильно хлопнул Дилана по спине, и от второго удара Дилан заскрежетал зубами.

Вайнмонт все время стоял у меня за спиной, его не смешанный ни с чем запах обволакивал меня, а его сердце билось напротив моего. Рука все еще оставалась на моей талии, так крепко удерживая меня у его тела. У меня возникло ощущение, что, если бы сейчас Кэл попросил меня посидеть с ним, Вайнмонт послал бы его в ад.

Когда Люций закончил с Диланом, то подошел ко мне. Я выпятила подбородок и встретила его взгляд. Я оказалась в ловушке между двумя Вайнмонтами: за спиной — загадка, перед глазами — открытое пособие по обману.

— Возьми меня за руку и выйди отсюда, Стелла, — голос Люция напоминал низкий, опасный рокот.

— Сделай это, — голос Вайнмонта прозвучал над ухом. Он переместил и отдернул руку, пальцы двинулись по моему животу и вызвали покалывание на коже. Я хотела остаться с ним. Хотела поверить, что, может быть, что-то изменилось, возможно, он почувствовал ту же связь, которой я не смогла избежать. Но он передал меня Люцию.

Дилан дал мне едва заметную улыбку, скрывающую послание «не вешай нос», которая попыталась согреть мое сердце, но тут же пропала. Он не знал, что уготовано на Рождество. А я знала.

Струнный квартет начал играть «Тихую ночь», когда я взяла за руку Люция и повернулась спиной к тому маленькому подобию укромного места, которое мне удалось найти впервые с тех пор, как все это началось.

Поездка на машине прошла в тишине. Я заняла переднее пассажирское сиденье, пока не разразилась еще одна идиотская ссора. Люк улыбнулся, открыв для меня дверь, возможно, осознав, что я собиралась сделать.

Как только мы остановились у дома, я выскочила из машины и поднялась по ступенькам, туфли остались в машине. Фарнс открыл входную дверь, и я пронеслась мимо него, ища укрытие в своей комнате. Я должна была подумать о произошедшем, чтобы разобраться, что может означать присутствие Дилана. И, прежде всего, мне нужно было поговорить с одним человеком, который мог бы пролить больше света — Рене.

Хоть я и не слышала шагов позади, закрыла дверь и прислонилась к ней, прислушиваясь. Чувство было такое, словно грязь вечеринки покрывала всю меня, отпечатки пальцев Кэла впились в мою кожу и оскверняли меня так же, как и все, к чему он прикоснулся. Я сняла платье, не заботясь о том, что оно осталось кучей на полу вместе с трусиками и драгоценностями.

Включила горячий душ и встала под парящими струями, макияж стекал по лицу, волосы обмякли. Я просто хотела очиститься, смыть любой след Кэла, или Рэда, или кого-либо еще на моей коже. Я вытащила шпильки из волос и вымыла их. Затем намылилась, терла себя, пока кожа не начала гореть, обмылась и вышла.

Потянулась за полотенцем, но на столешнице его не оказалось. Движение позади меня заставило обернуться. Это был Вайнмонт с

полотенцем в руках. Он накинул его на мои плечи и стянул концы у меня на груди. На нем все еще были брюки от смокинга, но пиджак исчез, а рубашка была наполовину расстегнута, как будто он раздевался, но на половине процесса сменил курс и пошел ко мне. Его глаза были полуприкрыты, похоть и жар исходили от него, словно пламя.

Мое тело начало покалывать, ожидание и страх стягивали кожу.

— Ты подглядывал за мной?

— Да, — голос прозвучал низким хрипом. Он был неподвижен, но челюсть была напряжена, а сухожилия на шее сильно выпирали.

Сдвинула полотенце под руки и засунула один конец под другой на груди.

— Если ты закончил со своим подглядыванием, я бы хотела одеться и поспать.

Прошла мимо него, хотя он занимал большую часть пространства. Комната, моя голова и мое сердце все еще были наполнены им.

— Дилан не сможет тебя спасти, — его слова были холодными, намного холоднее, чем жар в его глазах.

— Я не жду, что кто-нибудь меня спасет. Я сама собираюсь себя спасти. — Я заставила себя медленно подойти к комоду, даже не глядя, как приближается Вайнмонт. Схватила пару трусиков и натянула их, не снимая полотенце. Затем выбрала майку и надела, опустив полотенце, когда все было на месте. Повернулась к нему, уперев руки в бедра. Он стоял так близко, подкрался сзади, пока я одевалась.

— Чего ты хочешь?

— Ты думаешь, меня это остановит? — Он ущипнул за край моей майки и провел по нему пальцами.

— В одну минуту я красивая, а в следующую — что, уже мне угрожаешь?

— Это не угроза. Просто говорю тебе. — Он уставился на меня, когда сжал материал моей майки и потянул на себя. — Дилан тебя не спасет. Ты не сможешь выбраться из этого. И я никогда не отпущу тебя. Понимаешь?

— Понимаю что? Что ты хочешь меня? Что у тебя появились чувства ко мне, но ты также с радостью позволишь всем своим друзьям изнасиловать меня, чтобы ты мог выиграть какую-то игру? Да, понимаю. А теперь убирайся нахер отсюда. — Его кулак сжимался, пока я говорила, притягивая меня ближе к нему.

Без каблучков мне пришлось закинуть голову, чтобы увидеть его,

посмотреть в темные озера его глаз.

— Я сделаю все, чтобы победить, чтобы убедиться в победе Люция, чтобы обойти других. Все, Стелла. Даже если это означает, что каждому чертовому мужчине в Луизиане придется изнасиловать тебя хоть сто раз. И неважно, насколько мне от этого мерзко. Да.

Я должна была предвидеть, должна была знать, что ничего из того, что я думала о нем, не являлось настоящим. Тот, у кого были бы чувства ко мне, не смог бы сказать подобное. Мои глаза наполнились слезами. Я должна была привыкнуть к боли. За последние недели я пережила так много, но его слова ударили по самому моему центру, как осколок льда, прорезавший мою душу.

— Убирайся. — Я уставилась в пол, не желая, чтобы он видел мои слезы, когда они упали.

— Если Дилан свяжется с тобой, я узнаю. — Он схватил меня за волосы и поднял мое лицо к своему. Слезы скользнули по вискам, когда он заговорил суровым шепотом. — Не пытайся ничего предпринять. Если я узнаю, что ты говорила или даже попыталась заговорить с ним, можешь попрощаться с этой комнатой, и этими приятными вещами. — Он сильно дернул мою майку, швы затрещали под моими руками. — С этой одеждой. Со всем. Я оставлю тебя голой и связанной в конюшне, оставлю лишь попону для тепла. Видишь, Стелла? Вот это была угроза. И я намереваюсь воплотить ее в реальность, если ты хотя бы задумаешься о попытке набить нас в этом Приобретении. Я ясно выразился?

Я с трудом сглотнула, горло от слез сжало спазмом, пока сердце охватывал ужас. Вайнмонт встряхнул меня, мои руки взметнулись, прежде чем я вцепилась в его рубашку. Мой уже покалеченный разум взорвался волнами отчаяния. Мне нужно было убраться от него подальше.

— Я спросил, понимаешь ли ты меня, Стелла. — Его интенсивный взгляд давил на меня сильнее, чем его руки. — Понимаешь?

— Да.

Он толкнул меня обратно к комоду.

— Рад, что мы поболтали. — Он развернулся и вышел, хлопнув за собой дверь.

Я опустилась на колени, рыдания не поддавались контролю. Мне показалось, что он что-то придумал. Думала, что хочу, чтобы Вайнмонт вернулся, чтобы поставил меня выше желания стать Сувереном. Я ошиблась. Так ошиблась. Я всхлипывала, пока не смогла дышать, пока мне не показалось, что меня вырвет. Я плакала, казалось, часами. Так много вылилось из меня на коврик подо мной.

Где Рене? Она должна была прийти. Должна была узнать, что я

здесь. Я легла на бок и обхватывала себя руками, пока не упала последняя слеза, и я замолчала. Все внутри меня было повреждено и сломлено. Вайнмонт взял то, что от меня осталось, и разбил это оземь.

Но я была тем, кто дал ему возможность, кто позволил ему войти. Я позволила ему причинить себе боль, глупо надеясь, что смогу изменить его. Я была той, кто изменился, кто позволил себе поверить человеку, единственным желанием которого было использовать меня всеми возможными способами, прежде чем отбросить меня в сторону. Когда я научусь?

Я поднялась и залезла в кровать, мягкий звук потолочного вентилятора — единственное, что конкурировало со слабыми ударами моего сердца. Мысли метнулись к спрятанному ножу, прежде чем я задвинула их в коробку и заперла ее на ключ.

Это была отдача, и я заставила себя поверить в это. Хорошо. Теперь я могла соблазнить Люция и натравить его на Вайнмонта, не думая дважды. Я утонула в своих выглаженных льняных простынях и заставила себя дышать, чтобы успокоиться, заставила себя закрыть глаза и отказаться от всякой надежды растопить холодное сердце Вайнмонта.

Глава 11

Синклер

Я шагнул по кабинету, опрокинув бурбон в горло, прежде чем налить второй стакан. Время близилось к рассвету. Я пробыл здесь пару часов, настраиваясь на то, что нужно было сделать дальше. В груди ощущалась тупая боль, и я задавался вопросом, исчезнет ли она когда-нибудь. Но это было необходимо. Все это.

Мне стоило зайти дальше со Стеллой, но я не смог. Боли в ее глазах было достаточно. Страх тем более. Я хотел, чтобы она боялась. Он был единственным, что я мог использовать, дабы удержать ее теперь, когда она знала о своем отце. Так много зависело от нее, от ее поведения, от того, как я, а теперь и Люций, обращался с ней. Все превратилось в искусный танец, предназначенный для развлечения Суверена. Сегодня вечером я почувствовал в нем каплю снисхождения. И после моего разговора с Рэдом я понял, что все оказалось еще более опасными, чем я полагал.

Мне нужно было сказать Люцию. Пора. После его представления на вечеринке Кэла ему нужно было знать настоящие ставки, настоящее наказание. И наша хватка на Стелле ослабевала теперь, когда Дилан, возможно, вошел в игру. Могу ли я доверить Люцию нести немалое бремя истины на себе?

Налил еще один стакан и покинул кабинет, когда первые лучи солнца упали на пожухлую траву и выглянули сквозь голые деревья. Мои ноги казались тяжелыми на лестнице, каждый шаг казался болезненным во многих отношениях. Стелла хорошо позаботилась о моей ноге, но наш врач очистил рану и заново зашил ее вчера. Она все еще адски горела. Усталость омрачала мир перед глазами. Я лишь надеялся, что она не коснется моего решения.

Прошел мимо моей спальни к комнате Люция. Не хотелось ничего, кроме как упасть в постель и уснуть мертвым сном. Нет, неправда. Единственное, чего мне хотелось больше, это отправиться в другое крыло дома и залезть в постель к Стелле, притянуть ее ближе и уснуть, пока ее голова будет покоиться над моим сердцем. Но для этого потребуется ее доверие и нечто большее — ее любовь. Я почти рассмеялся, грудь сотряслась от сдерживаемого смеха.

Я слышал ее рыдания, стоял у двери и слушал последствия своих же действий. Она больше никогда меня не впустит ни в постель, и определенно ни в сердце. Для нее так будет лучше. Я должен был уничтожить ее иначе пришлось бы наблюдать, как это делает мой брат. Желание владеть ею, чувствовать, что она переплетается с моей душой, не имеет ничего общего с

Приобретением. И не могло. Я не позволил чувствам вмешаться.

Я взял стакан в руку и открыл дверь в спальню Люция. В его комнате царил сумрак, занавески были задернуты так, что сквозь них пробивалась лишь полоска яркого утреннего света.

— Что? — Оранжевый круг вспыхнул в темноте, а затем погас.

— Мама убила бы тебя, если бы узнала, что ты куришь в доме.
— Клубы дыма вились в воздухе по всей комнате, скручиваясь вовнутрь, прежде чем развеяться.

— Хорошо, что она не знает. Чего ты хочешь?

— Нам нужно поговорить. — Я закрыл за собой дверь, после сел у изножья его кровати и протянул второй стакан.

— Твой хороший бурбон? — Он взял его и вынул сигарету. — Дерьмо в действительности стало реальным, или что?

— Оно стало реальным уже очень давно. Как только меня избрали для Приобретения в этом году.

— Ты, наконец, собираешься поведать мне о правилах? — Он уселся выше на подушку и отпил из стакана.

— Да. — Я вздохнул и осушил свой, желая, чтобы алкоголь убил жжение, которое рикошетило внутри меня и снаружи.

— Как, мать твою, вовремя. Проклятье. Ударь меня. Я готов, истеричка.

— Их всего семь. — *Семь правил, чтобы видеть. Семь правил, чтобы мук придать. Семь правил, чтобы выжить. Семь правил, чтобы жизнь отнять.* Голос мамы, когда я сказал ей, что нас выбрали в этом году, до сих пор звучит у меня в голове. Я довольно давно знал, что мама из моих самых ранних воспоминаний исчезла. Но я не знал, как далеко это зашло, пока не услышал ее скрипучую песню, исполненную с весельем в голосе.

— Семь правил? Я весь во внимании. — Люций наклонился вперед, полоска утреннего света упала на его лицо.

— Начнем с первого и самого важного правила. — Мне было интересно, отяжелеет ли бремя после того, как я расскажу ему, или я внезапно почувствую легкость и свободу. Во втором были сомнения.

— Что это? — Брат допил свой напиток.

Я встретил его взгляд, зная, что собираюсь нанести удар под дых сильнее, чем когда-либо кулаками. Это убьет его так же, как убивает меня, но с этим ничего не поделаешь. Уже нет.

Глава 12

Стелла

Наступило утро, а Рене так и не появилась. Затем был еще один рассвет, и еще один. Я не видела ни Вайнмонта, ни Люция в следующие после вечеринки дни. Фарнс постоянно извинялся, но не давал мне никакой информации о том, что стало с Рене. Лаура взяла на себя ее обязанности по моей комнате. Она говорила даже меньше, чем прежде.

Казалось, дом просто захлопнулся вокруг, избегая меня и превращая в аутсайдера. Ни информации, ни другого взаимодействия. Только я, сидящая здесь в ожидании Рождественского суда. Прошло четыре дня, а от моего друга по-прежнему ни знака. Единственный человек, с которым я разговаривала, кроме Фарнса и Лауры, был Тедди.

— Хочешь прокатиться сегодня?

Я посмотрела в окно позади него, пока мы завтракали.

— Будет дождь? Или буря? Или град? Или *молния*?

Он усмехнулся и проверил свой телефон.

— Нет, только солнечно и холодно. Будет весело. Я спасу тебя от любой опасности, обещаю.

— Ну разве ты не само благородство? — Я улыбнулась и откусила от французского тоста. Корица и сахар заиграли на моем языке до такой степени, что мне захотелось застонать.

— К вашим услугам, миледи, — ответил Тедди. — Я собирался прокатиться. Подышать воздухом и просто проехаться, тем более, что Син и Люций отсутствуют, и запретить некому.

— Где они? Ты знаешь? — Я уже пыталась выпытать у него о Рене, но безрезультатно. Можно так же попробовать свои шансы и посмотреть, не проговорится ли он о своих братьев.

— На Кубе добавилось проблем. Люций улетел пару дней назад. — Тедди прикончил свой апельсиновый сок. — А куда уехал Син, я не знаю. Он разговаривал вчера с Люцием и какими-то инвесторами по конференц-связи, но потом снова исчез. Может, вернулся в город. Не знаю точно. Это он присматривает за мной, а не наоборот, — парень пожал плечами, натянув пуговицы на клетчатой фланелевой рубашке.

— Люций вернется к пятнице? — В этот день должен будет начаться Суд. Если Люций не вернется, значит, мне не нужно будет идти? Но я ни секунды не смела на это надеяться,.

— Я не знаю. А что случится в пятницу? — Он откинулся назад и положил салфетку на стол, прежде чем погладить живот, словно тот был полон. Даже судя по рубашке я могла сказать, что его мышцы были такими же, как и у его братьев.

— Ничего. Нет абсолютной уверенности. — Стелла, живущая в этом доме, одевавшаяся в мою одежду и отзывавшаяся на мое имя, была лгуньей. Я задавалась вопросом, останется ли это тем, от чего я никогда не смогу избавиться, как и от многих других темных подарков, полученных за проведенное здесь время.

— Стелла? — Он положил свою теплую ладонь поверх моей. — Что такое?

Я заставила себя улыбнуться.

— Давай прокатимся. Думаю, это хорошенько прочистит мне мозги.

— Отлично. Вот и не говори. Точно, как и все остальные здесь никогда ничего мне не говорят.

Он закатил глаза.

— Хорошо. Мне нужно переодеться. Да и тебе. Есть кожа? — Тедди встал.

— Кожа?

Он усмехнулся.

— Да, для езды.

— Мне нужна кожа, чтобы покататься на коне?

Он оглянулся и направился к гаражу.

— В зависимости от того, о каком коне мы говорим.

Я поняла его смысл и скрестила руки на груди.

— Я не езжу на мотоциклах.

— Сегодня едешь, — он схватил меня за руку и подтянул. — Поживи немного. Поехали.

Возможно, парень был прав. Не то, чтобы я многое теряла. Уже нет. Я схватила свой кофе и допила его, прежде чем со стуком поставить чашку на стол.

— Хорошо, значит, ад на колесах. Давай сделаем это.

Мы поднялись наверх, и я осмотрела свою гардеробную. Вообще-то, Рене купила мне коричневую кожаную куртку. Я стащила

ее с вешалки и глубоко вдохнула, от нее шел восхитительный и резкий запах. Я надела джинсы, носки и сапоги. Затем майку, свитер и куртку вместе с перчатками. Затянув волосы в низкий, неряшливый хвост и надев солнцезащитные очки, найденные в глубине шкафа, я почувствовала себя почти плохой девчонкой, готовой прокатиться на мотоцикле.

Тедди распахнул мою дверь и вошел, его шаги в тяжелых ботинках гулко отдавались в комнате.

— Стучать не учили? — Я вышла из гардеробной.

— Я дал тебе достаточно времени, чтобы ты не осталась голой. И, как ты уже говорила, я благородный. Я бы не подсматривал и тому подобное. — Он поиграл бровями. — Хорошо, я перефразирую. Я бы не фотографировал, но определенно посмотрел бы.

— Извращенец. — Я показала ему средний палец и прошла мимо. — Ко встрече с Создателем готова. Поехали.

Мы громко спустились вниз по лестнице и быстро дошли до гаража. Я заглядывала сюда несколько раз, но никогда не заходила внутрь. Машины и байки заполняли каждый кусочек свободного места. Я понятия не имела, на что на самом деле смотрю, особенно учитывая, что на большинстве автомобилей были эмблемы, которые я даже не узнавала.

Тедди шагнул в зад ряда сверкающих байков. Он выбрал один в конце, черный металл которого сверкал под светильниками гаража.

— Этот мой. Я назвал ее Черная Вдова.

— Не очень обнадеживающее имя для мотоцикла. — Я провела пальцами по гладкому кожаному сидению. Хром был натерт до первоклассного блеска, а байк был низким и лакированным. Если он был наполовину таким быстрым, как казался, я сорву голос от крика еще даже до того, как мы покинем территорию собственности.

— Он тебе понравится. Вот. — Тедди настроил что-то внутри черного шлема и вручил его мне. Я сняла солнцезащитные очки, надела шлем, а затем очки.

Парень надел шлем, и его голос затрещал у меня в ухе.

— В этом имеется Bluetooth, поэтому мы можем разговаривать на ходу. А также слушать музыку. — Он постучал по экрану своего телефона, с которого полился глубокий бас в аккомпанементе гитары. — У меня уже есть несколько набранных мелодий.

— Рожденный, чтобы быть диким. — Невозможно было не улыбнуться.

Тедди вывел байк в переднюю часть гаража и перекинул через него ногу. Я последовала за ним и забралась следом.

— Держись за меня. Я не против. — Музыка утихала, когда звучал его отчетливый голос.

— Да, уверена, что так и есть. — Я несмело обняла парня руками, когда он завел байк. Грохот сотряс меня во всех правильных местах, от чего мои бедра напряглись на сиденье.

— Райский звук, согласна? Ты готова?

Я опустила подбородок на его плечо, наши шлемы соприкоснулись.

— Готова.

Он запустил двигатель, и мы поехали, выстрелив по дороге, промчавшись мимо дома, под деревьями и навстречу дневному свету, который просачивался сквозь воздушные облака.

Ветер потоком захлестнул нас, когда Тедди набрал скорость, шины пожирали расстояние до ворот. К тому времени, когда мы достигли их, они уже открылись. У него, должно быть, имелся дистанционный ключ где-то на байке. Он свернул направо, к городу и прочь от межштатной трассы.

Я крепче прижималась к нему на кривых изгибах дороги, вжималась грудью в его спину, когда мы мчались мимо пустынной местности. Поля были серыми, урожай уже давно собран. Его музыка сменилась с хард-рока на какую-то электроденс. Мы продолжали ехать, пока трасса не разветвилась в несколько дорог, и трафик немного уплотнился, так как район стал более населенным. Я не знала, как долго мы будем кататься, но мне было все равно. Хотелось летать вместе с ним, чтобы просто недолго пожить и не беспокоиться о Суде.

— Готова проехать немного быстрее?

— Быстрее, чем было? — спросила я, когда мимо просвистела сельская местность.

— Намного быстрее. Впереди прямая дорога. Держи свои сиськи, Стелла.

Я рассмеялась, но рев двигателя заглушил смех, когда Тедди придал скорости байку, и мы помчались вперед, оставив позади пару автомобилей, пока не добрались до прямой дороги. Перед нами поднималась трасса, и когда Тедди наклонился вперед, я прижалась к его спине. Мы мчались так быстро, что были ни чем иным, как смазанным пятном скорости и звука, встречные автомобили оставались позади лишь кратковременным сигналом. Мое сердце колотилось, чистый адреналин прокачивался по моим венам.

— Уооооу! — Голос Тедди проорал у меня в ухе. Нет, голоса принадлежали нам обоим. Мы оба выпустили восторг и впитали опасность, жизнь и реальность момента.

Его сердце колотилось под моей ладонью, соответствуя хаотичному биению моего собственного. Вот та свобода, к которой я стремилась, красивый побег, хоть и мимолетный.

Мы ехали еще немного, прежде чем он отпустил ускоритель, и байк успокоился, хотя наши сердца все еще колотились.

Тедди потянулся и сжал мое колено.

— Гребаная пятерочка, да?

— Даже я лучше не сказала бы.

Мы ворвались в город, знакомые улицы уже не несли для меня того же обаяния, что и прежде. Мы проехали по городской площади. Миновали здание суда, в котором проводили заседание по делу моего отца, и тюрьму, куда его увезли после ареста. Темные воспоминания сминали восторг, что я испытывала несколько минут назад.

— Мы можем уехать отсюда? — спросила я.

— Конечно. Как скажешь. — Он поворачивал туда, куда я направляла, и я дала ему еще несколько инструкций, прежде чем мы выехали к моей старой улице.

— Вниз к концу. — К дому моего отца. У меня не было причин делать это, пытаться себя таким образом, но я должна была увидеть.

Мы свернули, и я ахнула. Крыша дома отсутствовала, верхняя часть окон почернела, а крыльцо развалилось.

— Что это? — Тедди вырубил музыку. — Что не так?

— Это дом моего отца. — Беспокойство скрутило внутренности.

Тедди въехал на подъездную дорожку и остановился, выключив двигатель и выставив на мотоцикле подножку. Помог мне слезть, и я прошла к своему дому, или тому, что от него осталось. Сняла шлем и сунула его под руку.

— Что случилось? — Тедди встал рядом со мной и откинул голову назад, чтобы увидеть обугленные кончики того, что осталось от угловых навесов крыши.

— Не знаю. Я понятия не имела... — Все, что я могла, это потрясенно пялиться от шока перед тем, что эта часть моего прошлого была стерта. Все мои картины, воспоминания, которые я должна была хранить о моей матери — все пропало.

Тедди снял перчатку и подошел к ближайшему окну, чтобы надавить пальцами на дерево.

— Не мокрое, и внутри тоже выглядит сухим. Это должно было произойти некоторое время назад.

— Почему никто мне не сказал?

— Потому что тебе не нужно было знать. — Рука Вайнмонта хлопнула мне по плечу, и я подпрыгнула.

Тедди повернулся.

— Син...

Вайнмонт отрезал его:

— Представь мое удивление, когда я еду домой после ночи в офисе, и вижу, как мимо меня на безумной скорости проносится байк. Кто бы это мог быть? — Он сжал мое плечо, поэтому я не могла повернуться к нему лицом. — Мне стало интересно, кто оказался достаточно безрассудным, чтобы ездить на такой крышесносной скорости, и кто оказался настолько глуп, чтобы сесть за его спину, а тем более кто, по моим данным, владеет таким быстрым байком?

Я схватила его пальцы и отцепила два из них, прежде чем броситься вперед и крутануться.

— Держи свои гребаные руки подальше от меня, Вайнмонт.

На нем была темно-синяя рубашка с открытым горлом и черные брюки. Солнце поливало светом его волосы, превращая черный цвет в темный шоколад. У него была легкая щетина на щеках, грубых и мужских. В его глазах я увидела кипящий гнев.

— Слушай, Син. Прости. Это была моя идея. Не ее. — Тедди подошел ко мне. — Тебе не нужно, ну, наказывать ее и тому подобное.

— Я не обязан продолжать этот разговор в то время, как минимум двое соседей подглядывают сквозь занавески. — Он понизил голос, но каждое слово было окрашено гневом. — Но мы все равно здесь. Одна большая счастливая гребаная семья.

— Син, обратно мы вернемся на дозволенной скорости, хорошо? — Тедди схватил мой шлем и поднял его над моей головой.

Прежде чем он смог надеть его, Вайнмонт сказал:

— Оставь. Она поедет со мной. Ты едешь впереди меня всю дорогу, и *мы* едем на дозволенной скорости. Понял?

— Я не ребенок, Син. Мне не нужно делать то, что ты сказал. — Тедди вернул мне шлем и вцепился в плечи.

— У меня имеются способы держать тебя в узде. Не заставляй меня использовать их.

— Что, перестанешь финансировать меня? — Тедди раскинул руки в стороны и повысил голос. — Заставишь меня платить за колледж? Что ты сделаешь?

— Нет. Ничего из этого. Но помнишь, когда ты впервые встретил Стеллу?

Тедди переступил с ноги на ногу.

— Да.

— Я могу заставить ее сделать намного больше, чем просто постоять голой. И заставлю тебя смотреть на все это. Ты этого хочешь? Тебе бы это понравилось? И еще одно, если этого недостаточно, чтобы привлечь твое внимание. Лаура. Я могу убедиться, что ты больше никогда ее не увидишь.

Тедди швырнул шлемом оземь.

— Черт возьми, Син! Почему ты такой? Что случилось с тобой прежним, который существовал до Приобретения? Ты же помогал мне с домашним заданием, пока мама была под сильнодействующими таблетками или в отключке, абсолютно не замечая меня? Ты же сам побудил меня пойти в медицинскую школу? Ты научил меня кататься на гребаном байке? — Он указал на Черную Вдову. — Что с тобой стало?

Вайнмонт оставался совершенно невозмутимым. Его спокойное поведение перед такой сердечной мольбой послало холод по моему позвоночнику. Почему я вообще думала, что он мог и не быть монстром?

— То же, что станет с тобой. Прямоком домой, впереди меня и на разумной скорости. А теперь заткнись к хренам собачьим, подними свой шлем и сядь на байк. Стелла, садись в проклятую машину. — Он повернулся на каблуках и прошел по запущенному газону к машине.

— Просто иди. — Тедди потерпел поражение, раздавленный элегантным ботинком Вайнмонта. Прямо как я. — С ним таким нет смысла разговаривать. Увидимся дома.

— Мне жаль, Тедди.

— Это не твоя вина. — Он посмотрел на брата, но затем выражение его лица смягчилось. — Если я скажу тебе, что он не такой, не на самом деле, ты мне поверишь?

Не хотелось сообщать ему плохие новости — я уже знала, что это настоящий Вайнмонт.

— Езжай осторожно. — Я слабо улыбнулась ему, прежде чем пойти к черному седану. Швырнула шлем на заднее сидение и утонула в пассажирском сидении, прежде чем захлопнуть дверь.

— Это сделал ты? — спросила я, когда Вайнмонт съехал с обочины.

— Сделал что? — он вздохнул и подождал, пока Тедди выедет

вперед.

— Сжег мой дом.

Вайнмонт рассмеялся, звук заполнил салон автомобиля и заставил меня вздрогнуть.

— Ты все еще считаешь, что преступления твоего отца моих рук дело?

— Что? — Я оглянулась на разрушенный дом, в котором осталось множество моих воспоминаний, как хороших, так и плохих. — Хочешь сказать, это сделал мой отец?

— О, посмотрите-ка, кто наконец что-то понял. Молодчина, Стелла, действительно. Заплодировал бы, но, как видишь, я за рулем. — Его усмешка заставила меня отвести взгляд, смотреть на что угодно, только не на него. — Ты мне не веришь?

— Я этого не говорила. — После того, что мой отец сделал со мной, я бы и ему не поверила.

— Деньги, Стелла. Страховка, если быть точным. Он сжег все. Получил выплату за этот дом, точно так же, как получил деньги за тебя.

Он проехал по площади и вернулся на трассу, ведущее обратно в мою тюрьму. Мое дыхание стало поверхностным от мыслей обо всем, что случилось со мной в оставшемся позади обгоревшем каркасе. Как, покидая дом в последний раз, думала, что для этого у меня есть правильные причины. Предательства, наслоившись друг на друга, начали душить меня, словно земля, насыпанная на мою могилу, и я не могла набрать достаточно воздуха. Металл и стекло захлопнулись вокруг меня, и я закрыла глаза, пытаюсь бороться с нарастающей паникой.

— Стелла? — Голос Вайнмонта прозвучал так, словно мы говорили на разных концах железной трубы.

Я глотнула больше воздуха, пытаюсь остаться в живых, дышать. Мне всего лишь нужно продержаться до следующего момента, а потом до следующего и следующего, пока они не упадут, как длинная цепочка домино, и в конце была свобода, *моя* свобода. Но мои мысли потускнели, а я все еще не могла набрать достаточное количество воздуха.

— Стелла!

Машина остановилась, руки оказались на моих плечах, вытаскивая меня на холодный зимний ветер.

— Дыши, Стелла. Медленно. Медленно.

Я открыла глаза и посмотрела в лицо Вайнмонта. Отшатнулась назад, отстраняясь от него, даже когда что-то во мне отреагировало

на беспокойство в его глазах. Я покачала головой. Он беспокоился лишь о том, что я не смогу выиграть для него. Он надругается надо мной. Все они надругаются. Я не могла дышать. Не могла видеть. Я споткнулась и натолкнулась на пассажирскую дверь, когда он двинулся ко мне.

— Нет, — прохрипела я.

— Стелла, пожалуйста. — Его голос так отличался от того, что я слышала всего лишь несколько мгновений назад, он был пропитан той же болью, которая выжигала мои легкие, мой разум.

Вайнмонт сделал еще один шаг. Я, наконец, вдохнула и использовала силы, чтобы закричать. Я кричала и кричала, звук вырывался из моего горла и пронзал воздух. Мое отчаяние передавало каждый ужас, каждое нежелательное прикосновения, каждый болезненный удар кнутом и каждую безотрадную мысль. Я не могла дышать, не могла освободиться, но я могла кричать. И я кричала, пока не наступила боль. Вайнмонт поймал меня в объятия и прижал к груди, когда мои легкие сдались, последний визг умер на ветру, пока Синклер держал меня.

Никто не слышал. Только пустынные поля, сухие чучела и Вайнмонт.

Глава 13

Стелла

Уснуть не получилось. В последний раз я спала полноценно, когда Вайнмонт привез меня домой после срыва на обочине дороги. Ту ночь я проспала лишь благодаря дозе успокоительного от семейного врача. Меня не волновало то, что меня усыпили. Я была опустошена. Все мое естество дало волю крику на холодном ветру, пока меня удерживал мой палач.

Но суд никто не отменял. Вчера вечером Люций вернулся с Кубы. Я знала об этом. Для меня не было спасения. Надо мной могли надругаться, скорее всего, множество раз, и это начнется сегодня. Солнце встало час назад, его лучи упали на стеганные одеяла, каждое из которых рассказывало историю, которую я не хотела слышать.

Рене так и не появилась. Ее отсутствие добавилось в длинный список разочарований, уже накопившихся в моем сердце. Я несколько раз останавливалась у ее комнаты, но не видела ее. Постель всегда была аккуратно застелена. Я посмотрела на лестницу на третий этаж и даже сделала несколько шагов, прежде чем Лаура поспешила ко мне и покачала головой с предупреждением во взгляде. После этого вопросов о Рене я не задавала.

Стук в мою дверь заставил меня повернуть голову.

— Да? — мой голос прозвучал хрипло.

— Пора. — Люций не вошел, а бросил приказ из-за двери, оставшись вне поля зрения.

— Иду.

— Внизу через час. Оденься тепло и выбери удобную обувь.

Прежде чем мне удалось ответить колкостью, его шаги уже удалялись по коридору. *Оденься тепло.*

Я встала, приняла душ, не торопясь и стараясь почувствовать каждую горячую каплю. Проигнорировала бледность лица в зеркале и дрожь в руках, когда причесывала волосы. Одеваясь, как было

сказано, выбрала темно-зеленый свитер, черный короткий пуховик, джинсы и сапоги. Не могла избавиться от чувства, что одеваюсь на собственные похороны. За макияж не переживала. Опустилась на колени рядом со своей тумбочкой и достала нож. Твердый металл придал странное чувство комфорта и послужил более нужной цели — защите. Я снова и снова вертела лезвие в руках, прежде чем обернула тесьму вокруг него и сунула в сапог.

Люций и Вайнмонт находились внизу в комнате для завтраков. Младший из братьев был одет в теплый черный свитер и джинсы, а второй — в свой обычный наряд. Ни один из них не посмотрел на меня.

Я села и принялась ковыряться в еде. Если бы положила в рот хотя бы кусочек, он точно полез бы обратно. Люций тоже не выглядел сильно голодным, а Вайнмонт только пил кофе.

Я прекратила даже попытки изображать заинтересованность, отложив вилку и откинувшись на спинку стула.

— Ненавижу ожидание. Поехали.

Люций кивнул в знак согласия и встал. Вайнмонт проигнорировал его, глядя прямо перед собой, словно наблюдал за призраком, видимым только ему. Я встала и последовала за Люцием из столовой по коридору. В фойе он повернулся, его лицо стало более торжественным, чем я когда-либо видела. В нем не прослеживалось даже намек на развлечение или остроумие. Только сосредоточенность.

Серьезность среднего из братьев Вайнмонт пугала больше всего на свете. Мне не удавалось контролировать бьющую мое тело дрожь.

Он схватил мои ладони и поднес их к груди.

— Ты можешь сделать это. Нам вместе это под силу, хорошо? Помнишь, что я сказал тебе на Кубе? Все сказанное остается в силе. Тебе просто нужно пройти через этот суд.

Мой взгляд был устремлен на мужчину передо мной.

— А затем еще через один, и еще? Что с последними двумя, Люций? Собираешься содрать кожу с моего тела? Шрамировать меня до неузнаваемости? Что?

— По одному за раз. И нет. Ничего подобного. Этот...

— Самый худший? — закончила я за него.

— Думаю, да. Но я не знаю, что Кэл планирует для двух оставшихся. — Он схватил меня за шею и притянул к себе, прежде чем поцеловать в макушку. — Доверься мне. Мы справимся. Мы пройдем через все.

Мне хотелось воодушевиться, принять его слова как своего рода утешение. Но они были пусты. Прохождение этого испытания было моим бременем, а не его. Меня распнут вместе с двумя другими Приобретениями, а Люций бросит кости к моим ногам.

Я закрыла глаза и вспомнила своего отца. Таким, каким он был до ареста, до суда, до любого проклятого контракта. Как держал меня, когда я плакала о маме по ночам столько раз, что не сосчитать. Тем, кто спас меня от попытки стереть с лица земли саму себя. Тем, кто все еще жил в моем сердце, даже если я чувствовала боль от его обмана. Мне нужен был мой любящий папа, дающий смелость сделать то, что я должна была сделать, даже если бы он был лишь призраком, преследующим меня в воспоминаниях.

Фарнс выкатил пару чемоданов в фойе, отрывая меня от мыслей. Я последовала за дворецким на крыльцо.

— Надеюсь, ваша поездка не затянется. — Мужчина улыбнулся мне, не имея понятия о грядущем. Знай он, никогда бы так не улыбался.

Я обняла его. Просто инстинктивно. Он удивился и обнял меня в ответ.

— Спасибо, Фарнс. Мне просто нужно... — Я отступила от него. — Просто спасибо.

— В любое время, мисс. — Румянец залил его тонкую как бумага кожу на щеках.

— Стелла? — Вайнмонт появился, когда Люций передал сумки водителю Люку. — Можно на пару слов? — Прочитать его не получалось: попытка задать вопрос или напугать — все казалось одинаково бесполезно.

Фарнс прошел мимо него в дом.

— Что? — Я не сделала к нему ни шагу. И не подумала бы.

Вайнмонт вышел ко мне, солнце подчеркнуло его усталые глаза

и впалые щеки. Он выглядел так, будто не спал и не ел несколько дней. Когда засунул руки в карманы, мышцы на его предплечьях напряглись, заставив татуировки лозы извиваться.

— Просто хотел сказать, не то, чтобы это имело значение, да и не поможет это... — Он вздохнул, будто с трудом хватался за свои мысли, пока они разбегались перед ним. — Я бы с удовольствием занял твое место, если бы мог. Но это невозможно. И мне нужно, чтобы ты прошла через это. Нужно...

— Что? — снова спросила я. Он уже отнял так много и теперь просил большего. Та связь между нами, что казалась мне такой сильной, теперь напоминала засохшую мертвую лозу. Вайнмонт не смел просить меня о большем. Но мне все равно нужно было знать.

— Стелла, — позвал Люций, но ему хватило ума остаться у машины.

Я выдержала взгляд Вайнмонта, требуя, чтобы он закончил свою мысль.

— Что еще тебе нужно от меня?

— Мне нужно, чтобы ты вернулась ко мне. — Сказанное прозвучало так тихо и низко, что я едва его расслышала.

Я уставилась на Синклера и попыталась найти в словах ложь, попыталась превратить их в нечто, что означало бы одно: он хочет, чтобы я вернулась, Приобретение могло продолжаться, а Вайнмонты — победить. Но, увидев его глаза, печаль и боль в них, я знала, что это не так. Он хотел, чтобы я вернулась к нему. Нет, ему было это *нужно*. Он лишь на краткий миг дал мне взглянуть на того себя, кому было больно, кто чувствовал, кто нуждался. И теперь он обнажал душу.

— Стелла. Нам нужно ехать. Давай.

Раздраженная команда Люция вырвала меня из грез. Настало время уезжать. Меня ждала встреча, которая оставит меня в шрамах и сломит до конца моей жизни. И причина, по которой я должна была пойти — мужчина передо мной, чьи печальные глаза и слова были ничем по сравнению с болью, которую я вот-вот почувствую. Мне потребовалась вся моя воля, но я больше не собиралась помогать пауку. Не собиралась ускорять собственное падение посредством прыжка в его паутину. Не снова.

Молча развернулась и поспешила вниз по лестнице. Люк помог мне забраться на заднее сиденье и закрыл дверь. Я не смотрела на Вайнмонта, хотя знала, что он не двигался, его взгляд все еще искал меня даже за стеклом. Люций скользнул в авто и сел рядом со мной, когда Люк тронул машину с места. Я опустила глаза, не обернувшись.

Весь путь, пролегающий неуклонно на север, мы с Люцием не разговаривали. Он принял несколько звонков, половина из которых была на испанском, пока мы ехали по гладкому асфальту. Мне не удавалось усмирить собственные руки: я то и дело заламывала их или впивалась пальцами в свитер. В конце концов, Люций протянул руку на середине разговора и взял мою правую ладонь в свою, притянув к себе на бедро, продолжая говорить об урожаях сахарного тростника и стоимости производства.

Его жест был принят без возражений с моей стороны. Волнение никуда не делось, но дело было не в том, где находилась моя рука. Я все время пыталась очистить мысли. Размышляла о словах Вайнмонта или для разнообразия проигрывала историю Рене о гипотермии и непростительном надругательстве, что лишь делало страх сильнее ненависти. Хотелось, чтобы ненависть победила, чтобы душила страх, пока не превратила бы меня в бушующее пламя гнева. Даже когда я пыталась справиться с ним, страх просачивался, окрашивая каждую мысль грязной дымкой.

Пейзаж сменился за время поездки, стволы деревьев стали толще, больше сосен появилось среди дремлющих дубов и лиственных деревьев. Мы ехали по национальным лесным угодьям, когда Люк съехал с межгосударственной дороги на двухполосное шоссе. Наш маршрут вел нас дальше в лес, и мрачные деревья потянулись по обеим сторонам дороги.

Люций выключил телефон, наконец закончив особенно напряженный разговор с Хавьером. Слегка сжал мою руку, но не посмотрел на меня.

Спустя еще полчаса Люк свернул на узкую асфальтированную дорогу, упирающуюся в ворота, похожие на те, что я видела на территории собственности Вайнмонтов. Шпиль каждой створки украшал олень, чьи ветвистые рога воплощали великолепие. Люк опустил окно и обратился к привратнику, стоящему впереди. Затем мы проехали через ворота в глубину леса. Дорога блуждала по

покатым склонам, солнце беззаботно светило сквозь деревья.

Вскоре мы заметили блеск автомобиля впереди нас и присоединились к тому, что оказалось длинной процессией, растянувшейся на узкой дороге. В конце лес упирался в широкую поляну, за которой массивная бревенчатая структура выступала из склона холма. Она была огромной, размером с гостиницу. Крыша имела несколько вершин, каждая из которых напоминала большую застекленную А-образную раму, закрывающую фасад дома. Дубовые бревна грубо обтесаны, но стекло было современным, сверкало под утренним солнцем.

Машины двигались в один ряд, каждая следующая останавливалась возле камердинера справа перед парковкой в поле. Люк подъехал к началу очереди, камердинер поприветствовал нас и открыл нам двери. Я вышла на жутко холодный воздух и спрятала руки в карманы. Не хотелось, чтобы кто-либо ко мне прикасался.

Люций обошел меня и велел Люку забрать наши сумки.

Мы шли по лестнице за пожилой парой, которой было трудно подниматься по ступенькам. Ни Люций, ни я не предложили помощь. Думаю, для меня будет лучше, если они упадут и сломают себе шеи.

Мы взобрались наверх, где во всех окнах открывался живописный вид. Я оглянулась и поняла, что дом расположен на самом высоком хребте этого района, что открывало широкую панораму леса внизу.

— Входите, входите, — голос Кэла заставил меня замедлить шаг. Выдержать морозный воздух для меня оказалось легче, чем стерпеть его присутствие.

— Шериф Вуд! Добро пожаловать. Рад, что вам удалось приехать, — Кэл с обычным пафосом называл имена, пока очередь пришедших двигалась вперед.

Пожилая пара наконец попала в дом, пройдя через двери из грубо отесанных досок и металла. Люций опустил руку мне на талию и подтолкнул вперед. Кэл, одетый в нелепый свитер с рождественским узором, схватил меня за руки и, не прикасаясь губами, поцеловал каждую мою щеку.

— Так приятно снова увидеть тебя, Стелла. Люций, добро пожаловать.

К счастью, Кэл перешел к приветствию людей позади нас, поэтому мы прошли вперед без лишних фанфар. Дом напоминал произведение искусства — бревна в решетчатой конструкции под высоким потолком, окна, предоставляющие круговой обзор на хребты и долины.

Люди сновали повсюду, говорили, пили, двигались. Из стереосистемы лились стильные рождественские мелодии, пока я улавливала фрагменты разговоров о «веселье на последнем Суде Приобретений» и «что Кэл приготовил на этот год?». У меня желудок скручивало, пока вокруг ликовали о том, как хорошо все собираются провести выходные.

Я заметила Гэвина впереди, его высокая фигура позволяла разглядеть его среди других гостей. Устремившись вперед, я приблизилась к нему.

— Стелла. — Он обнял меня.

— Привет.

— Не могу сказать, что в полной мере рад твоему приезду. — Парень оттащил меня в сторону и покачал головой, темные круги под глазами поведали мне, что он тоже не спал. — Но, если мы должны быть здесь, по крайней мере, будем вместе.

— Вы не вместе, — Люций догнал меня. — Боб, не против прицепить свое Приобретение на чертов поводок?

Боб начал заикаться, его лицо покраснело почти мгновенно.

— Гэвин. Прекрати разговаривать с ней. Она — враг.

Гэвин наклонился к моему уху и быстро прошептал:

— Я тебя не брошу.

Он выпрямился и отошел к Бобу, прежде чем мне удалось ответить. Я не знала, правдой ли будет, если скажу, что тоже не брошу его, но я сделаю все возможное.

— Что он сказал? — Люций повел меня к другой лестнице со швейцаром наверху.

— Ничего.

— Люций? — Светловолосая женщина в облегающих, словно вторая кожа, джинсах и тонком белом свитере положила руку на

предплечья Люция.

— О, эй...

Было очевидно, что он не мог вспомнить ее имя, но это не остановило ее.

— Слышала, ты каким-то образом примкнул к состязанию. Прошло много времени. Сколько, с прошлого года? — Ее голос упал до такого хриплого шепота, насколько это было возможно, но при этом звучал громче, чем гам болтающих вокруг гостей.

Люций кивнул.

— Да, кажется. Я отлично провел время.

Я пристально смотрела на него, пока ложь скатывалась с его языка. Он явно не помнил, кто она или когда они трахались.

Женщина положила руки ему на плечи и, приподнявшись на цыпочках, зашептала на ухо, прижимаясь к нему грудью. Люций лишь улыбнулся, когда незнакомка отстранилась и посмотрела ему в глаза.

— Звучит хорошо. Значит, скоро.

— Скоро. — Она подмигнула и вернулась к своему разговору, когда Люций продолжил толкать меня сквозь толпу еще быстрее. Наконец мы добрались до лестницы и поднимались, пока не подошли к другому швейцару. Он был одет во все черное, что совершенно не скрывало объем его дородного тела. Надменное выражение на лице раздражало.

— Нам нужна наша комната. Люций Вайнмонт и Стелла Руссо.

Служащий пролистал скрины на экране планшета.

— О, вы один из участников. Ваша комната на следующем этаже, последняя дверь налево. Это одни из самых больших апартаментов.

— Ключ? — Люций протянул ладонь.

Швейцар покачал головой.

— Никаких ключей, сэр. Безусловное доверие

— Пойдем, Стелла, — обратился Люций.

Парень перед нами прочистил горло.

— О, нет. Простите. Я, наверное, недостаточно ясно выразился. Апартаменты предназначены исключительно для вас, мистер Вайнмонт. Девушка останется с другими Приобретениями.

— Что? — Люций повернулся к швейцару. — Нет, она остается со мной.

— Данное указание поступило от мистера Оукмэна. Мне жаль, если оно вам неприятно, сэр. — Он не выказывал ни капли сожаления.

— Но у одного из других Приобретений имеется член, — дымился Люций.

— Об этом не нужно беспокоиться. Девушку не запятнают, пока не придет время.

Запятнают? Я попыталась сохранять спокойствие, чтобы удержать тот маленький барьер, защищающий меня от этих людей и их приверженцев. Но это было уже слишком. Я вырвала планшет из его рук и бросила его через перила. Кто-то внизу взвизгнул, но звук быстро заглушил шум голосов.

Ноздри швейцара раздулись, и он нахмурился.

— Вы не можете вытворять подобное.

— Только что вытворила. — Возможно, я не могла противостоять кому-то другому здесь, но этому парню? Я была более чем счастлива раздавить его пяткой и помочиться на пыль, что от него останется.

Глаза швейцара сузились.

— Майкл, — позвал он через плечо, — пожалуйста, сопроводи Приобретение в ее комнату и передай мне свой планшет.

Один из других швейцаров, мужчина помоложе, шагнул вперед и протянул свое устройство, прежде чем взглянуть на меня.

Люций отодвинул меня и шепнул на ухо:

— Ты должна пойти с ними, но, если я тебе понадобится, ты слышала, что он сказал: моя комната наверху, последняя дверь налево. Приди и найди меня, если что-нибудь случится, хорошо?

— Сюда, Приобретение. — Майкл схватил меня за локоть.

— Отвали к чертям, придурок, — рявкнул Люций. — И обращайся к ней «мисс Руссо», или я вырву твой чертов язык, урод долбаный.

Майкл поспешно отступил.

Люций потянулся вверх, словно намереваясь прикоснуться к моей щеке, но огляделся и передумал.

— Просто скажи, что придешь ко мне, хорошо?

— Приду. — И не подумаю. Он не мог мне помочь.

— Хорошо. Иди с ним, но ничего не принимай, — Люций взял меня за руку и сжал пальцы. — Скоро увидимся.

Его слова напомнили судью, зачитывающего приговор. Средний из Вайнмонтов был прав — он скоро меня увидит. Я отдернула ладонь и последовала за Майклом по коридору.

— Куда мы идем? — спросила я отступающего назад парня.

— Как уже было четко сказано вам, в комнату Приобретений, мисс Руссо.

Этот парень бесил меня почти так же, как мистер Полет-планшета-через-перила.

— У меня есть еще один вопрос.

— Какой? — вздохнул он.

— Почему ты такой отморозок?

Парень напрягся, но продолжил идти. *Один-ноль в пользу Стеллы.*

Мы обогнули еще несколько углов, прежде чем выйти к двойным дубовым дверям. Он толкнул их, впуская нас в комнатку с тремя односпальными кроватями и ванной. Она была маленькой, но не тесной. Крошечное окно под потолком впускало солнечный свет, а светильники с изменяемым направлением отбрасывали свет на высокие деревянные балки.

— Ваша комната на время пребывания у нас. Не выходите, пока кто-то не придет за вами. — Он попятился за порог, ухмыльнувшись мне и закрыв за собой двери.

Из ванной вышла Брианна. На ней была обрезанная футболка и

короткие шорты.

Во мне поднялась паника.

— Почему ты одета, словно на весенних каникулах? Тебе нужна теплая одежда.

— Зачем? Ведь мы будем в помещении, правильно? — Девушка плюхнулась на ближайшую кровать.

— Нет. Ну, я имею в виду, не знаю, но...

— Рэд сказал не волноваться об этом. Здесь не произойдет ничего страшного. — Она уставилась на небольшое окно. — Для них это просто небольшая забава.

Рэд был еще **б**ольшим куском дерьма, чем я себе представляла. Опустившись на кровать рядом с Брианной, я взяла одну из ее ладоней.

— Тебе нужно одеться теплее. Ты взяла какую-нибудь теплую одежду?

Наконец она посмотрела на меня, правда, ее глаза казались такими же остекленевшими, как на вечеринке в Новом Орлеане.

— Ты что-то приняла? — вырвалось у меня.

— Нет. Ты о чем? — Она отдернула руку.

— Я имею в виду, ты под кайфом? — Я понятия не имела, что сделают с организмом наркотики, когда мы столкнемся с гипотермией или чем похуже.

Девушка сузила глаза.

— Не думай, что я не понимаю, что ты делаешь. Рэд сказал мне, что это соревнование между тобой, мной и этим недопарнем Гэвином. Ты не обойдешь меня.

Мои глаза округлились в неверии.

— Ты думаешь, что мы соревнуемся друг с другом?

— Да. Теперь убирайся с моей постели и занимайся своими проклятыми делами, — прошипела она.

— Брианна, пожалуйста, ты должна выслушать...

— Я сказала: проваливай! — ее крик был сумасшедшим.

Я встала и отступила. Рэд уже уничтожил девушку, которую я видела на балу. Брианна сломалась. Настигнет ли меня та же участь?

Ногами я натолкнулась на другую кровать и осела, когда Брианна снова уставилась на голубое небо через окно. Я уронила голову на руки, уперевшись локтями в колени. Отчаяние, витавшее в воздухе вокруг Брианны, проникало и в мою кожу.

Двери открылись, и в комнату вошел Гэвин, грубый швейцар прочел ему ту же нотацию о запрете покидать пределы комнаты, пока кто-то за нами не придет.

Как только он ушел, Гэвин ткнул большим пальцем через плечо.

— Ты веришь этому парню?

Я встала и провела рукой по волосам.

— Да, я обозвала его отморозком.

— Определенно, и не только. — Гэвин осмотрел комнату, прежде чем пройти и сесть рядом со мной. — Эй, Брианна, как дела?

— Я не общаюсь ни с кем из вас, так что перестаньте лезть мне в голову. — Девушка легла к нам спиной.

Гэвин вскинул бровь.

Я покачала головой, безумное рвение рассмеяться смешалось с желанием расплакаться.

— Она думает, что мы соперничаем друг с другом. Что почему-то должны выиграть. Не уверена, почему она считает, что мы победим. — Я еще сильнее понизила голос. — Она под кайфом от чего-то. Как и на вечеринке Кэла.

Гэвин сжал губы в тонкую линию и покачал головой.

— Неприятно говорить, но меня это не удивляет. К моменту окончания этого испытания я, возможно, пожалею, что не взял с собой таблеток.

— Так ты знаешь? — То, что мне не нужно было ему рассказывать, стало облечением.

— Знаю. — Он провел рукой по чисто выбритому лицу.

— Как думаешь, что они с нами сделают? Ну, кроме... — Я вздрогнула.

— Не представляю. Знаю только, что нам нужно пройти через это. И мы сможем. — Его янтарные глаза светились добротой, и я наклонилась к нему.

— Я бы хотел, чтобы все закончилось.

— И я.

Так прошло долгое время: Брианна молчала на кровати, а мы с Гэвином сидели, прижавшись и ища утешения. Никто нас не беспокоил, пока не спустилась ночь. Затем нам принесли несколько тарелок с небольшим количеством различной еды. Брианна ничего не съела, а мы с Гэвином решили попробовать хотя бы для того, чтобы набраться сил, но еда вызвала тошноту прежде, чем я даже успела взять ее в рот.

В комнате царила тишина, за исключением пронзительных криков, каждый раз доносившихся из другой части дома. Наверное, гости пили за следующий день — за наше унижение.

В коридоре раздались шаги, и мы втроем уставились на дверь. Она открылась, и вошли Люций, Рэд и Боб. Гэвин обнял меня, и я прижалась к нему. Это не имело значения. Никто из нас не сможет остановить то, чему суждено было произойти.

Люций сузил глаза и направился напрямик ко мне. Взял меня за руку и сорвал с места, моя щека коснулась мягкости его черного кашемирового свитера, а запах сандалового дерева защекотал нос. Возможно, это начало — нежное прикосновение перед предательством, перед тем, как меня скормят, пока не останется ничего, кроме костей и печали.

Он вытащил меня из комнаты, остальные последовали за нами.

— Куда мы идем? — спросила я.

В ответ мне лишь сжали локоть.

— На вечеринку. Не говори, если с тобой не разговаривают. Поняла?

Я ошетинилась, но промолчала. Мне нечего было сказать этим людям. Деревянные половицы казались крепко сколоченными под ногами, мои шаги едва были слышны, пока мы направлялись по залам на звук голосов. Мы присоединились к морю людей, занятых выпивкой и разговорами. В воздухе пахло жареным мясом и дымом

от горящих поленьев.

Кэл говорил в микрофон — его любимую игрушку.

— ...давайте посмотрим на наши маленькие закусочки. Ах, вот и они. Поднимайтесь!

Люций подвел меня к сцене на возвышении перед одним из высоких окон, где Кэл устраивал прием.

— Да, да, — сказал Кэл. — Первая, кажется, Приобретение Вайнмонтов — Стелла. Ребята, расскажу вам секрет. Возможно, я немного попробовал...

Люди загалдели и засвистели, когда Люций подтолкнул меня к Кэлу.

— Ладно, ладно. Я же сказал «немного попробовал». Все же не съел. Не завидуйте. Но могу вам сказать, что маленькая мисс Стелла — сладкая как сахар, и остается только представлять, как другие части ее тела растают прямо в ваши рты.

Ответом стали смех, волчий вой и несколько поднятых бокалов. Мое внимание привлекло весьма заметное движение справа от сцены. Сердце воспарило, когда я заметила Дилана, стоящего внизу и машущего рукой, чтобы привлечь мое внимание. Его знакомое лицо прибавило мне сил, и я выпрямилась, терпя бремя более уверенно только благодаря его присутствию.

— О, а затем Гэвин. Ну, мне он не по вкусу, — Кэл закинул руку на широкие плечи парня. — Ничего личного, конечно. Но я знаю многих из вас, дамы и господа, кто истекает слюнками по этому лакомому кусочку, не так ли?

Кэл держал толпу в кулаке, их крики и смех подпитывали его безумное желание стать центром шоу.

Он двинулся вниз по ряду и притянул Брианну к своему боку.

— Признаюсь, ребята, эту маленькую Брианну я не только попробовал. И она хороша до последнего укуса, это я могу вам пообещать.

Девушка еще не вернула себе связь с реальностью и махала толпе, словно вернувшаяся на родину королева, а не рабыня, изнасилование которой было предметом всеобщего обсуждения.

— Теперь, когда Приобретения все здесь, у меня имеется вопрос ко всем добрым самаритянам в зале. Кто из вас хочет трахнуть маленькую Брианну?

Поднялся рев, и некоторые из мужчин в первом ряду подошли ближе.

— А как насчет Гэвина?

Еще один рев, наполненный довольно большим количеством женских криков.

— И, наконец, Стеллу?

Комната содрогнулась от топота ног и визгов, один из мужчин взошел на первые две ступеньки, прежде чем несколько других с заливистым смехом оттолкнули его.

— Вот, что мне хочется слышать! Теперь я позволю им немного пообщаться и ожидаю, что все будут вести себя наилучшим образом! — Он сердито посмотрел на молодых людей, топчущихся возле передней части сцены. — Мы будем соблюдать правила. Настоящее развлечение начнется только завтра. Так что ведите себя хорошо с Приобретениями, но, конечно же, можете развратничать друг с другом ради услады ваших сердец.

Кэл поклонился, когда аплодисменты заполнили комнату. Люций схватил меня за руку и потащил вниз по ступенькам. Он пробирался через толпу людей, висевших на сцене, расталкивая их локтями, а я не потупила взгляд, чтобы не видеть их лиц. Я все еще слышала их голоса, слова, обещания насилия и глумления.

— Отвалите к чертям собачьим, — Люций оттолкнул одного мужчину и протискивался среди гостей остальную часть пути к бару. Он подтолкнул меня вперед и, встав сзади, загнал мое тело в ловушку. Это воплощало жест защиты, но его нахождение оказалось слишком близким для меня. Мне нужен был воздух. Я предпочла бы оказаться в своей комнате, чем здесь.

Пришлось вытянуть шею, чтобы осмотреться и найти Дилана, но масса людей заблокировала обзор.

— Мне по старинке. Два. — Грудь Люция казалась теплой по сравнению с моей, его руки покоились на моих бедрах. — Ты хорошо справляешься, — прошептали мне на ухо. — Это было наибольшим представлением за вечер.

Бармен налил напитки и поставил их перед нами. Я взяла свой: вкус был горьким на языке, но я поприветствовала прилив тепла от алкоголя. Сделала один резкий глоток, жидкость обожгла, когда я ее проглотила.

— Полегче, Стелла. — Люций взял мой почти пустой стакан.

Я склонила голову к плечу и заговорила ему в ухо:

— Пожалуйста, Люций. Я не хочу в этом участвовать.

Он прижался кончиками пальцев к моему бедру.

— Напьешься сегодня — завтра будет только хуже. Ты должна оставаться сильной.

— Зачем?

— Ты знаешь ответ.

— Нет. — Но я знала. Мне просто нужно было это услышать, чтобы понять, насколько хуже все может стать.

— Если не сможешь оставаться сильной, я прослежу за тем, чтобы твой отец страдал. И обязательно позабочусь о твоих муках.

Я фыркнула и вырвала у него напиток, прикончив содержимое одним глотком.

— Да. Думаю, что мои страдания обеспечены мне, независимо от поведения. — Я избегала разговоров на тему моего отца. Его добрые глаза вспыхнули у меня в голове, хотя я полагала, что они больше не были такими. По крайней мере, теперь.

— Есть что-нибудь еще? Что-нибудь, что помешает мне отправиться обратно на эту сцену и сказать всем твоим друзьям, чтобы они засунули свое Приобретение прямо себе в задницы? — Я кивнула бармену, заказав еще один напиток.

— Есть много чего. Будешь ли ты страдать завтра? Да. Но я могу заставить тебя мучиться каждый день после этого. — Голос Люция потемнел, а сам мужчина крепко сжал мое бедро. Бармен поставил напиток, но Люций убрал стакан подальше от меня. — Ты моя на многие месяцы вперед. Я могу придумать много неприятного, Стелла. Намного хуже всего, о чем ты могла бы помыслить. Боль, пытки, изнасилование, с которыми ты встретишься завтра, покажутся тебе приятным воспоминанием. — Он провел рукой по передней

части моего бедра и сжал плоть между ног, вжав меня в барную стойку, отчего в ребра мне болезненно впилась деревянная поверхность. — Если это то, чего ты хочешь, то обязательно поднимись на сцену.

Я попыталась увернуться от него, но Люций только сильнее сжимал ладонь, а пальцы углубились между моих ног, массируя сердцевину сквозь джинсы.

— Отвали от меня, — прорычала я.

Люций игнорировал меня, его пальцы заставляли мое тело оживать, пока мне хотелось оставаться оцепеневшей.

— Но. — Он разжал ладонь и протянул руку по моему бедру. — Если ты сделаешь то, чего я хочу, то будет исполнено все, что в моих силах, чтобы защитить тебя. И как только все закончится...

— Почет и уважение. Понятно. А теперь отъебись от меня. — Я оттолкнулась от бара.

— Стелла! — Дилан протиснулся мимо пары гостей и обнял меня, оторвав от пола и сжав с такой силой, что я пожалела о количестве выпитого.

— Ты здесь. — Я изголодалась по искреннему прикосновению, по кому-то, кто, я знала, заботился обо мне не по причине глупой игры.

Он подставил меня.

— Да. — Его щеки были красными, а от дыхания несло чем-то крепким.

— Ты пьян?

— Нет. То есть, Кэл угостил каким-то виски, но я не пьян. — Он медленно покачал головой.

— Ты пьян. — Шок от боли ударил меня в грудь. — Пришел сюда напиться с этими?

— Я всего лишь пытался подыграть. Успокойся. — Дилан положил тяжелые руки на мои плечи и прижался лбом к моему. — Я стану тем одним, Стелла. Завтра. Это буду я.

— Станешь одним? Кем?

Брат усмехнулся, его прекрасная улыбка больше нервировала, чем успокаивала.

— Посмотришь. Но это буду я. Я позабочусь о тебе.

— Думаю, этого достаточно, — припугнул Люций позади меня.

— Я могу поговорить с сестрой, если захочу.

— Ты хотел сказать, бывшей сводной сестрой?

— Да, и что?

— Она не твоя родная кровь. И не твоего ума дело.

— И не твоя так же, урод.

А Дилан был прав.

— Ей и не нужно. Я владею ею. Теперь сделай шаг назад, пока я не отшвырнул тебя и не избил, чтобы ты снова отлеживался на полу.

— Мы только поговорим, — вмешалась я. — Разве мне нельзя поговорить с кем-нибудь? Пожалуйста? — Никогда не пробовала просить его мило. Возможно, сработает.

— Да, можешь поговорить со мной. — Люций обнял меня за шею и увел обратно. — Пошел нахрен, Дилан.

— Остановись. — Я ткнула его локтем, но Люций не отпустил.

Дилан сердито посмотрел на меня и потупил взгляд.

— Помни мои слова.

Затем повернулся и исчез в толпе.

— Отвали. — Я вывернула плечи, и Люций опустил руку, но лишь чтобы сжать мою грудь.

Я обернулась и посмотрела на него.

— Кретин.

Мне ухмыльнулись, сделав еще один глоток.

— И?

— Я возвращаюсь в свою комнату.

— Нет.

— Почему?

— Потому что мне нужно, чтобы тебя видели. — Люций поставил свой стакан на стойку и взял меня за руку. — Просто улыбайся и кивай, мать твою. Это все, что от тебя требуется.

Он пробирался сквозь толпу людей и тащил меня за собой. Люций знал многих из них, вел непринужденные разговоры о событиях из детства, веселых деньках в колледже или о том, как продвигается сахарный бизнес. Но независимо от собеседника разговор всегда возвращался ко мне.

— Стелла — художник, — произнес Люций в десятый раз за вечер.

Женщина, возможно, не старше пятидесяти, одетая в безупречный снежно-белый костюм, улыбалась и потягивала вино.

— Я тоже. Несколько моих картин выставляются в Нью-Йорке и Лос-Анджелесе. В каких галереях тебя можно было увидеть?

— Ну, в галерее моего родного города должно быть несколько моих работ, — ответила я.

— Родного города? — Она подняла безупречную бровь и сделала глоток вина. — Как странно.

Люций улыбнулся.

— Я слышал, что одна из картин Стеллы была недавно выставлена в Нью-Йорке в одной из самых известных галерей. Буквально на прошлой неделе ее купили за пятьдесят тысяч долларов.

Я подняла голову на Люция — он определенно знал, как врать.

— О, это правда? — Собеседница жеманно улыбнулась мне поверх бокала.

Люций не промахнулся.

— Да. Не знаю, знаешь ли ты эту картину, но она называлась «Северная звезда».

Что-то было не так. У меня была работа под названием «Северная звезда», но ее купили в городской галерее месяц назад, а не в Нью-Йорке на прошлой неделе. И определенно не за пятьдесят тысяч долларов.

Глаза женщины округлились.

— Ты автор?

— Она. — Люций сжал мое бедро и прижал к своему боку, гордость читалась в его улыбке.

— Мои поздравления. Я действительно видела эту работу лично в галерее «Ла Ви» и осталась под впечатлением. Понятия не имела, что кто-то в твоей ситуации может создать нечто подобное. — Женщина махнула на меня рукой, будто я была забавным животным за стеклом в зоопарке.

— Я бы приняла ваши слова за комплимент, но, поскольку это не так, то не стану, — я улыбнулась, желая ей сдохнуть.

Люций вынужденно рассмеялся, когда выражение лица женщины скисло.

— Удачи завтра, дорогая. — Мне широко улыбнулись, и Люций повел меня к другой группе людей.

— Плохое начало, Стелла, — прошептал он мне на ухо. — Попробуй еще раз.

Мы подошли еще к нескольким группам людей, болтавшим о мирских проблемах высшего мира, прежде чем вновь вернуться к моему порабощению, так как это была очередная тема.

В следующей группе, к которой мы приблизились, находилась мать Дилана, Маргарет. Она молчала и лишь слушала Люция, а другие дамы смеялись. Ее губы были сжаты в тонкую линию, а взгляд не покидал меня. Мне хотелось поговорить с ней, спросить, знает ли она что-нибудь, что могло мне помочь. И, признаюсь, хотелось спросить об отце. Но ее лицо было непроницаемо, жестоко.

Следующая группа была моложе; Люций легко вписался, хотя я все время поглядывала на Маргарет, когда она перешептывалась с дамами вокруг нее. Время от времени они поглядывали на меня. Я, очевидно, стала предметом их приглушенного разговора, и это не выглядело хорошо, учитывая выражение отвращения на их лицах.

Вечер затянулся допоздна, и хоть я знала, что не смогу уснуть, все равно была готова побыть в одиночестве. По крайней мере, столько, сколько это возможно. У меня больше не было сил выносить взгляды и разговоры о себе. Если я не могла оцепенеть, то предпочла бы сражаться со своими страхами вместо публики.

— Мы закончили? — спросила я после того, как мы отошли от особенно неприятной пары пожилых мужчин, которые разглядывали меня и говорили только о Суде.

— Возможно. Пойдем, провожу тебя назад.

— Я сама смогу найти дорогу. Это просто вниз по коридору.

— Знаю, что сможешь. — Его светлые глаза были пронизательными, ликер не сделал ничего, чтобы их замутнить. — Всего лишь хочу убедиться, что ты туда дойдешь.

— Хорошо.

Люций вел меня, прижимая руку к нижней части моей спины, пока мы пробирались между мебелью и людьми. В коридоре повеяло прохладой, воздух наполнял гул разговоров.

— Ты хорошо справилась. За исключением миссис Тибодо. Я никогда не услышу окончания этой мелкой стычки на тему искусства.

— Как ты додумался до такой лжи о продаже моей картины в Нью-Йорке?

Мы повернули за угол к комнате Приобретений.

— Это не ложь. Твоя «Северная звезда» ушла на прошлой неделе за пятьдесят тысяч долларов.

— Не может быть.

— Может.

Я остановилась и посмотрела ему в глаза.

— Как?

— Спросишь Сина. Я не знаю деталей.

Мы продолжили путь.

— Вайнмонт продавал мои картины? Зачем?

— Как я и сказал, спроси его. Я не вкладываю в искусство. Просто понимаю, какая работа хороша, когда вижу ее.

— Ты сказал ему, что моя картина чего-то стоит?

Люций пожал плечами.

— Может быть. Это твоя комната?

Мы подошли к двойным дверям.

— Да.

Люций вошел внутрь.

— Какая из кроватей твоя?

— Мы на самом деле не выбирали, хотя думаю, что Брианна заняла ту, что слева.

— Значит, твоя рядом с Гэвином? — Он шагнул между кроватями и оттолкнул одну к дальней стене. — Так-то лучше.

— Какая инфантильность. — Я скрестила руки на груди.

— Возможно. Но я не хочу, чтобы он прикасался к тебе.

— Хорошо, но, когда ты сегодня поселишься в своих апартаментах, а мы останемся бояться здесь, сомневаюсь, что ты сможешь сделать хоть что-нибудь, чтобы предотвратить наши прикосновения.

Он шагнул ко мне.

— Если парень к тебе прикоснется, у нас будет проблема, Стелла. Большая. Мы поняли друг друга?

— Конечно. Он не тронет меня. Не волнуйся. — В сказанные слова я вложила настолько ничтожное количество убеждения, насколько это возможно. Не знаю, почему я пыталась задеть Люция, но я это делала. Возможно, чтобы отплатить ему за тираду с Диланом.

Он дернул меня к своей груди, и я ахнула от такого резкого движения.

— Ты когда-нибудь заткнешься? — Люций поцеловал меня.

Но я оттолкнула его.

— Пытаешься обмануть и сорвать куш первым? Разве это не разозлит твоих садистских приятелей, которых ты пытаешься впечатлить? — ухмыльнулась я. Он часами выставлял меня напоказ, повторяя разговоры, будто готовился занять какую-то должность.

— Иди сюда. — Люций сжал руки по бокам.

— Нет.

— Иди. Сюда. Я не буду повторять, Стелла.

— Пошел ты. — Я залезла на кровать, затем перешагнула ее, спустившись на другую сторону и повернувшись к нему лицом.

— Ты хочешь сделать это прямо сейчас? — Он усмехнулся и потянул свитер с футболкой через голову. Его кожа была гладкой, со светло-каштановыми волосами в центре груди и такой же дорожкой, исчезающей в его брюках. Татуировка латинской буквы «V» закручивалась на его сердце, взятая в ловушку толстыми колючками. Он был худее, чем старший Вайнмонт, но таким же быстрым. И он был решительно настроен, учитывая блеск в его глазах.

— Я хочу, чтобы ты ушел прямо сейчас. — С моей стороны это была игра с огнем. Во всей ситуации было что-то очень неправильное. Но мне нужно какое-нибудь другое чувство, помимо страха или ужаса.

— Не думаю, что это правда. — Люций позволил своему взгляду блуждать по моему телу, задержаться на шее, груди и бедрах, прежде чем вернуться к моему лицу. — Твой пульс ускорился, соски затвердели, и, могу поспорить, ты влажная между ног, Стелла.

— Думаю, это ты никогда не узнаешь. — Я отступила.

Одним плавным движением Люций перепрыгнул кровать и заблокировал меня на другой стороне у стены. Воздух выбило из легких, когда Люций схватил меня за голову и уставился на меня, его глаза загорелись страстью и потребностью.

Он набросился на мой рот, уверенно переплетая язык с моим, пробуя и прикасаясь, когда раздвинул мои колени своими. Люций был возбужден, его член вжимался в меня, когда мужчина медленно задвигал бедрами. Его поцелуй напоминал гипноз: то, как он захватывал меня, отнимало воздух и воспаляло все мои нервные окончания. Я нуждалась в этом, чтобы отвлечься от всего остального. Какое-то мимолетное удовольствие перед тем, как разрушающий вес реальности раздавит все под собой.

Люций двинулся к моей шее, его губы нашли бьющуюся жилку на моей шее, когда он скрестил мне запястья одной своей рукой. Когда скользнул ладонью под мой свитер и сжал грудь, я застонала. Он сорвал чашечку моего лифчика и скрутил сосок большим и указательным пальцами. Мои бедра двинулись навстречу ему, почувствовав еще больше восхитительного трения о его член. Я

проигнорировала вспышку в глубоких лазурных глазах, которые оказались напротив моих.

Люций зашипел, когда я снова подняла бедра, придвигаясь к нему через штаны.

— Люций, — вздохнула я, хотя другое имя кружилось в голове, желая сорваться с моих губ. Люций опустил ниже, его рот оказался на моей груди, пока свободной рукой он дернул за кнопку и молнию на джинсах.

Почувствовав сильный укус, я выгнулась под ним, когда Люций скользнул пальцами в мои трусики. Я была влажной, моя кожа горела в местах, где он проводил ртом или руками.

— Черт. — Он проник далее, распределяя влагу от моего входа к клитору.

Я извивалась и стонала, пока он описывал круги на моем пробужденном, чувствительном центре. Люций оставил сосок и вернулся с поцелуем к губам, кожей я почувствовала вес его обнаженной груди.

Он погрузил в меня один палец и застонал.

— Ты нужна мне, Стелла.

Слова действовали на меня раздражающе. Мне нужен кое-кто другой. Другой Вайнмонт. Глаза Синклера снова возникли в моей голове. Он был призраком, скитающимся во всех уголках моего разума.

Люций поднес пальцы к губам и облизал их. Он снова поцеловал меня, но его вкус был неправильным. Все было не так. Я была выжженным очагом, исчезнувшим пламенем, остывшей комнатой.

Мне удалось повернуть к нему голову.

— Я не хочу этого.

— Нет, хочешь, — Люций прикусил кожу на моей шее.

— Нет. Я серьезно.

Тон в моем голосе заставил его замереть, и он повернулся ко мне лицом.

— Ты, мать твою, шутишь?

— Нет. Пожалуйста, просто уходи.

Он отпустил мои руки и уселся прямо, нахмурив брови в замешательстве.

— Почему?

Я покачала головой и поправила свитер.

— Пожалуйста, Люций.

Парень встал и уставился на меня.

— Из-за Сина, не так ли?

Я отвернулась.

Ему не нужно было больше подтверждений. Люций развернулся и отошел, его движения были дергаными и полными гнева, прежде чем он поднял свитер с пола.

Я подпрыгнула, когда дверь за ним захлопнулась.

Что я делаю?

Опустила голову на матрас, пытаюсь разобраться в том, о чем, черт возьми, думала. Соблазнение Люция было необходимой частью плана и желанным отвлечением. И я все попросту пустила по ветру, потому что Вайнмонт сказал: *«Мне нужно, чтобы ты вернулась ко мне»*. Из-за одного предложения, сказанного человеком, который сменялся с холодного на горячий быстрее, чем кран.

Я встала и поправила одежду перед тем, как пойти в туалет. Плеснула теплой водой в лицо и уставилась в зеркало. Стелла в отражении была такой же непроницаемой, как и раньше: отражение лишь напомнило, что я потеряла.

Дверь спальни открылась. Я вытерла лицо и вышла, увидев Гэвина и Брианну. Парень посмотрел на смятую кровать, потом на меня, но я проскользнула мимо него с опущенной головой.

Брианна пропала в ванной и излишне долго готовилась ко сну.

— Итак, эм, что с кроватью? Мне нужно о чем-то знать? — спросили меня.

— Нет. Грустная история. — Я протерла глаза. — Ничего не произошло. Точнее, ничего существенного.

— Вторая база?

Я подняла глаза и усмехнулась. Как ему удавалось улыбаться так широко накануне Суда Приобретений, для меня оставалось непостижимым. Но его улыбка была заразной, потому что уголки моего рта дернулись вверх, несмотря на настроение.

— Что-то вроде того. Я даже не знаю, что это за базы. Но давай остановимся на второй.

— Это я могу, — он начал снимать ботинки, когда Брианна вышла из ванной.

Девушка упала на постель, даже не потрудившись залезть под одеяло.

Пока Гэвин был в ванной, я сняла сапоги, почувствовав нож внутри. Теплый металл нес утешение. Затем я сняла джинсы и свитер, но оставила майку. Гэвин вышел, снял рубашку и брюки и скользнул в кровать. Я сделала то же самое, натянув одеяло до подбородка. Мы лежали в тишине, слушая ровное дыхание Брианны.

— Я слишком боюсь выключать свет, — прошептал Гэвин.

— И я тоже. — Я перевернулась на бок и посмотрела на его профиль, пока парень пялился в потолок.

— Как думаешь, они сделают это утром или днем?

— Я не знаю, но собираюсь начать готовиться уже на рассвете.

Гэвин повернул голову ко мне.

— Как можно подготовиться к чему-то подобному?

— Наверное, никак. Мы просто должны выжить, — мой голос звучал тихо, и я чувствовала себя еще меньше. Одиночкой в огромной толпе злобных незнакомцев, разбросанных по всему горному массиву.

— Стелла?

— Хм?

— Можно переспать с тобой?

Что?

— Ты хочешь...

— То есть, в твоей постели, — улыбнулся Гэвин. — Я имею в виду, просто переспать эту ночь. Ничего другого. Я просто подумал, что, возможно, от этого станет легче.

— О. — Румянец залил мое лицо. — Конечно.

Парень встал с постели и прошлепал босыми ногами ко мне, обойдя кровать. Кровать прогнулась, и его тепло накрыло меня со спины. Он подтянул одеяло повыше и обнял меня.

— Так нормально?

— Да. — Я едва знала его, но руки Гэвина были самым безопасным местом. Я прижалась к нему.

— Если тебе станет легче, то тот наш поцелуй на прошлой неделе был мой первым поцелуем с женщиной.

— Оу. — Так вот, что Брианна имела в виду, назвав его «недопарнем». *Вот же сука.* — Что ж, я рада быть твоей первой?

Гэвин, должно быть, услышал улыбку в моем голосе, потому что непринужденно засмеялся.

— Да, я просто пытался помочь. Но он был классным. Даже очень. Думаю, просто другим.

— Твоя рука определенно быстро забралась мне под юбку. — Я потянулась назад и закинула его руку себе на шею, чтобы ему было более комфортно.

— Спасибо, но я просто играл роль. По-видимому, мне все еще нужно работать над этим, так как Рэд нас раскусил.

— Для попытки — красиво сделано.

— Я ценю это.

Мы замолчали. Его присутствие само по себе воплощало комфорт. Я боялась, что, продолжи мы разговор, я сосредоточусь на том, что будет завтра. Мне не хотелось думать о боли, пока не придется, пока не нужно будет бороться с ней.

Наше дыхание выровнялось, но никто не спал. Я нервничала целый час, потом еще один.

— Все в порядке, Стелла. Спи. Я тебя не брошу. — В голосе Гэвина слышался оттенок усталости, когда парень притянул меня к

себе, поэтому я повернулась к нему лицом.

Позволила голове уткнуться ему в ключицу Он гладил меня по спине, успокаивая, пока не уснул.

— А я не оставлю тебя, — прошептала я, когда сон сморил и меня тоже.

Глава 14

Часть 1

Стелла

Звук. Такой громкий, что я инстинктивно прикрыла уши. Глаза распахнулись, боковое зрение выхватило толпу людей, толкущихся в дверях. В комнату входили мужчины и женщины с черными дубинками в руках. На лицах людей были маски с прорезями для глаз и рта, остальную часть лиц видно не было.

Мы с Гэвином задрожали.

Мужчины напевали какую-то ритмичную песню, непонятную, но кажущуюся враждебной. Я схватила Гэвина за руку, когда он сжал мое бедро через одеяло. Мы оба замерли, ужас сжирал любое объяснение, которое мы могли бы найти для происходящего.

Толпа внезапно замолчала, тишина принесла не меньший страх. Женщина с длинными темными волосами, струящимся по спине, прошла сквозь толпу и бросила перед собой два белых платья, белую рубашку и брюки. Затем отступила обратно, и Кэл, на котором маски не было, шагнул вперед. Его взгляд пробежался между нами тремя, прежде чем остановиться на мне.

— Приобретения, у нас есть для вас нечто особенное. — Он указал на одежду на полу. — Но сначала... раздевайтесь.

Ни Брианна, ни мы с Гэвином не двинулись. Кэл протянул руку, и кто-то вложил в нее черную дубинку. Он подошел и ударил ею по спинке моей кровати. Звук, подобный взрыву, прорезал тесное пространство.

— Я сказал, раздевайтесь, — он обращался ко всем нам, но его злобный взгляд был прикован ко мне.

Гэвин толкнул меня с кровати и встал рядом со мной.

— Просто сделай это, — его шепот громко прозвучал в тишине комнаты.

Десятки дьяволов в масках наблюдали за тем, как мы с Гэвином снимали одежду. Брианна делала то же самое, ее глаза широко раскрылись, стеклянный взгляд исчез. Наркотик, должно быть, вывелся из организма, потому что девушка подошла и встала с другой стороны от меня, дрожа и пытаясь прикрыться.

Я накрыла рукой голую грудь и использовала другую ладонь, чтобы прикрыть между ногами. На Гэвина, стоящего рядом, старалась не смотреть. Не хотелось становиться еще одной пялящейся на него парой глаз. Был ли Люций среди всех этих лиц в масках, наблюдал ли он так же, как и другие?

Кэл подошел и приподнял указательным пальцем мой подбородок, пока наши глаза не встретились. Его зрачки были огромны, пожирая всю меня.

От такого взгляда по мне пробежала дрожь.

Кэл отпустил меня и отошел назад, прежде чем указать на брошенную на полу одежду.

— Платье.

Я подняла и надела его, содрогнувшись от того, какой обнаженной была без него. Платье оказалось коротким, а ткань тонкой, она никак не защитит меня от непогоды. Я была оглушена внезапным вторжением, но страх вновь начинал оживать. Я попыталась застегнуть верхнюю кнопку платья у горла, но пальцы онемели и стали неуклюжими.

Кэл осмотрел нас и ухмыльнулся, видимо, удовлетворившись нашими нарядами.

— Теперь сыграем в небольшую игру. Весело звучит, Приобретения?

Некоторые из фигур в масках заулыбались, их зубы показались сквозь прорези для ртов.

— Игра проста. Сейчас около трех часов утра. Потрясающее время для прогулки по лесу. Итак, вот что мы сделаем. Мы выведем вас на улицу и отпустим. Позволим вам насладиться свежим, *прохладным* воздухом. Размять ножки.

О, Боже. Я потянулась за рукой Гэвина. Его кожа напоминала лед.

— Затем на рассвете мы пойдем за вами.

Плотину криков прорвало, радостных и кровожадных.

— Тот, кто поймает вас первым, выиграет. Этот человек вас трахнет. Ему позволено сделать с вами все, что он захочет, потому что ваши тела были созданы для нашего удовольствия. Когда победитель закончит, он может решить — пустить вас по кругу или вернуться сюда, дабы получить больше собственного удовольствия. Подходит всё. Но победитель трахает первым, и за ним последнее слово. Просто, не так ли? — Кэл кивнул и поднял брови, словно хотел, чтобы мы согласились с ним.

Брианна согласилась, а я просто сжала пальцы Гэвина.

— Ваше время начинается... — Кэл взглянул на свою руку, на которой и в помине не было часов. — ...сейчас.

Еще раз возликовав, фигуры в масках начали выходить. Кэл остался и приблизился, явно упиваясь властью, которую имел над нами тремя.

— Беги, кролик, беги, — прошептал он. Затем повернулся и присвистнул, последовав за небольшой группкой из комнаты.

Только двое остались позади — мужчина в маске и женщина с длинными темными волосами.

— Вперед. На улицу, — ее голос был суровым, но дрожал от нервов.

Воспользовавшись заминкой, я бросилась к кровати, села, надела носки и сапоги, прежде чем схватить куртку. Нож коснулся лодыжки, напомнив, что у меня есть хотя бы какое-то подобие защиты.

— Гэвин, одежда, — настояла я. — Надевай больше.

Он взял носки и обувь, прежде чем накинуть пальто поверх белой пижамы, которая на нем была.

Женщина подошла к нам, подняв дубинку над головой.

— Я сказала, вперед.

— Брианна, ботинки!

Девушка подпрыгнула от моих слов и, наконец, двинулась, белое платье висело на ней, пока она натягивала свои теннисные туфли.

— Ударь ее. — Мужчина не отошел от двери, но его рука пробежалась вверх и вниз по дубинке.

Женщина повернулась ко мне. Я отшатнулась назад, но она расцарапала мне предплечье, когда я подняла руку, чтобы отбить ее удар. Боль взорвалась от запястья до плеча. Я закричала и зажала рану.

Гэвин закончил с пальто и ринулся на нее, но охранник двинулся вперед.

— Хватит этой херни, — рявкнул тот. — Идемте.

У Брианны не было ни пальто, ни чего-либо другого, что защитило бы ее от холодного ночного ветра. Мою руку обжигало болью, но я встала, подхватила свитер с пола и бросила его Брианне. Она надевала его через голову, пока мы выходили через дверь под бдительными взглядами наших конвоиров.

Нас провели через дом, а затем вниз по дороге. В небе повис

серп серебряной луны, мои выдохи покидали рот белыми облачками пара. Лед блестел на дороге, воздух жалил и холодил, отчего мои легкие покалывало при каждом вдохе. Жжение отвлекало от пульсации в руке.

Сверху донесся смех. Хозяин маскарада упырей, переполняющих террасу, выглядывал в окно дома. Кэл стоял на вершине лестницы с поднятым вверх пистолетом.

— В качестве дополнительного стимула для наших маленьких кроликов я предлагаю им невероятной щедрости приз. — Я не могла видеть его глаза с этого расстояния, но моя кожа достаточно покрылась мурашками, чтобы я поняла: он наблюдает за мной. — Если никто не поймает вас к полудню, вы останетесь нетронутыми. Никто к вам не прикоснется.

Толпа недовольно засвистела и зашипела. Кэл рассмеялся громким фальшивым звуком, подобным грому.

— Ладно, ладно, успокойтесь. В конце концов, у нас должна быть морковка. Не всегда ведь уступать первенство палке. — Он схватился за свою промежность для того, чтобы усилить акцент сказанного, и толпа рассмеялась.

— Пусть лучший, или, прошу прощения, лучшая, — кое-где в толпе раздался женский смех, — победит. Кэл нажал на курок, глухой хлопок эхом пронесся по горному хребту и вернулся к моим ушам.

— Пойдем, — Гэвин потянул меня за руку, и мы оба сорвались на бег подальше от дома.

Я посмотрела через плечо. Брианна стояла неподвижно, глядя на Кэла и скрытых под масками людей наверху.

— Брианна, давай! — закричала я.

Девушка повернулась и трусцой побежала за нами.

— В каком направлении нам двигаться? — спросила я.

— Не знаю. Просто подальше отсюда, — Гэвин взял на себя инициативу, двигаясь через стоянку, затем через открытое поле и, наконец, к линии деревьев.

Брианна отставала на несколько ярдов, но все же следовала за ним. Я не могла медлить. Мы должны были сделать это, нужно было уйти подальше и спрятаться, или просто бежать и бежать, пока солнце не окажется достаточно высоко, чтобы мы знали, что в безопасности.

Лес был темным, от месяца, практически не освещающего нам путь, толку было мало. Мы наткнулись на подлесок, не заботясь о том, какие следы оставляли, прыгая через валежник и поднимаясь на первый холм. Дом мерцал в ночи, окна ярко горели, и звуки смеха и

музыки плыли по морозному воздуху. Они веселились, пока мы бежали, наслаждались жизнью перед тем, как запустить когти в нас троих и разорвать нас.

Мы добрались до вершины холма, свернув в другую сторону, и дом наконец-то исчез из поля зрения. Зная, что меня не видят, я немного успокоилась, но мы должны были продолжать двигаться и создать как можно больше расстояния между нами и домом.

Гэвин остановился и прислонился к дереву, пока мы ждали Брианну.

— Как думаешь, нам удастся спрятаться? — спросила я, всмотревшись в деревья.

Гэвин покачал головой.

— Не среди деревьев. Листьев нет, мы окажемся на виду.

Брианна уже тяжело дышала, ее щеки горели ярко-розовым румянцем от холодного воздуха. Мой трикотажный свитер не согреет ее надолго, особенно когда ветер свистел среди веток деревьев так, как сейчас. У меня замерзли те участки ног, что не были в сапогах, а ее ноги, должно быть, и вовсе заledenели. На ней были только теннисные туфли. Я сунула руки в карманы куртки, не обращая внимания на боль в предплечье, и нашла перчатки и вязаную шапку, которые ранее запихнула внутрь.

— Вот, — вручила вещи Брианне.

Ее глаза широко раскрылись.

— Сп-спасибо.

— Мы не соревнуемся, Брианна. Клянусь. Рэд солгал тебе.

Она взяла шапку и натянула ее на свои светлые волосы, которые слегка поблескивали в лунном свете.

— Я знаю. Не понимаю, зачем я все это говорила. Он только и делает, что лжет мне и... и еще много всего. — Она отвернулась, надевая перчатки.

— Все нормально. Это сложно. — Я скользнула ледяными пальцами в ботинок и вытащила лезвие, прежде чем сунуть его в карман. — Но мы должны держаться вместе и продолжать двигаться. Сможешь это сделать?

— Да. Думаю, что смогу.

— Хорошо.

— Возьми мои. — Гэвин вытащил из кармана пальто кожаные перчатки и вручил их мне.

— Нет, все в порядке. Я могу просто засунуть руки в карманы,

когда они замерзнут. Надевай.

Он покачал головой и посмотрел на меня.

— Я могу сделать то же самое. Давай бери. По крайней мере, на мне есть штаны. Это уравнивает наши шансы.

Он был не прав. Его ноги в белых льняных пижамных штанах были защищены от пронзительного ветра не больше, чем мои голые, но я взяла перчатки, чтобы пресечь дальнейший спор. Нам нужно было двигаться.

— Порядок. Пошли.

Я надела перчатки, которые были мне слишком велики, и начала спускаться по склону. Скорость замедлял иней, покрывший листья, и неровность склона. Быстро стало ясно, что мои сапоги больше для красоты, чем для практического использования, в них каждый шаг превращался в борьбу.

Достигнув подножья, где бежал небольшой ручей, мы остановились.

— Наверх по следующему хребту, или лучше уйти вправо и следовать по течению? — Я не хотела идти прямо, но мне также хотелось уйти как можно дальше от вечеринки.

— Давайте пойдем по течению, а затем срежем через следующую лощину, — предложил Гэвин.

Брианна кивнула, стуча зубами.

Мы пошли вдоль ручья, двигаясь так быстро, как только могли. Брианна отставала. Большие каменные валуны усеивали ландшафт, и я задумалась, сможем ли мы спрятаться за одним из них. Но местность все еще была слишком открытой. Они найдут нас в мгновение ока. И будут ожидать, что мы спустимся вниз и попытаемся переждать их поиски. Вот почему мы должны продолжать двигаться. Мы упорно шли по опавшим листьям и хрустевшим под ногами веткам, тяжело дыша, когда взбирались по бревнам или валунам. В лесу было тихо, не было слышно ничего, кроме нашего напряженного дыхания и рвущегося ветра, свистящего, легко пробивающегося через голые ветви и охлаждающего пот на нашей коже.

Мы с Гэвином вырвались вперед, предупреждая Брианну быть осторожней там, где мы оступались. За ручьем мы следовали, наверное, около километра до того, как длинная лощина протянулась слева от нас. Я вспотела и замерзла, капли пота катились по моей спине, но снять куртку я не решилась.

— Брианна, не отставай, — позвала я, когда мы двинулись в лощину.

Визг прорезал тишину леса, и я оглянулась через плечо.

Брианна попала одной ногой в ледяной ручей и барахталась, пытаясь подняться на ноги.

— Твою мать. — Я подбежала к ней и схватила за предплечье, вытаскивая ее с мелководья.

Она дрожала, стуча зубами.

— Я... я пос-поскользнулась.

— Пойдем. — Я посмотрела на ее мокрые ноги.

— Она в порядке? — Гэвин вернулся к нам.

— Думаю, да, но она промокла.

Парень покачал головой, расстроено наморщив лоб.

— Так холодно. — Брианна зажмурила глаза, по ее щекам катились горькие слезы.

— Я знаю. — Мне больше нечего было сказать, никаких обещаний о помощи или тепле. Мы были загнаны и замерзли, без какой-либо надежды. — Пошли.

Я взяла Брианну за руку, и мы двинулись дальше, ее мокрые туфли чавкали с каждым шагом. Наш темп замедлился еще больше, когда ее дыхание стало тяжелым. Холод высасывал из нее силу и волю. Я чувствовала подобное.

Она остановилась, чтобы отдышаться возле дерева, в то время как мы с Гэвином продолжили идти.

— Двигайся, Брианна. Пойдем, — рявкнул Гэвин.

Вытирая лицо тыльной стороной перчатки, она снова потащилась вверх по склону. Когда мы были на полпути к вершине хребта, я поскользнулась на влажной куче листьев, но Гэвин поймал меня за руку и поднял.

— Спасибо.

— Не за что.

Мы оба запыхались, но не остановились. После долгого подъёма мы достигли вершины.

Я наклонилась, глотая воздух.

— Встань прямо и положи руки на голову, — сказал Гэвин сквозь хрипы. — Это помогает.

Я сделала, как он сказал, хотя движение далось мучительно. Я откинула голову назад, сжав запястья на затылке. Посмотрела на небо. Больше не было чернильного темного, теперь оно было усеяно звездами. Млечный Путь разделял его по центру, масса мерцающих на нем звезд напоминала дорогу, которой мы могли придерживаться.

Красивый путь, но холодный и далекий.

Жжение в легких уменьшилось, пока я смотрела на яркие точки, усеивающие небеса. Опустила взгляд вниз, когда Брианна, пачкая платье, уселась на землю у наших ног, пока хватала воздух ртом.

Теперь месяц стал ниже, я все еще могла разглядеть мерцание огней дома за последним хребтом. Мы были слишком близко. Нам нужно было идти быстрее.

— Брианна, вставай. Нам нужно двигаться.

— Я не могу. — Она вытерла мокрый нос моей перчаткой. — Я не могу идти дальше.

— Ты должна.

— Нет. Это не имеет значения. Они поймают меня. Они всех нас поймают. — Она подняла полные слез глаза. — Выхода нет.

Я опустилась на колени.

— Брианна, если ты просто останешься здесь сидеть, ты можешь умереть от переохлаждения, прежде чем они даже найдут тебя.

Девушка опустила взгляд на колени.

— Разве это будет плохо?

— Да. — Я закатала рукав и показала свои шрамы. — Да. Будет. Поверь мне. А теперь, блядь, вставай и пошли.

Гэвин протянул руку, и Брианна взяла ее. Мы снова двинулись в путь, спустились в следующую лощину, скользя на листьях и поднимаясь по поваленным деревьям. В одном месте в ущелье мы решили срезать еще дальше в сторону вместо того, чтобы подниматься на следующий хребет.

Месяц скрылся, его исчезновение предвещало наступление рассвета.

— Что это? — Гэвин остановился передо мной.

Я встала рядом с ним.

— Что?

— Ты видишь тот свет? — Он указал вперед.

Что-то мерцало между деревьями примерно в сорока метрах впереди.

— Да. Что это?

— Я не знаю. Пошли. Может быть, это помощь. — Он пошел быстрее, а его шаги стали менее осторожными, словно он услышал обещание спасения.

— Нет, Гэвин, подожди. — Плохое предчувствие зародилось во мне, и я бросила все силы на то, чтобы догнать парня. — Не надо.

— Стелла! — Брианна упала на четвереньки. — Я не чувствую ног. Я... я не могу идти.

— Дерьмо. — Я кинулась к ней, мои сапоги скользили по листьям и камням. Подхватила ее под руки и потянула вверх.

— Гэвин, не надо! — Холодный воздух поглотил мой голос. Я едва различала его фигуру между деревьев, но видела свет. Он наполнял меня ужасом.

Я накинула на плечо руку Брианны и потащила ее.

Крик Гэвина прорезал воздух и мое сознание.

Брианна напряглась рядом со мной.

— Что случилось? Что это было?

Парень снова закричал, мучительно и безумно.

— Я не знаю. Но ты должна продолжать идти. — Я отпустила ее руку и взобралась по валуну, прежде чем ринуться к свету на крики Гэвина.

— Стелла, — голос Брианны захрипел позади меня, но я не могла остановиться. Крики Гэвина заставляли меня идти вперед. Я спотыкалась, мышцы жгло, а легкие изо всех сил пытались вдохнуть воздух, но я продолжала двигаться.

Свет становился ярче, пока я пряталась то за одним, то за другим деревом, пытаюсь понять, что это такое.

Крики Гэвина превратились в задышающееся «Стелла», которое он повторял, пока мое сердце кромсало на кусочки.

Я замедлила ход и подошла ближе. Свет, как оказалось, был газовым фонарем, подвешенным на дереве. Под ним висела сетка с одеждой — вязаными шапками, куртками, перчатками — все теплое и уютное. Гэвин лежал под мешком в замаскированной яме, тонкая бамбуковая стрела торчала из его икры.

— Вот дерьмо. — Я опустилась на колени у края ямы и потянулась к нему.

Парень поморщился и поднялся на локте.

— Я такой дурак. Такой пустоголовый дурак.

— Нет, нет, — я наклонилась к нему. — Ты можешь встать? Дай мне руку.

— Больно. — Он в шоке уставился на свою икру..

— Знаю. Но мы должны продолжать двигаться. Они придут

сюда в первую очередь. Пожалуйста, Гэвин, — я не смогла скрыть отчаяния в голосе.

Он кивнул и повернулся на бок, под его телом оказалось множество бамбуковых стрел.

— Ранена только нога? — спросила я, когда он взялся за мою руку.

— Кажется, да. Разве этого недостаточно? — Он так сильно потянул меня за руку, что, казалось, выдернет мне сустав, но ему удалось сесть на краю ямы рядом со мной. — Так чертовски глупо. Я увидел его и подумал... Не знаю, что. — Он осмотрел рану. — Наверное, не думал вообще.

Изогнутый наконечник на окровавленном древке был фигурно заточен, что без помех позволило стреле проткнуть плоть.

— Мы должны вытащить ее и продолжить путь. — я подняла его ногу, чтобы лучше рассмотреть стрелу. Кровь пропитала белую ткань штанов возле раны.

Гэвин покачал головой, выпучив глаза.

— Я не знаю...

— О, Боже. — Брианна согнулась, и ее вырвало на листья у меня за спиной.

— Я постараюсь вытащить ее, хорошо? — Я схватилась за древко стрелы. — Просто не двигайся.

— Блядь! Не думаю, что смогу это сделать, — Гэвин схватил меня за руку.

Я прикоснулась ладонями в перчатках к его щекам и уставилась в янтарные глаза, теперь наполненные болью.

— Мы можем сделать это. Я тебя не брошу.

Гэвин кивнул, пот скатывался по его лицу.

Я наклонилась и снова обхватила нижнюю часть стрелы.

— На счет три.

Он сделал глубокий вдох.

— Один, два... — Я вытянула стрелу одним плавным движением.

Крик Гэвина резанул по ушам, оставив звон надолго после того, как воздух покинул его легкие.

Он откинулся назад и притянул колено к груди, прижимая руки к ране. Я боролась со слезами и взглянула на посветлевшее небо.

— Вот. — Я оторвала длинную тонкую полоску ткани от своего

тонкого платья. Обернула ее потуже вокруг раны Гэвина, в попытке остановить кровь. Он рычал, пока я перевязывала его.

— Брианна, помоги мне поднять его.

Девушка сидела на камнях, закрыв уши руками, грудь ее вздымалась.

— Брианна! — Я потрясла ее за предплечья. — Отключись нахрен от увиденного.

— Не могу, — ответила она голосом уставшего ребенка, покачивая головой.

Луна исчезла, время убегало от нас так же, как мы убегали от наших охотников. Горечь засела у меня в животе, после сменившись кипящей ненавистью. Я не сердилась на Брианну, но мне нужно было, чтобы она помогла. Я схватила ее за волосы, торчащие из-под шапки, и подняла ее на ноги. Девушка закричала. Мне было все равно.

— Стелла... — запротестовала она.

Я снова потрясла ее, на этот раз за волосы, вкладывая в каждое движение весь свой ужас, до последней капли.

— Закрой свой рот и помоги Гэвину.

Ее губа задрожала, но, когда я отпустила девушку, она не упала. Вместо этого опустилась на колени рядом с Гэвином. Я встала с другой стороны от парня, и мы подняли его.

— Ты можешь идти? — спросила я.

— Больно, но, думаю, что все остальное работает, — пробормотал он. Спустя несколько шагов Гэвин смог идти сам, прихрамывая. Наш темп замедлился до черепашьей скорости, но мы продолжали тащиться сквозь бесконечные деревья.

У меня горели ноги, боль в руке стала тупой и пульсирующей. Обветренные щеки покалывало. Но прежде всего мне было холодно. Это был холод, избавиться от которого можно было только с помощью горячей ванны, либо продолжительного душа. Он пробирал до костей.

Мы долго шли до очередного ущелья, пересекающего холмы в нужном нам направлении.

Мы с Гэвином начали подниматься по склону, когда Брианна рухнула позади нас.

Мы бросились обратно к ней. Ее грудь вздымалась, изо рта вылетали большие белые облака пара от ее дыхания.

— Ты в порядке? — спросила я. Стянула перчатку и убрала волосы с ее лица. Кожа Брианны была холодной и липкой. Я

слишком сильно толкнула ее?

— Нет. Я не могу. Не могу больше.

— Можешь, — я обхватила ее за грудь и подняла. — Вставай.

Брианна осталась вялой, последняя воля к борьбе исчезла.

— Нет, я не могу. Я устала. Слишком устала. Оставьте меня, — слабо прошептала она.

Я посмотрела на Гэвина.

— Что нам делать? — Правде в глаза смотреть не хотелось. — Мы должны взять ее с собой.

Он прислонился к дереву.

— Я бы понес ее, но не могу. Физически не могу. — Он кивнул на алое пятно на штанине.

— Просто уходите. Пожалуйста. Все нормально. Я знала, что это произойдет. Знала, — она закрыла глаза, когда я приложила ладонь к ее щеке. Ее голос дрожал. — Вы сделали все, что могли. Это нормально. Я бы никогда не выиграла.

Знание о том, что я не смогу спасти ее, выедало меня подобно кислоте. Она положила свою руку на мою и, закрыв глаза, прильнула ко мне.

— Прости, — я подавила всхлип.

— Ты сделала все, что могла, — ее голос застрял в горле, но она больше не плакала. Брианна посмотрела на меня расфокусированным взглядом. — Бегите.

Я оглядела лощину в поисках хоть какого-то укрытия, чтобы попытаться дать ей шанс. Мое внимание привлекло лежащее дерево. На нескольких ветках еще остались листья.

— Гэвин, если мы сможем отнести ее к тому дереву, возможно, сможем спрятать Брианну там и накрыть листьями, чтобы она не замерзла.

Парень посмотрел на холм.

— Это займет время. Скоро рассветет.

— Знаю. Но мы должны. Нельзя просто оставить ее здесь.

Он провел рукой по своему потному лицу.

— Да, извини. Ты права.

Я снова надела перчатку и подняла Брианну на ноги. Мы добрались до лежащего дерева, и девушка залезла под него. Я собрала охапку листьев чуть дальше по склону и присыпала девушку, свернувшуюся калачиком. Гэвин помогал как мог, и через некоторое

время Брианна была полностью скрыта. Я встала на четвереньки и разбросала листья вокруг того места, где мы их набрали, чтобы скрыть следы.

Небо светлело, солнце угрожало восходом. Скоро откроется охота.

Я поднялась с ноющих колен.

— Ладно, Брианна. Просто оставайся здесь, пока солнце не поднимется высоко. Все будет хорошо.

— Спасибо, — на прощание прошептала она, и я никогда не прощу себя за то, что оставила ее здесь.

— Давай, — Гэвин пошел впереди меня, опираясь на палку, чтобы легче было подниматься по крутому склону. Он стонал, каждый раз наступая на травмированную ногу, но продолжал двигаться.

Я развернулась и последовала за ним, помогая себе такой же палкой.

Когда мы добрались до вершины хребта, мои ноги дрожали, от усталости ныло все тело.

— Что это? — Гэвин кивнул на следующую низину. Дым поднимался сквозь сумрак, плывя над вершинами похожих на скелеты деревьев. Должно быть, какая-то хижина.

— Не знаю, но скорее всего, еще одна ловушка.

— Теплая ловушка, — его взгляд задержался на столбике дыма.

В воздухе тянуло ароматом горящего дерева, и я никогда не ощущала ничего более прекрасного. Заставила себя оглядеть местность вниз по склону, подальше от аппетитной приманки с крышей и огнем.

— Идем, — я устало потащила на запад от манящего домика под темным лазурным небом.

Гэвин упал позади меня, травмированная нога с каждым шагом все больше давала о себе знать. Мы придерживались гребня холма, пока он не начал превращаться в овраг с ямами по обеим сторонам.

Солнце выглянуло над самым дальним хребтом, который я смогла разглядеть, и вдали раздался выстрел.

Гэвин схватился за мою руку в перчатке и сжал.

— Началось.

— Знаю, — я наклонилась к нему, и мы просто стояли некоторое время.

— Мы выживем, Стелла. С другой стороны, мы все еще будем

живы, — голос его дрожал.

— Мое сердце все еще будет биться. Я буду дышать, но не знаю, буду ли чувствовать себя живой, — слова вырвались в воздух и упали к нашим ногам, когда мы начали спускаться вниз.

Как только мы достигли относительно ровного дна лощины, то смогли увеличить скорость. Возможно, у нас открылось второе дыхание, или, может, страх заставил наши нервы и мышцы напрячься сильнее. Мы двигались медленной рысью. Гэвин придерживал больную ногу, но все равно наступал на нее. Мы углубились в ущелье. Сердцебиение гремело в ушах, когда воздух прорезал странный гул.

Гэвин оттянул меня в сторону, пока мы не скрылись под одним из больших выступов скалистой породы. Над нами пролетел квадратный дрон-беспилотник, его четыре лопасти вибрировали, пока он спускался вниз к ущелью. Аппарат пролетел мимо нас, потом на мгновение завис. Я задержала дыхание и закрыла глаза, снова оказавшись на Кубе под поверхностью бассейна, где лозы обвивали мои лодыжки и удерживали меня под водой.

Шум лопастей, режущих воздух, усилился, и Гэвин сжал мои пальцы, пока я не перестала их ощущать. Затем звук стал отдаляться, и дрон продолжил движение, утренний свет отражался от его металлической поверхности, пока он уносился в унылый мрак.

— Он заметил нас? — прошептала я.

— Без понятия. Не думаю.

Мы оставались на месте, пока не убедились, что беспилотник исчез, а затем снова сорвались на бег и старались двигаться быстрее, хотя были истощены. Гэвин хромал еще больше. Ландшафт снова стал каменистым, хребет сужался, склоны становились все более коварными, а низины иссякали. Мы поднимались и спускались по камням и крутым холмам, перепрыгивали ручьи и ныряли под поваленные деревья.

Каждая мышца тела горела, но я заставляла себя двигаться вперед. Я бы не стала сидеть и ждать их. Им придется прийти за мной.

Ущелье закончилось открытым участком, поросшим травой. По одну сторону находился охотничий домик, на лугу паслось несколько оленей. Как только мы вырвались за линию деревьев, зверье разбежалось, бесшумно исчезнув в лесу. Солнце поднялось выше, чем я думала. Мы провели не меньше часа в последней лощине. Сколько было времени? Девять, десять?

Впервые с тех пор, как мы начали забег, у меня появилась надежда на то, что мы сможем вырваться. Что нам удалось отойти достаточно далеко туда, где нас никогда не поймают. Старая

пожухлая трава достигала пояса, когда мы набирали скорость на открытой местности. Мы мчались мимо серых деревьев по краю опушки, которая напоминала оазис в пустыне. Если бы нам удалось добраться до леса на другой стороне поля, мы могли бы перехитрить Кэла, перехитрить их всех. Это словно перевернуть страницу. Гэвин, должно быть, тоже это чувствовал, он хромал по грязи, когда мы выжимали из себя все, что могли.

Затем мы услышали гул, знакомый гул беспилотника. Дрон вернулся.

— Вниз, — прошипел Гэвин.

Мы оба упали в траву, в надежде, что дрон нас не засечет. Я задержала дыхание, когда звук приблизился, треск крутящихся лопастей, словно рука на моем горле, перекрыл мне воздух.

Дрон пролетел над головой, и я снова смогла дышать. Звук затихал, и я уже собиралась вставать, когда шум усилился, сковывая меня ужасом. Я повернула голову — он завис над нами, не двигаясь. Они нас заметили.

— Блядь. Беги, Стелла! — Гэвин вскочил и сорвался с места.

Я напрягла ноющие мышцы, онемение уже начало нарастать, хотя я не двигалась всего несколько минут. Помчалась за ним, но летающий аппарат неторопливо последовал за нами.

Мы наконец достигли леса.

Гэвин с треском прорывался вперед. Ветки царапали мое лицо, будто когтистые лапы, пока я пыталась не отставать.

Аппарат теперь следил за нами, кружа над деревьями. Гэвин затормозил передо мной так быстро, что я врезалась в его спину.

— Что?

— Мы должны разделиться, — он провел рукой по своим мокрым от пота волосам.

— Нет, — я посмотрела сквозь ветви, чувствуя слезку беспилотника в ответ.

— Мы должны. Он не сможет последовать за нами обоими. Это наш единственный шанс.

— Нет. Я не могу. Я не брошу тебя, помнишь?

Его глаза смягчились, парень провел холодной рукой по моей щеке.

— Я знаю, что не брошишь. Мы все еще будем живы. Помни это, хорошо? Еще увидимся.

— Вот, — я стянула перчатки и вернула их ему. — У меня

теплые руки. Тебе они нужнее. — Он попытался отказаться, но я сунула перчатки ему в ладони. — Пожалуйста.

— Хорошо, — Гэвин натянул их и крепко обнял, прежде чем осмотреть лес вокруг нас. — Влево или вправо?

Это не имело значения.

— Я пойду налево.

— Хорошо. — Он поцеловал меня в лоб, его губы напомнили лед. — Иди.

Он похромал вправо, а я перепрыгнула ствол упавшего дерева слева от себя и помчалась между деревьями. Остановилась лишь у подножья пологого склона. Обернувшись, увидела мелькнувшие белые штаны Гэвина, прежде чем он затерялся между коричневыми и серыми стволами. Грохот двигателя перебил гул лопастей дрона — какой-то внедорожник ехал гораздо быстрее, чем я когда-либо могла надеяться. Я сжала руки в кулаки и заставила себя двигаться, страх и ярость смешались, давая мне последний заряд энергии.

Теперь я продолжала идти медленнее, тело болело, хотелось есть, я находилась в постоянном напряжении, которое убивало те небольшие силы, что у меня остались. Солнце все еще поднималось, счет шел на минуты. Звук беспилотника не прекращался ни на секунду. Он решил последовать за мной, а не за Гэвином. Я ничего не могла с этим поделать, просто продолжала двигаться, продолжала стремиться.

Добравшись до вершины склона, я остановилась, чтобы отдышаться. Я чувствовала себя уставшей сильнее, чем когда-либо в своей жизни. Платье промокло от пота, а ноги от ветра и холода стали странного красного оттенка. Мое лицо было напряженным, кожа горела, и безмолвные слезы катились по щекам. Солнце продолжало подниматься, но у меня оставался еще как минимум час до полудня.

— Стелла! — услышала я мужской голос, идеально подражающий Марлону Брандо из «Трамвая «Желание»», за которым последовал раскат смеха остальных. (прим. перев. — «Трамвай «Желание»» — художественный фильм 1951 года). Звуки доносились с расстояния, но недостаточно далеко. Зияющая пропасть в моем животе открылась еще шире, утягивая меня вниз.

Я заставила ноги передвигаться, игнорируя волну тошноты и ноющей боли. Носки впились в опухшие, покрытые волдырями мозолей стопы. Тем не менее, я удалялась от преследователей. Дрон полетел вправо, в сторону Гэвина, оставив меня. Почему? Меня уже считали пойманной?

Я споткнулась на полпути вниз по склону, перелетела через валун в мокрые листья и проскользила до дерева, которое меня и остановило. Из ноги текла кровь. Тем не менее, я взяла себя в руки и

продолжила путь.

Последовали еще крики, на этот раз «Гэвин» и «Брианна» выкрикивали тоже. Они, должно быть, еще не нашли ее. Я улыбнулась, из-за чего моя обветренная губа треснула. Может быть, Брианне удастся.

Звук двигателя стал громче, а затем исчез. Голоса. Они были рядом.

Я споткнулась и схватилась за ближайшее дерево, чтобы не упасть. Достала нож из кармана, сорвала ленту и бросилась вперед. Что бы ни случилось, я буду драться. К чертям последствия.

Отчаянный крик донесся до моего слуха, а затем затих. Гэвин. Они поймали его. Я вытерла слезы тыльной стороной ладони, и продолжила переставлять ноги одну за другой.

Я практически спустилась к подножию холма, когда увидела движение среди деревьев впереди. Сразу же остановилась, но множество голосов на вершине хребта заставили меня сдвинуться с места. Я молилась, чтобы впереди оказался олень, убегаящий от охотников, как и я. Мне бы рассмеяться над нелепостью этой надежды, но сил не осталось.

Руки онемели, а ноги налились свинцом. Я споткнулась о корень дерева и попыталась удержаться, уперевшись руками в колени, когда подняла голову и посмотрела сквозь деревья. Снова движение. Мужчина шел прямо на меня. Волосы у меня на затылке встали дыбом, я вскочила и побежала в ту сторону, откуда пришла. Мужчина не изменил скорости шага. Он был крупнее меня и ни капельки не уставший. На нем была такая же белая маска, что и на всех в доме, тело скрывал камуфляжный костюм.

Кровь редела в ушах, пока я поднималась вверх по склону, в лапы других охотников. Солнце прореживало лес оранжевыми лучами, я была загнана в ловушку. Шелест опавших листьев и тяжелые шаги позади подстегивали меня бежать быстрее. Я не оборачивалась, а только изо всех сил перебирала ногами. Шаги ускорились, их топот становился все громче. Крик зародился у меня в горле. Я повернулась к охотнику лицом.

Он был всего в нескольких метрах, размахивал большими руками, неся мое разрушение в сжатых кулаках. Я замерла. Бежать было некуда, мне не стоит ждать спасения. Меня поймали. Я держала свой нож сбоку. Без боя я не сдамся.

Мужчина замедлился, когда находился лишь в нескольких шагах, затем остановился и уставился на меня. Его белая маска скрывала все, кроме рта и глаз. Он сделал еще один шаг.

Я вскинула клинок перед собой.

Он улыбнулся и спокойно покачал головой.

— Стелла.

Я посмотрела в его глаза. Узнала их.

— Дилан?

— Я сказал, что позабочусь о тебе.

— О, Боже мой, — у меня подогнулись колени, и он бросился ко мне, подхватив на руки и не дав упасть на землю. Нож вылетел из моей руки и приземлился в листья под ногами. — Это ты.

— Да, я, — он притянул меня к своей теплой груди.

Надежда взорвалась в моем сердце.

— О, Господи Боже, — я обняла Дилана за шею и уткнулась лицом ему в плечо. Никогда в жизни не чувствовала в себе большей благодарности. Она ослепляла меня. — Спасибо. Боже мой!! Это ты.

— Это я. Успокойся. Тссс. — Он провел руками вверх и вниз по моей спине, когда я уцепилась за него.

— Но как?

— Возможно, у меня нашлось преимущество, — он ухмыльнулся и наклонил голову, прислушавшись к звукам мужских голосов вдоль хребта за моей спиной.

Я оглянулась назад, но их все еще не было видно.

— Нам нужно уходить.

— Не волнуйся. Я не стану тобой делиться. Хотя аудитория бы не помешала.

Я убрала руки от его шеи, когда сказанное скользнуло в мое сознание.

— Аудитория?

— Для большого шоу, — он опустил руки ниже и схватил меня за задницу.

— Дилан, — я попыталась вырваться из его хватки, но он прижал меня к себе. — Какого...

Парень прижался ко мне ртом, прорвавшись языком между моих губ. Мой позвоночник сковало льдом.

Я толкнула его изо всех сил.

— Дилан, нет!

— Заткнись нахрен. — Он провел пальцами между моих ягодиц. Только тонкая ткань платья разделяла нас.

Паника поднялась во мне, закручиваясь, подобно торнадо, пока я кусала и царапала его шею везде, где могла дотянуться.

Он оттолкнул меня и провел пальцами по наиболее глубокой царапине.

— Ты ебаная сука!

Я бросилась мимо него и сделала несколько больших прыжков вниз по склону. Парень в момент настиг меня сзади.

— Попалась! — Дилан прижал меня к земле. Мы скользнули по гниющим листьям и скатились к подножью холма.

Мы прокувыркались по земле еще несколько раз, пока я не приземлилась на него и не попыталась выскользнуть, но он схватил меня за горло и бросил на землю, взобравшись на меня.

— Нет! — я боролась, царапала его запястья, шею.

Дилан убрал мои руки и расстегнул молнию на куртке. Затем его теплые руки легли мне на бедра, задрали вверх платье.

— Дилан, пожалуйста, прекрати. Что ты делаешь? — я отпустила его шею и толкнула в плечи, словно такое простое движение могло бы вырвать его из темного, завладевшего им кошмара.

— То, что должен сделать, — его светло-карие глаза, те самые, которым я доверяла, блеснули в прорезях маски.

— Нет. Не должен. — Мой разум метался, мысли разбегались. Я извивалась и пыталась выбраться из-под него. — Прекрати!

— Я и прекращаю. Это то, что тебе нужно. Что *мне* нужно. Мама оказалась права. Мне стоило бы прекратить влюбляться в школьниц. — Он сжал мое горло одной рукой и протянул между нами вторую.

— Дилан, нет. Ты не один из них. — Я едва смогла произнести слова из-под его ладони на моем горле.

— Нет, Стелла. Это ты не одна из *нас*. — Я почувствовала головку его твердого члена, вдавливающуюся мне в бедро.

Дилан схватил мою грудь так грубо, что стало больно, и из моих легких вырвался раздирающий душу крик. Я сопротивлялась, борясь всем, что у меня осталось, но он был слишком большим, слишком сильным. У меня не было шансов, даже будь я полна сил. Он размахнулся и ударил меня, отчего перед глазами поплыл туман. Мое тело на мгновение замерло от силы удара.

— Так-то лучше, — мужчина сжал мне горло, и мои глаза наполнились слезами. — Трахнуться лишь раз, когда мы были детьми? — он покачал головой. — Боже, я был такой долбаной киской. Нужно было принять это давным-давно. Каждый раз, когда я стоял над тобой, пока ты спала. Каждый раз, когда твой отец уходил из дома, я дрожил, наблюдая, как ты принимаешь душ. Нужно было

трахнуть тебя, как ты этого заслуживала, будучи той маленькой сучкой. Но я этого не сделал, потому что пытался быть тем, кем не являюсь.

— Пожалуйста, не надо, Дилан. Пожалуйста, — я плакала, слезы текли бесконечным потоком, пока я безрезультатно боролась и пинаясь.

Он наклонился ближе, прожигая меня взглядом.

— Но сейчас я собираюсь взять реванш. Я покажу тебе, какая ты грязная шлюха. Не могу дождаться, когда верну тебя домой, чтобы все, а особенно Люций, смогли увидеть, как я отношусь к таким тряпкам, как ты. Я хочу, чтобы он смотрел, как я буду тебя трахать, пока ты не потеряешь сознание от боли.

Острые камни вонзались мне в спину, запах торфа и земли проникал в мои поры, пока Дилан придавливал меня сверху.

— Пожалуйста...

— Такой ты мне нравишься, — он ухмыльнулся, когда его член вдавился ближе к моему входу. Моя кожа горела, когда он сильнее сжал мне горло ладонью, впившись кончиками пальцев. Его горячий рот был у моей ключицы, и я подумала, что меня может стошнить.

— Хватит! — закричала я.

И затем его вес исчез.

Над Диланом стоял еще один мужчина в маске с пистолетом в руке, рукоятку повернутым ко мне. Дилан совершенно обмяк рядом со мной. Я отползла назад, выгребая листья из-под себя, когда мужчина двинулся вперед уверенным, устойчивым шагом.

— Пожалуйста, не надо, — мой отход закончился, когда я уперлась спиной в ствол дерева и протянула дрожащую руку. — Пожалуйста, я вас умоляю. Пожалуйста, я не выживу. Я не смогу пережить это.

— Стелла, это я, — он схватил меня за руку и поднял.

— Син? — Я больше не могла доверять своим чувствам. Я взглянула на неподвижного Дилана, затем быстро перевела взгляд на мужчину. Я никому не могла доверять.

Он поднял маску. Это был он.

Мне хотелось его тепла, его силы, но я не могла пошевелинуться.

Он натянул маску обратно на лицо.

— Ты собираешься сделать это? — Я посмотрела ему в глаза, такие знакомые, ярко-синие, принадлежащие человеку, которого я совсем не знала.

Его глаза сузились, как будто я причинила ему боль. Синклер подошел ближе, но мне некуда было отступать. Мои внутренности скрутило в узел, когда он посмотрел на меня сверху вниз. Затем наклонился и перебросил меня через плечо.

— Подыграй, иначе мы оба сдохнем. Поняла?

Мне ничего не удалось ответить. Я даже не знала, что он имел в виду. Кровь хлынула мне в голову, и зрение поплыло.

Вайнмонт шлепнул меня по заднице, обжигая хуже холода.

— Поняла?

— Да.

Я слышала крики на вершине холма. За мной пришло много мужчин.

Он присыпал Дилана листьями и стал подниматься вверх по склону, пока я безвольно болталась у него на спине.

— Я изнасиловал тебя. Ты меня ненавидишь. Я собираюсь отвезти тебя обратно в дом и насиловать дальше. О, да, я и Люций. Тебе все ясно?

— Да.

— Хорошо. — Он перехватил меня выше на плечо, мои ребра прижались к его спине. — Часть с ненавистью должна даваться тебе с легкостью.

— Подожди, мой нож! — Я осмотрела место, где Дилан впервые нашел меня. Увидела слабый блеск в листьях. — Вот он!

— Какой нож?

— Пожалуйста, он нужен мне. Он прямо за тобой.

— Черт возьми, Стелла. — Синклер повернулся и опустился на колени, затем поднялся, с легкостью удерживая мой вес. — Он у меня. Подожди. Это на самом деле удача. — Он сделал быстрое движение, а затем его левая рука оказалась на моей заднице.

— Что...

— Готово, — прорычал он. — Теперь заткнись. Или ори. Лишь бы это сработало.

Голоса стали громче.

— Черт, кто-то уже нашел ее.

— Дерьмо! — Теперь голос принадлежал мужчине помоложе. — Эй, парень, ты поделишься?

— Нет, я уже все равно отымел ее. Теперь забираю ее обратно в поместье и разорву нахрен ее задницу.

— Кто это?

— Стелла.

— Черт тебя подери! Она была моей любимицей.

Как будто я игрушка, а он — их коллекционер. Ярость поднялась в моем измученном теле, но я промолчала. Я бы сделала все возможное, чтобы выбраться отсюда.

— Сынок, есть еще одна. Давай. Нужно продолжить охоту, — голос принадлежал пожилому мужчине, его странный акцент намекал на происхождение с довоенного юга. — Но мне любопытно, кто этот счастливый охотник?

— Люций, — отозвался Вайнмонт, медленным и устойчивым шагом поднимаясь в гору.

Старик рассмеялся.

— Будь я проклят. Малыш Вайнмонтов поймал свое собственное проклятое Приобретение и сорвал вишенку. Хорошая работа, мой мальчик. Кэл определенно будет впечатлен. Она кричала?

— Конечно, кричала. Она слабая. Умоляла, просила и кричала, когда я ворвался в нее. Чертова сука не знала, как заткнуться. Пришлось прикрыть ей рот, и знаешь, я это ненавижу. Предпочитаю, когда они кричат.

— Как и я. Как и я. Давай, Брент, возвращаемся к делу. От этого разговора у меня закипает кровь. Расскажу Кэлу о твоем везении, Люций.

Вайнмонт сместился, и я почувствовала, как он пожимает руку незнакомцу.

— Вперед. Титул Суверена будет звучать чертовски хорошо перед моим именем.

Еще один приступ смеха пожилого мужчины.

— Уверен, что не поделишься? — обратился другой, Брент, и рука пробежала вверх по моей ноге, схватив меня за задницу.

— На все сто. Эта сука только для меня. Идите и найдите свою, мальчики. Повезет в следующий раз. Но если поймаете Брианну, я могу просто обменяться.

Мужчина сжал сильнее, и я закричала.

— Звучит неплохо. Мы позовем тебя, когда найдем ее. — Рука исчезла.

— Хорошей охоты.

— Поздравляю еще раз, Люций. Продолжай в том же духе, —

сказал старик, теперь его голос звучал более отдаленно и смешался со звуком хрустящих листьев.

— Да, сэр.

Глава 15

Синклер

Я держал путь мимо десятков поздравлений и предложений трахнуть Стеллу. Дом гудел от победы Вайнмонта. Я кивал, махал рукой, улыбаясь им всем, пока нес Стеллу, перекинутую через плечо, как военный трофей.

— Сними маску. Дай нам тебя увидеть, — крикнула одна из пожилых дам, когда я поднимался вверх по лестнице в номер Люция.

— Не могу, мэ. Маска заставляет ее кричать почти так же, как и все остальное во мне.

Она засмеялась и ударила Стеллу по заднице.

— Задай ей.

Я прошел мимо старой карги, и мне оставался еще один лестничный пролет, прежде чем Стелла окажется в безопасности.

— Поймал свою же девочку? — Рэд прислонился к перилам. С места, где он стоял, он мог видеть меня с момента, как я вошел с ней на плече.

Я коротко кивнул ему. Не был уверен, что он не узнает мой голос. Его взгляд переместился на девушку, вымазанную в крови с моей ладони.

— Похоже, ты преподал ей такой урок, которого она заслуживает. — Рэд скользнул рукой по ее ноге, и Стелла попыталась пнуть его. Мужчина увернулся, но отступил на шаг, все еще глядя на нее. — Уверен, что хотел бы кусочек.

Я покачал головой.

— Не делюсь, — отрезал я как можно быстрее.

Его глаза расширились на долю секунды. Он узнал меня? Я не собирался ждать, чтобы выяснить. Прошел мимо и почувствовал, как Стелла надавила рукой мне на поясницу. Оглянулся через плечо и увидел, что она отталкивается от меня, чтобы показать Рэду средний палец.

Он сжал свою промежность в ответ.

— В следующий раз, сука.

Я продолжил путь к номеру, минуя открытую дверь справа. Заглянул внутрь. Там находился Гэвин, его руки были связаны за спиной, а во рту находился кляп, пока судья Монтанье объезжал его, как кабана. *Чертовы твари*. Я отвернулся от траурного взгляда Гэвина. Мне не нужна была его боль, у меня имелась своя. Стелла сильно ударила меня по спине, когда я повернулся, чтобы она не смогла увидеть своего друга.

Мы беспрепятственно преодолели оставшуюся часть пути до комнаты Люция. Я пнул в дверь, и брат распахнул ее, затем плотно закрыл за нами и подпер ручку стулом.

— Ты добрался до нее первым?

— Можно и так сказать. — Я поспешил через гостиную в спальню, опустив на кровать Стеллу и встав перед ней на колени.

Ее губы потрескались до крови, щеки и лоб обветрились. На ноге виднелся порез. Девушка была вся в грязи, с черной землей под ногтями и разводами на лице. Желание убить всех, кто причинил ей боль, преследовал ее, пытался надругаться над ней, поднялось во мне, угрожая заблокировать любую рациональную мысль.

Она потянулась дрожащей рукой и сняла с меня маску, слезы хлынули у нее из глаз и потекли по щекам.

— Ты пришел за мной.

— Я говорил тебе, что приду.

— Боже. — Люций пнул антикварный стол, сломав у него ножку.

В обычное время я бы высказал ему за подобный срыв, но в данной ситуации шум даже был необходим. Все должны были верить, что Люций грубо трахал ее, пока она кричала. Чем грубее, тем лучше.

— Дай аптечку, которую я принес.

Люций расстегнул молнию на чемодане, вытащил часть моей одежды и другие предметы, включая сумку с медикаментами, затем передал ее мне.

— Если это все, что тебе нужно, я пойду в другую комнату.

— Давай. Пошуми там немного.

— Не проблема, мать твою, — он хлопнул дверью спальни, включил звуковую систему с басами какого-то хард-рока, а затем до нас донесся звук ударов.

— Стелла, мне нужно, чтобы ты покричала для меня. Ты можешь сделать это?

Она кивнула, когда я провел подушечками пальцев по ее щекам,

вытирая слезы. На моей ладони красовался неглубокий порез. Я резанул себя ее ножом и размазал кровь по подолу ее платья, придавая правдоподобности, пока нес ее как трофей.

— Давай. Кричи.

Она крикнула несколько раз, содрогаясь от усилий всем телом.

— Хорошо, пока хватит.

Стелла замолчала, задрожав еще сильнее и застучав зубами. Ей нужно было тепло.

Где-то в доме раздался другой крик. Должно быть, они нашли Брианну.

— Нет, — Стелла скривила лицо и закрыла его руками. — Нет. Я спрятала ее. Я же спрятала ее!

— Это не твоя вина. — А моя. Я увидел укрытие Брианны, когда только отправился за Стеллой. Сообщил по радио другим, что нечто на той опушке в лесу показалось мне странным, и я намеренно использовал открытый канал связи, чтобы все услышали. Последовавшие за этим поиски Брианны дали мне больше времени, чтобы найти Стеллу первым, но я все равно опоздал. Я мог только надеяться, что Дилан удержит язык за зубами о том, что произошло. Он оказался умнее, чем я думал, и определенно хитрее. Парень мог бы даже понравиться мне, если бы не пытался взять то, что было моим.

Я осторожно развел запястья Стеллы, меня поразило то, какой холодной была ее кожа. Поднявшись, я направился в ванную комнату, обнаружив в ней джакузи в окружении темно-зеленой мозаики кафеля на стенах. Включил воду и отрегулировал температуру, пока она не стала чуть теплой. Как только ванна начала прогреваться до нужной температуры, я вернулся к Стелле. Девушка сидела неподвижно, тени страха и печали набежали на ее лицо, превратив глаза в изумрудные бассейны грусти.

— Давай. — Я помог ей встать, но, поднявшись, она застонала и упала назад. — Что болит?

— Все, но в основном ступни. — Стелла наклонилась и попыталась расстегнуть ботинки, но не смогла ухватиться пальцами за собачку молнии. Я убрал ее руки и расстегнул обе молнии по очереди.

Ее ноги были обморожены, и я был так осторожен, как только мог. Снял первый ботинок. Носок оказался окровавлен, и она закричала, когда я принялся снимать его. Волдыри, набухшие и полопавшиеся, покрывали ее ступни и поднимались по лодыжкам.

— Дерьмо. — Вода вызовет адское жжение, но мне нужно было очистить все ее раны. — Просто держись за мои плечи, хорошо?

Можешь делать мне больно сколько хочешь. Мне все равно. Просто держись за меня.

Стелла схватилась за меня, когда я стащил второй ботинок, ее ногти впились в мою терморубашку и кожу под ней. Когда я снял второй носок, она издала приглушенный крик, и я услышал, как что-то сломалось с другой стороны двери номера.

— Понял. Я держу тебя, — Я посмотрел на нее. Боль в ее глазах разрывала меня на части. Мне не хотелось ничего, кроме как убрать ее боль.

Опустил руки на ее плечи, стараясь действовать медленно, пока снимал с нее куртку. Под ней не было ничего, кроме тонкой белой сорочки, нижний край которой был оторван. Я сжал челюсти при мысли о ней в лесу, испуганной и одетой только в ничтожную ночную рубашку. Кэл был садистским куском дерьма.

Я взялся за испачканный грязью подол.

— Мне необходимо снять это.

Девушка вздрогнула сильнее и схватилась за мои руки.

— Не надо.

— Она грязная, Стелла. В ванной будет приятно и тепло. — Я слегка приподнял руки, задирая юбку ей до бедер. — Все нормально. Вот, просто направляй мои руки.

Я крепко удерживал ткань возле верхней части ее бедер, пока она сама не потянула. Поднял ткань выше, почти миновав бедра, когда она толкнула меня, и я остановился.

— Я не собираюсь охотиться на тебя, Стелла. Просто хочу помочь. — Я знал, что мои слова не несут для нее никакого смысла, после всего мною совершенного, но я выдержал ее взгляд и пытался заставить ее поверить в сказанное.

Она помедлила, затем потянула еще. Я поднял ткань выше и встал, стягивая со Стеллы сорочку и бросая на пол. Уродливый синяк — пурпурный с желто-зелеными краями — покрывал большую часть ее предплечья.

— Что там произошло?

— Женщина. Она ударила меня. — Стелла моргнула, глядя на кровоподтек. — До того, как мы побежали.

Я сделал мысленную пометку выяснить, кто это был, и соответственно наказать суку.

— Я собираюсь поднять тебя и отнести в ванну.

Медленно наклонившись, обращаясь с ней, как с пугливой лошадей, которая слишком боится прикосновений, я подхватил

Стеллу под спину и колени.

Она зашипела и прикусила губу.

— Больно.

— Понимаю.

Я отнес ее в ванную и опустил в воду.

Лицо девушки скривилось от боли, когда вода покрыла тело. Как только Стелла погрузилась в ванну, я закрыл кран и снял с себя мокрую рубашку, выбросив за дверь, туда же, где валялось ее платье.

Девушка окинула взглядом мою грудь и живот, прежде чем закрыла глаза и откинула голову назад.

Я сел на край ванны, любуясь изгибами ее тела под водой. Старался не смотреть, когда она лежала на кровати, но мой член все равно твердел. Потому что я был ублюдком.

Вода шла рябью, пока Стелла дрожала, тепло медленно проникало в нее. Локоны ее волос плавали вокруг плеч, рыжие пряди нежно касались бледной кожи и белого бортика ванны.

Стелла зашевелилась и застонала, но зубы перестали стучать, и немного цвета вернулось к неповрежденным участкам ее кожи.

— Тебе нельзя надолго здесь оставаться. Горячая вода не очень хороша для волдырей.

— Просто позволь мне посидеть еще немножко, — она не открыла глаза, а голос звучал далеким, расслабленным и сонным.

Подойдя к раковине, я покопался в шкафчиках в поисках полотенца, шампуня, мочалки и мыла. Взял один кусок и, понюхав, выбросил, затем выбрал другой. Этот был более подходящим, сладким, но не приторным.

Вернулся к бортику ванны и окунул мочалку в воду, прежде чем намылить Стеллу. Она лежала, откинув голову, ее дыхание выравнивалось. Станным образом меня грела мысль, что она чувствовала себя в достаточной безопасности, чтобы заснуть в моем присутствии. Или так, или она находилась за гранью истощения.

Я опустил руку в воду и осторожно поднял ее ногу. Вода промыла волдыри, но они все еще были ярко-красными, с лохмотьями кожи вокруг ран. Ноги будут болеть некоторое время. Хорошая новость заключалась в том, что в моей аптечке было средство от этого. Плохая — не думаю, что Стелла охотно разрешит мне вколоть ей что-либо. Не то, чтобы это имело значение. Я бы сделал это в любом случае, чтобы помочь ей справиться.

Я намылил ей ступню и она проснулась, тяжело дыша.

— Все, я почти закончил, — приподнял ее икру и помассировал.

В ответ раздался ее стон.

— Так хорошо?

— Да. Не останавливайся. — От ее хриплого шепота мой член проснулся, натянув ткань брюк, но я проигнорировал его.

Продолжил разминать пальцами ее ногу, и рот у нее приоткрылся. Девушка тяжело задышала, когда я добрался до ее бедра и помассировал напряженные мышцы. Когда приблизился к ее киске, то заставил себя остановиться и опустить ее ступню обратно на дно ванны. Затем я поднял другую и сделал такой же массаж.

Когда закончил, Стелла смотрела из-под полуприкрытых век. Я почувствовал импульсивное желание прыгнуть к ней в ванну и погрузиться между ее бедер. Вместо этого снова покорно намылил мочалку и взбил пышную пену. Осторожно очистил ей лицо, нежную шею, изящные плечи и руки. Теперь, когда все ее тело было чистым, синяк казался еще страшнее.

Намылив ее грудную клетку, я провел мочалкой по упругой груди, твердые соски взмолили о внимании. Я спустился ниже и положил руку ей на спину, наклоняя вперед. Прижал ладонь к ее груди, пока обтирал спину. Она была как тесто в моих руках, мягкая и податливая. Уязвимая.

Я прислонил Стеллу к бортику ванны и намочил водой ее волосы. Промыл кожу головы, впервые в жизни делая подобное. У нее на шее проступили уродливые синяки от рук Дилана. Гнев свернулся в моем животе подобно змее перед атакой, но я отбросил мысли и сосредоточился на Стелле. Смыв пену с ее волос, и убедившись, что они стали чистыми, вынул пробку из слива.

— Нет, — прозвучал ее слабый протест.

Я подхватил ее под руки и поднял, оставив в вертикальном положении, чтобы вода стекла. Стелла была гораздо большим, чем я мог принять и воплощала собой такую красоту, что мне становилось больно. Я обернул ее полотенцем и снова поднял на руки, чтобы отнести в спальню. Королевских размеров кровать с черным одеялом поглотила ее целиком.

Я осмотрел ее ступни. Они были в плохом состоянии и нуждались в антибактериальной мази и перевязке. Глаза Стеллы были закрыты, влажные волосы рассыпались по подушке. Придется убить двух зайцев. Я достал предметы первой помощи: выложил спирт, мазь, марлю, пластырь и... шприц.

— Стелла? Будет больно.

Она пробормотала что-то неразборчивое. Держа шприц в одной руке, другой слегка прикоснулся смоченной спиртом марлей к волдырю. Она проснулась с криком, от которого у меня волосы на затылке встали дыбом. Это было идеально.

Я крепко прижал ее руку, удерживая неподвижной, пока вставлял иглу в вену и нажимал на поршень. Она посмотрела на меня, слегка качнув головой, когда по ее щеке скатилась одна слеза. Затем девушка отключилась. Благодаря моей матери я прекрасно научился делать укол в вену сопротивляющейся женщине.

Из гостиной донесся очередной грохот. На этот раз прозвучало так, будто Люций оторвал плоский телевизор от стены.

Я не спешил со Стеллой, очищая каждый волдырь, каждую царапину. Спустя час девушка была перевязана и комфортно спала. Я разделся и быстро принял душ, хотя и не хотел выпускать ее из виду. Не то, чтобы я ожидал гостей, но Люций будет охранять нас. Я ясно дал понять, что Стелла — моя, и я не делюсь. Или, точнее, Люций не делится, как они думали.

Меня все еще вводил в ступор звонок брата прошлой ночью. Он сдался и хотел вернуть ее мне. Конечно, так это не работает. Он даже понять мне не дал, почему, хотя я подозревал, что правила этого суда имеют к этому какое-то отношение. И когда Люций объяснил мне этот конкретный суд, я понял, что должен первым добраться до Стеллы. Быть тем, кто возьмет ее, либо спасет в зависимости от обстоятельств.

Я ненавидел себя за то, что знал, что сделал бы это, если бы мне пришлось. Если бы кто-то смотрел, я бы совершил это. У меня не было бы другого выбора. Это был единственный способ защитить ее от других и единственный способ выиграть Суд Приобретений. Простила бы она меня когда-нибудь? Я помотал головой, не желая рассматривать такую альтернативу.

Стелла мирно посапывала, ее грудь поднималась и опускалась, и каждый раз сладкий вздох срывался с ее губ, как будто ей снился приятный сон. Успокоительное будет действовать несколько часов. Я порылся в сумке, натянул боксеры и выбрал для нее трусики и пижаму. Убрал полотенце с ее тела, и мой член мгновенно стал твердым. Я надел на нее трусики и шорты, стараясь избегать повязок, пока скользил ими вверх по ее ногам. Натянул Стелле топ через голову, откинул простынь и лег рядом.

Я был не в силах отвести взгляд. Стелла была тем единственным, что я видел месяцами. Даже когда ее не было рядом, я видел ее. Более того, чувствовал. Она поселилась во мне. Я придвинулся теснее, ее тело было так близко к моему, что я почувствовал его жар. Это принесло успокоение. Я наблюдал за ней. Был здесь с ней, и она была в безопасности.

Глава 16

Стелла

Я проснулась с единственной мыслью. Вайнмонт *спас меня*. Меня окутывало тепло, голова покоилась у него на груди, а его рука — на моем плече. Он был везде — его аромат, его тело, он сам. Я потянулась к нему, и мышцы взорвались болью. Ступни жгло, в предплечье было такое ощущение, словно его сломали. Утро наступило и быстро прошло. Я села прямо, преодолевая боль.

Вайнмонт тоже приподнялся и осмотрел комнату, прежде чем перевести взгляд на меня.

Снаружи уже спускались сумерки. Как долго я здесь пробыла?

— Ты накачал меня чем-то, — пошарила рукой по всему предплечью, разыскивая место, куда он вонзил иглу.

— Тебе это было нужно.

— Может быть, но ты не можешь просто взять и вколоть мне наркотик!

— Больше такого не повторится, — ухмыльнулся он, характерное движение его губ было достаточно знакомым, чтобы успокоить. — Но лишь в том случае, если ты не будешь мучиться от сильной боли, так как вводя тебе успокоительное, я ее ослабляю.

— Так вот какому дерьму тебя обучили в юридической школе? Потому что оно не работает.

— Как раз работает, — ухмылка стала шире. — Только не на тебе.

— Что с остальными? — Крик Гэвина всплыл у меня в голове вместе с визгами Брианны. Мое сердце замерло.

— Я не слышал ни звука в течение часа или около того. Думаю, что им наконец-то дали передышку.

Его бесстрастность была сродни пощечине. Я попыталась отползти к краю кровати и встать, но движение заставило мое тело кричать. Левое бедро сковала судорога, и я перевернулась на бок, схватившись за него. Напряжение нарастало, как будто мышцу накручивали на штопор, и я стиснула зубы от боли. Вайнмонт встал на колени, принявшись растирать мне мышцы своими сильными руками, пока боль не утихла.

— Я в порядке. Уже все прошло. — Я упала на спину, и он лег

рядом со мной, опершись на локоть. После мы встретились взглядами. — Просто не говори о них так. Они — люди. На их месте могла быть я. — Вспомнился Дилан, то, что он пытался сделать, и я положила руку на горло. — Почти оказалась.

— Не думай об этом. — Вайнмонт просунул руку мне под шею и притянул к себе. — Извини. Просто не думай об этом.

— Ты только что извинился?

Он тихо рассмеялся, его кадык дернулся.

— Возможно.

— Ты извинился. Я больше не попадусь на это, — откинула голову назад, чтобы увидеть его глаза, и, возможно, даже заглянуть глубже. — Я знаю, что завтра ты снова станешь мистером Хайдом.

— Скорее всего. — Он обнял меня крепче, прижав широкую ладонь к моей спине.

— Почему ты не можешь быть постоянно таким?

— Потому что не могу.

— Но почему? — Я не позволю ему уйти от ответа, не в этот раз. Снова оттолкнулась от него, чтобы увидеть глаза, и положила ладонь на его щеку. — Что изменится?

В его глазах появилась какая-то мягкость, и он показался. Тот мужчина, которым, я знала, он мог быть. Не мерзкий монстр, каким он так часто бывал. Мое сердце горело от желания узнать, почему. Но мягкость пропала так же быстро, как и возникла.

— Я помню свои обязательства. — Он откатился и сел, прежде чем провести обеими руками по волосам. — Обсуждать это дальше у меня нет никакого желания.

Откинувшись назад, я снова закрылась, как и много раз прежде. Чего он мне не говорил? Что за игра велась внутри игры? Происходило нечто большее. Что-то, чего не было видно.

— Мне нужно, чтобы ты кое-что сделала для меня, — Вайнмонт оглянулся через плечо.

— Что?

— Ты скажешь Кэлу, что хочешь вернуть мне право собственности над тобой.

— Зачем?

— Объясню позже. Но тебе нужно сделать это сегодня. Понимаешь?

— Разве мы не должны поговорить с Люцием?

— Нет. Между собой мы это уже решили. Теперь дело за тобой.
— Синклер повернулся ко мне лицом, солнце, готовое вот-вот закатиться за горизонт, сверкнуло через его плечо. — Ты станешь снова моей?

Это было искаженное предложение, в комплект к которому должны прилагаться кольцо и любовь. Вместо этого он пришел с замком и ключом.

— Неважно, кто владеет мной, не так ли? Важен лишь факт владения, — вздохнула я. — Ладно. Я скажу ему.

— Хорошо. Теперь, когда все решено, давай убираться отсюда как можно быстрее. — Он встал, выставив на обозрение точеные очертания тела. Желание пронеслось по моему телу как лесной пожар. Я намеренно вжала ступню в кровать, чтобы укол боли пресек мою потребность в Синклере. Не сработало. Жжение лишь усилило мое возбуждение, давление между бедер стало сильнее.

Он встретился со мной взглядом. Мне не нужно было опускать глаза, чтобы понять, что он твердый и хочет меня.

Я испытывала такое же желание. Но смогу ли я справиться с последствиями? Когда Синклер снова станет угрозой для меня и на следующий день опять причинит мне боль, возненавижу ли себя? Я знала ответ и отвернулась, нарушая момент и разрывая связь.

Вайнмонт помог мне спуститься по лестнице, Люций отставал от нас на несколько шагов. Это казалось более правдоподобным, так как Люций был моим предполагаемым насильником.

Кэл бодро пожимал руки гостям на прощание.

— Это была чертовски невероятная вечеринка. — Судья Монтанье поспешил впереди нас, улыбаясь и похлопывая Кэла по плечу. — Тот мальчик, Гэвин, вот это да!

— Рад, что он тебе понравился. Могу тебе сказать, я получил удовольствие от увиденного.

— Не могу дождаться, чтобы узнать, что принесет весенний суд.

Весна. Мой желудок сжался при мысли о том, что случилось с Гэвином, и что принесут грядущие суды.

— Тебе понравится, — Кэл улыбнулся, когда судья вышел в наступающую ночь.

Улыбка Кэла исчезла, когда я сжала руку Вайнмонта.

— Слышал, у нас появился незванный гость.

— Мои извинения, Суверен, — Вайнмонт подвинул меня ближе к себе, а я не в силах была поднять глаза.

— Люций, мой мальчик, — Кэл улыбнулся и похлопал младшего Вайнмонта по спине. — Слышал довольно много историй от сенатора Калгари о том, как ты приложил Стеллу там.

— Все верно, — Люций пожал руку Кэлу, но я все еще не подняла глаза.

— Может быть, ты, наконец, сломал эту маленькую кобылку. Стелла, посмотри на меня, дорогая. Позволь мне увидеть твои великолепные зеленые глазки.

Я покачала головой.

— Сделай это, — голос Кэла мгновенно превратился в холод.

Пришлось медленно поднять голову. Он посмотрел на меня, пристальным взглядом изучая каждый дюйм моего тела.

— О, даже не знаю. Кажется, вижу, что еще немного воли осталось, — усмехнулся он. — Тем веселее будет на следующем суде.

Вайнмонт прочистил горло.

— Об этом, Кэл. Стелла хочет кое-что сказать.

— И что же, крошка Стелла?

Я посмотрела на Вайнмонта, который едва заметно кивнул мне.

— Я хочу вернуться к Синклеру.

Кэл хмыкнул и посмотрел на мои бедра.

— Люций был слишком груб с тобой?

Снова потупила взгляд.

— Ты вообще хочешь вернуть ее теперь, когда ею попользовались, Синклер? — Кэл скрестил руки на груди.

— Не особенно, но если Люцию понадобится проводить все свое время на Кубе из-за угроз со стороны других семей, придется принести жертву.

— Иглтоны снова пытаются подлизаться к режиму? — спросил Кэл заговорщическим тоном.

— Пока точно не знаю, — ответил Люций.

— Что ж, Приобретение действительно может выбирать между перворожденным и следующим по старшинству, — Кэл постучал пальцем по подбородку. — Не думаю, что у нас когда-либо меняли владельца дважды. Ситуация создаст интересный прецедент. Но я

позволю. Конечно, успехи Люция на этом суде не повлияют на мое окончательное решение, но если это то, чего ты хочешь, Синклер, то я не возражаю. Просто так и оставь, это все, о чем я прошу. Понимаешь, мне меньше бумажной волокиты будет? — Кэл хлопнул в ладоши, заканчивая разговор.

Вайнмонт помог мне спуститься.

Голос Кэла снова раздался позади нас.

— Тебе лучше показать себя во всей красе на следующих двух судах, Синклер, иначе у тебя могут возникнуть проблемы.

Вайнмонт напрягся, но не остановился.

— Понял, Кэл.

Открытый воздух окутал нас, и я наконец смогла сделать вдох. Вайнмонт бросил попытки помочь мне и поднял на руки, спускаясь по лестнице.

Люк открыл заднюю пассажирскую дверь, и Вайнмонт посадил меня внутрь, прежде чем присоединиться.

Люций наклонился к окну.

— Я поеду, эм... с Амандой. Увидимся с вами позже.

Женщина, которую мы встретили накануне по дороге, стояла рядом со спортивной машиной и смотрела на Люция как лев на газель. И я искренне сомневалась, что ее зовут Аманда.

Люций не смотрел на меня, просто театрально отсалютовал Вайнмонту, прежде чем выпрямиться.

— Не задерживайся слишком долго, — сказал Синклер. — У нас дела.

— Отвали, — Люций шагнул к своей «попутчице».

— Урод, — Вайнмонт покачал головой с легкой улыбкой. — Люк, вези нас домой.

— Да, сэр.

Водитель объехал по круговой дорожке и проследовал за вереницей машин вниз по дороге.

Я зевнула, усталость так глубоко засела в моих костях, что я задумалась, смогу ли когда-нибудь снова почувствовать себя полной сил. Прислонилась головой к окну, прохлада принесла слабое облегчение моей обветренной коже, прежде чем стекло нагрелось. Мимо проносились деревья, а также теперь уже знакомые лощины и валуны. Я надеялась, что никогда больше не увижу эти леса.

Села и откинула голову назад, не желая больше смотреть. Темный материал салона автомобиля был гораздо более приятным на

вид. Я закрыла глаза, но тут же распахнула их, представив испуганное лицо Брианны, испачканное грязью и расцарапанное ветками. Я не могла думать о ней, о Гэвине. Пока нет.

Вайнмонт сместился. Я прислонилась головой к нему. Он снял свое длинное шерстяное пальто.

— Иди сюда.

Прежде, чем я успела пошевелиться, он положил одну руку мне на спину, другой взял под колени и притянул к себе, укладывая так, чтобы голова покоилась на его плече.

— Что ты делаешь?

Он смотрел на меня сверху вниз, темные волосы затеняли лоб. Они были длиннее, чем я когда-либо видела. Мне было известно, что они мягкие, возможно, даже мягче, чем у меня. Теперь Синклер казался старше. Или, может быть, это я постарела за несколько месяцев с нашей встречи. Он накинул на меня свое пальто, и я вытянула ноги к двери. Я не собиралась бороться с этим. У меня не было сил.

Одну руку он положил на мою талию, другую — запустил мне в волосы.

— Спи. Я тебя подержу. Знаю, что ты истощена.

— Мне страшно. — Я ненавидела себя в момент, когда произнесла это. Признаться ему в подобном было равносильно тому, чтобы обнажить шею и передать ему клинок.

— Я знаю. — Его пальцы коснулись кожи моей головы и разгладили еще один длинный локон. Он поднял глаза, когда мы наконец покинули подъездную дорогу и выехали на главную. V-образная горловина мягкого свитера Синклера начиналась прямо под ключицами. Сильный подбородок и челюсть вместе с тенями на щеках придавали его лицу резкие черты. Он был так прекрасен. Я вытащила руку из-под его пальто и потянулась вверх, проводя кончиками пальцев по его челюсти и шее, чувствуя каждый миллиметр щетины, каждую мышцу, каждый сильный удар пульса.

Вайнмонт посмотрел вниз, когда я опустила руку.

— Закрой глаза.

Покачала головой, не слушаясь его. Сделай я так, как он сказал, увижу Гэвина и Брианну, их тела будут разрушены, а сердца — сломлены.

— Ты в безопасности. Обещаю. А я всегда держу свое слово. — Он убрал руку с моей талии и положил теплую ладонь мне на щеку. — Закрой.

Он едва ощутимо коснулся пальцем моих губ, больше

успокаивая, чем возбуждая.

Чувствуя безопасность в его руках, я закрыла глаза.

Я не могла вспомнить, как попала в свою кровать, но проснулась на следующий день от шума проливного дождя. Посмотрела на часы — был уже полдень. Я долго лежала неподвижно, позволяя своему телу медленно просыпаться, и каждый укол боли напоминал мне о том, что я выжила, как и говорил Гэвин.

Гэвин. Я перекатилась на бок, что заставило мышцы ног сжаться. Меня скрутила боль, и я сосредоточилась на дыхании. У моей кровати стоял поднос с бутербродом, яблоком, чипсами и стаканом чая. Похоже, появился он недавно.

— Рене? — Мой голос прохрипел, но прозвучал достаточно громко

Я услышала скрип половицы, затем тяжелые шаги. Не Рене. Моя дверь открылась, и появился Вайнмонт. Включил свет. Я закрыла глаза от внезапной яркой вспышки. Свет погас, и мужчина подошел к окну, где отодвинул шторы и впустил мягкие лучи солнца, пробивающиеся сквозь дождь.

— Лучше? — прозвучал его глубокий баритон.

— Да, спасибо.

Синклер встал надо мной, осматривая мое лицо, а затем подошел к изножью кровати, проверил повязки на ногах. Казалось, успокоился, когда вернулся снова ко мне.

— Тебе нужно поесть. — Он взял меня под руки и усадил, прежде чем положить подушку за спину и прислонить меня к ней.

У меня болело всё, я стонала, хотя он был нежен со мной. Как только успокоилась, он натянул одеяло обратно и поставил поднос мне на колени.

— Где Рене?

— Просто поешь. Когда закончишь, попрошу доктора приехать, чтобы он подлечил тебя как следует. — Он открыл маленький пакетик чипсов и положил передо мной.

— Ты можешь хотя бы просто сказать мне, что с ней все в порядке? — Я прижала ладонь к его руке и задалась вопросом, было ли таким же теплым все остальное его тело.

— Кусай, и я скажу тебе, где она похоронена, хорошо?

Мои глаза округлились — потеря была бы для меня слишком велика, но потом я увидела его озорной взгляд, уголки его рта приподнялись.

— Ты *шутишь* по поводу убийства Рене?

— Возможно. А теперь откусывай побольше, потому что не сделала этого, когда я попросил в первый раз.

Я послушалась. Бутерброд оказался действительно восхитительным, приготовленным так, как мне нравилось, со свежими помидорами и индейкой.

— Она в порядке. — Синклер опустил руку, и я подумала, что он собирается отстраниться, но вместо этого наши пальцы соприкоснулись, и он переплел их. — Она здесь. Просто занята в другом месте.

Я проглотила кусочек, облегчение затопило меня, прежде чем откусила еще. Меня внезапно одолел голод. Вайнмонт улыбнулся и протянул мне салфетку. Я поняла намек и вытерла рот. На ткани осталась дижонская горчица.

— В другом месте? — спросила я между укусами. — Ты имеешь в виду, наверху?

Его пальцы сжали мои.

— Значит, знаешь?

— Я знаю, что твоя мать жива. Не более. Не стесняйся меня посвятить. — Чипсы оказались солеными и безупречными на вкус, еще я выпила весь сладкий чай, закончив с принесенной едой.

— Нечего рассказывать. Она там уже много лет. — Вайнмонт посмотрел в окно на стену дождя, казавшуюся молочно-белой во мраке. Отнял свои пальцы от моих и взял поднос, прежде чем встать. — Пришло доктора Ярбро и Лауру. Отдыхай.

Когда Синклер добрался до двери, меня накрыло эмоциями.

— Когда ты вернешься? — Я знала, что сглупила в том, что хотела его, в том, что оказалась слаба. У меня не нашлось сил остановить это, как и не получилось помочь чем-то в том, что случилось с Гэвином и Брианной.

— Скоро. — Он ушел, и вскоре после того я слышала другие шаги — вошли доктор и Лаура, как и обещалось.

Девушка сняла с меня бинты и помогла помыться, затем проводила обратно в кровать, чтобы доктор Ярбро мог очистить раны и перевязать их. Он положил несколько таблеток на тумбочку и убедился, что я выпила одну.

— От боли. — У него не было привычки сидеть у кровати.

Возможно, он видел слишком много. Учитывая его возраст, я подозревала, что он ухаживал за Рене в год ее суда Приобретений. Должно быть, все увиденное лишило его дара речи. Остаться компетентным и отрешенным, наверное, было самым умным способом находиться рядом с такими людьми.

— Я вернусь завтра. — Он собрал свою черную кожаную сумку и ушел, пока Лаура бродила по моей комнате с какой-то нервозностью в движениях.

— Что такое? — спросила я, когда над домом прокатился слабый раскат грома.

— Ничего. — Она поправила мое одеяло, хотя я просто скину его, как только усну.

— Что-то не так, — я наклонила голову и похлопала по кровати. — Присядь. Что случилось?

Она помедлила, а затем осторожно подошла ко мне и села, от ее маленькой фигурки матрас едва ли просел. Прозвучал еще один раскат погромче, дождь стекал по сливу, создавая небольшой водопад за окном.

— Дело в Рене.

Я уселась.

— Что с ней?

— Это просто, — горничная взглянула на закрытую дверь и обратно на меня, — я не должна говорить о... — Она подняла голову.

Я поняла, что она имеет в виду.

— О матери Вайнмонта?

Лаура кивнула и понизила голос до шепота:

— Но я слышала кое-что, когда была в комнате Тедди, — ее щеки покраснели. — Убиралась в комнате Тедди, — исправилась она.

— Например?

— Удары, крик и плач. Всего этого никогда не случалось прежде. Меня туда никогда не пускали, и я знаю, что никто из нас не должен ходить и смотреть. Но мне известно, что Рене там. Теперь я готовлю еду для двоих вместо одной и передаю блюда через мистера Фарнса.

Я схватила ее за руку.

— Ты думаешь, миссис Вайнмонт причиняет боль Рене?

— Думаю, да. — Она пожала узкими плечами, на которых несла бремя большее, чем казалось возможным. — Сейчас там все стало хуже. И здесь тоже хуже. Тедди слышит это, и он вроде... я не знаю.

Ему просто очень грустно, и не важно, что я делаю или говорю. У меня не получается ему помочь. — Она вытерла глаза подолом своего белого фартука.

Что-то наверху изменилось. Немой игрок в этом хаосе Приобретений внезапно зашевелился. Я спрятала ноги под одеяло. Вздрыгнула, когда по моей поврежденной коже разлилась жгучая боль. В ближайшее время у меня не было и шанса подняться наверх, особенно если я хотела сделать это незаметно. Может быть, через неделю или около того. Тогда я могла бы узнать.

— Зачем ты говоришь это мне?

Девушка шмыгнула носом и посмотрела на меня.

— Вы единственная, к кому они не остались равнодушными. То есть, Тедди говорит о вас как о сестре, — она засмеялась. — Я даже ревновала сначала, когда вы появились. — Ее смех замер на устах. — Но затем в то утро в столовой, когда мистер Синклер 3-3-заставил вас встать, а Тедди см-смотреть. Ревность пропала. Я до сих пор не знаю, что такое Приобретение...

— Ты такая не одна.

— Но я знаю, что это разрывает их всех на части. Я не хочу, чтобы Тедди пострадал. Я... — она запнулась.

— Нет ничего плохого в том, чтобы любить его, Лаура. Он хороший парень. Боже, я правда так думаю. Он ведь хороший человек.

У них двоих нелегкий путь, но любовь, которую они разделяли, была очевидна. Я надеялась, что однажды они смогут полностью оставить наследие Вайнмонтов и зажечь своей собственной жизнью.

Слезы покатались по ее круглым щекам.

— Знаю. Просто волнуюсь за него. И беспокоюсь о Рене. — Она взялась за подол своего фартука. — Просто не знаю, что делать. Я бы сходила на третий этаж, но после потеряю работу и шанс видиться с Тедди.

Я похлопала ее по руке.

— Я уже в аду. Пройди я еще один круг, особой боли это не принесет. Я проверю, как только смогу, — взмахом руки я указала на ноги и стопы.

Она повернулась ко мне всем телом, осматривая меня с ног до головы.

— Как вы можете оставаться такой смелой? Как вы это делаете?

Смелой? Это не то слово, которым я когда-либо могла описывать себя.

— Я просто выживаю.

— Вы смелая. — Слезы все еще блеснули в ее ярких глазах. — Я знаю, что они сделали с вашей спиной. Слышала о том, куда вы отправились пару дней назад, и что они собираются с вами сделать, — она опустила взгляд. — Я бы сдалась на вашем месте.

— Нет, не сдалась бы. — Я откинула голову назад, таблетка начала действовать. — Ты бы сделала то, что должна была. Прошла бы через ад, но выжила бы на той стороне. Ты стала бы другой. Я изменилась. Но осталась жива.

— Смелая, — сказала она снова и встала. Гром прогремел прямо над головой, звук завибрировал в моих легких, в голове.

Я повернулась и уставилась в окно. Проливной дождь превратился в серое марево, когда Лаура вышла и закрыла дверь.

Следующие несколько дней я провела в постели, Лаура приходила все чаще и чаще. Я делала набросок за наброском. На большинстве моих рисунков были изображены цветущие глицинии из дома в Новом Орлеане или скелетоподобные деревья на фоне пустынного ландшафта.

Я не видела ни Вайнмонта, ни Люция, Лаура сообщила, что у них были дела за пределами страны. Интересно, не отправились ли они на Кубу. Тедди заходил в гости, хотя и избегал любых вопросов о том, как я оказалась в таком состоянии.

К третьему дню похолодало еще больше, и Лаура сказала, что есть шанс, что нас сегодня-завтра немного засыплет снегом. Был Сочельник. Я несколько раз просыпалась, боль в ногах утихала, а синяки постепенно светлели, приобретая желтоватый оттенок.

У меня появилось еще несколько набросков, на этот раз это было мужское лицо. Я набросала черным первые несколько резких штрихов и не стала останавливаться. Больше штрихов, линий и оттенков, пока не появилась знакомая квадратная челюсть, а затем полные губы и резкая линия носа. С глазами было труднее. Иногда они могли быть весьма эмоциональными, а иногда выказывать безразличие к другим. Сейчас же в этом взгляде даже поселилась теплота. То, как он смотрел на меня после удара молнии или когда держал меня на коленях на обратном пути из леса. Такой вид был у него достаточно долго, чтобы я могла изобразить его, запечатлеть грифелем.

Уже вечерело, солнце садилось за кучей высоких воздушных

облаков. По коридорам полилась музыка. Я прекратила рисовать и вслушалась. Сначала это были только удары барабанов, вой гитары и звяканье клавиш пианино — все вместе напомнило какофонию. Затем песня обрела форму: барабаны задали ритм, медленно вступила гитара, а пианино наполнило комнаты звуком. Кто-то устроил вечеринку?

Я отложила рисунок в сторону и спустила ноги с кровати. Боль в мышцах, к счастью, уменьшилась, но ступни все еще болели. Сунула ноги в пушистые тапочки, принесенные мне Лаурой, и встала. Мне удавалось выдержать приступы боли, поэтому я медленно двинулась по комнате, натягивая банный халат, чтобы скрыть пижаму прежде, чем выглянуть в коридор.

Звук лился снизу. Из музыкальной комнаты рядом с фойе. Мне понадобилось некоторое время, и песня, казалось, почти подошла к концу к тому моменту, когда я достигла нижней ступеньки, но я уповала на ощущение, что наконец-то начала двигаться. К тому времени, как повернула за угол, песня закончилась, и вступили новые ударные. Люций сидел за барабанами и отсчитывал в обратном порядке перед тем, как Тедди вступил на гитаре. Вайнмонт сидел за пианино, его спина была прямой, а пальцы — наготове.

Я улыбнулась. Это была настоящая улыбка, которую мне не удалось сдержать. Он стала еще шире, когда к дуэту присоединилось пианино — Вайнмонт подхватил и начал подыгрывать Тедди. Я уселась в кресло с высокой спинкой, и Синклер поднял голову, не отрывая пальцев от клавиш. Он не пропустил ни ноты, и от его ответной улыбки в моей груди появилось тепло. Шоты были выстроены на верхней крышке пианино — три комплекта по пять рюмок, и один в каждом уже опустошен.

Ловкие пальцы Тедди перебирали взад-вперед по ладам и струнам, словно он был в группе восьмидесятых. Братья играли слаженно, следя за визгами и импровизацией гитары, но оставаясь в пределах параметров ударов Люция. Мы все рассмеялись, когда Тедди взял высоких нот, подбежал ко мне, падая на колени и скользя по полу к моему стулу, все еще заставляя гитару визжать.

— Грандиозный финал! — Он вскочил на ноги и покачал головой в такт, прежде чем позволить своим пальцам взлететь так быстро по стольким нотам сразу, что Вайнмонт вскинул руки и откинулся назад, улыбаясь своему брату.

Без фортепиано Люций продолжал выбивать ритм, пока Тедди не закончил визгливой высокой нотой, отчего мне захотелось прикрыть уши. Затем он бросил свой медиатор мне. Я удивилась даже больше, чем кто-либо, когда действительно поймала его.

Я зааплодировала и слышала еще аплодисменты — Лаура и Фарнс стояли в дверях за моей спиной.

— Еще одну, — потребовала я.

— Что леди желает услышать? — Тедди откинул волосы со лба. Я посмотрела через плечо на Лауру.

— Предложения?

— Ну, с учетом того, что сегодня канун Рождества, можно колядку или что-нибудь рождественское?

— Син? В этом году ты праздник чувствуешь? — спросил Тедди.

Вайнмонт посмотрел на меня, затем быстро вернулся к пианино.

— Нет, в этом нет.

Тедди улыбнулся еще шире.

— Значит, давайте с прошлого Рождества.

— Шоты! — Люций наклонился, чтобы схватить один с пианино.

Вайнмонт и Тедди взяли свои рюмки, и, чокнувшись друг с другом, осушили их.

Лицо Тедди скривилось, и он вытер рот рукавом.

— Черт, — повернулся ко мне. — Хм, мне понадобится этот медиатор.

Я засмеялась и передала его ему. Он отложил электрогитару и взял акустическую, натянув ремень через плечо. Затем подмигнул Лауре.

— Тебе это понравится. Моя любимая, — он сделал шаг назад. — Хорошо, Люций. Жги.

Средний брат ударил по тарелке, а затем начал бить по рабочему барабану, акцентированному на басы.

Вайнмонт ухмыльнулся, начав играть на заднем плане. Я узнала эту песню. Это был хит восьмидесятых какой-то давно не существующей мальчишеской группы, который каждый год крутили на радио по праздникам.

Голос Тедди звучал ровно и ясно. Меня шокировало то, как изящно и свободно он пел. Парень с легкостью заставлял ноты звучать, пока играл, слегка покачиваясь и придерживаясь задаваемого Люцием ритма. Все трое прекрасно работали вместе.

Так и должно было быть. Команда, подразделение функционирует лучше всего, когда все находятся в согласии. Даже Люций улыбался, от счастья на его лице он казался моложе и гораздо беззаботнее, чем я видела ранее.

Тедди длительное время не сводил взгляда с Лауры, напевая слова — сердечные и нежные одновременно. Но он закончил, а улыбка так и не исчезла с моего лица, хотя я заметила, что Вайнмонт большую часть времени наблюдал за мной, чем смотрел на что-либо еще. Он качался в такт музыке, совсем не как концертный пианист; больше походил на кого-то, кто чувствовал ритм, но не был им управляем.

В моем животе появился трепет, словно я присоединилась к последнему ряду шотов. На Синклере была простая черная футболка, вездесущие виноградные лозы обвивали его бицепс и предплечья. Я изучала каждое движение, каждое покачивание всякий раз, когда он смещался влево и вправо для того, чтобы сыграть на высоких нотах либо на низких.

Тедди закончил песню, одухотворенно воспевая то, как отдать свое сердце кому-то особенному.

Я откинулась назад и прошептала Лауре:

— Ты собираешься бросить ему свои трусики?

Она хихикнула и хлопнула меня по плечу.

Песня завершилась, и Тедди продержал последнюю ноту дольше, чем я смогла бы задержать дыхание. Все смеялись, Фарнс держался за живот и выглядел радостным. Единственной, кого не хватало, была Рене, и я собиралась как можно скорее разузнать о ней. Этот небольшой спуск вниз стал доказательством того, что я была готова к более длительной прогулке.

— Что дальше? — спросил Тедди.

— Может *«It's Cold Outside»*, — предложила Лаура. (прим. перев.: название песни *«Детка, на улице холодно»*).

— Справимся, ребята? — спросил Тедди.

Люций ответил барабанной дробью, Вайнмонт согласился, проведя ногтем по всем клавишам.

Тедди улыбнулся.

— Это дуэт, Лаура. Давай сюда.

— О, нет. Нет, — она отступила. — Мне медведь на ухо наступил.

— Нам нужна женская партия, — сказал Тедди, подбирая правильную тональность.

— Стелла? — спросил Вайнмонт, вскинув бровь и глядя на меня.

Я умела петь, но не была уверена, что смогу петь перед ним. Я

покачала головой, щеки обожгло жаром.

— Оооу, она умеет петь. Гляньте-ка на ее мордашку, — Тедди засмеялся и положил гитару на пол, затем поспешил вперед и подхватил меня на руки.

— Эй! — закричала я. — Почему все здесь таскают меня на руках?

Меня усадили на пианино.

— Ты в порядке?

Мои ноги свисали с края, и кровь прилила к ступням, хотя легкое покалывание не причинило боли. Несмотря на свое раздражение, я не могла не улыбнуться Тедди.

— Да.

— Хорошо. — Он взял два шота из своего ряда и протянул один мне.

Люций и Вайнмонт схватили свои, мы чокнулись, а затем опрокинули их в горло. Жидкость обожгла мой язык, ноздри и весь путь к моему желудку. Я содрогнулась и ударила рюмкой по блестящему темному дереву пианино.

— Ты подпеваешь, — я указала на Тедди и попыталась откашлять пары алкоголя из легких.

— Не проблема, — Тедди прислонился к пианино рядом со мной. — Это будет шедевр.

Я посмотрела через плечо на Вайнмонта, когда он начал аккомпанемент. Кивнул мне, убеждая меня начать песню. Я подождала еще несколько тактов и закрыла глаза, прежде чем спеть:

Я действительно не могу остаться.

Мой голос дрожал, но попадал в ноты. Тедди вступил тут же, подпевая мне о том, что что на улице холодно, и добавил от себя:

— А ведь действительно так.

Лаура взяла Фарнса под локоть, и они раскачивались взад и вперед, пока мы с Тедди пели песню об ответственности и желании, танцующих вокруг друг друга.

Идеальный голос Тедди заставил мой голос звучать еще лучше в дуэте, хотя в одиночку он звучал так себе. Мои нервные напряжение испарилось, когда, обняв меня, Тедди начал свою партию, хотя я знала, что в песне он обращается прямо к сердцу Лауры. Это

работало — ее взгляд был прикован к нему.

Мы приближались к концу, наши голоса слились в унисон, когда Люций постучал по тарелке, а звук пианино смягчился, а затем вовсе затих.

Раздались аплодисменты Фарнса и Лауры. Я посмотрела через плечо на Вайнмонта, и встретила с тем же взглядом, что был на моем рисунке. В нем была доброта и что-то еще, что было невозможно определить. Что-то еще теплее, еще глубже. Это же чувство намертво вцепилось в мои сердце и душу. Даже в бесплодной земле Приобретения любовь все еще росла.

— Красивый голос. Как колокольчик, — просиял Фарнс. — Я думаю...

Он оборвался на полуслове, когда высокая женщина с седыми распущенными волосами пролетела мимо него, открыла входную дверь и выбежала в морозную ночь.

Глава 17

Синклер

Я едва смог рассмотреть ее промчавшуюся мимо призрачную фигуру, когда хлопнула входная дверь. *Блядь.*

— Тедди, отведи Стеллу в свою комнату и запишись там. — Не думаю, что моя мать прибегнет к насилию, но уверенности больше не было ни в чем.

Стелла открыла рот, без сомнения, в знак протеста, когда Тедди поднял ее и направился к лестнице.

— Лаура, вы с Фарнсом остаетесь на кухне, — бросил я. — Бегите через дверь в гараж, если что-нибудь случится.

Лаура помогла Фарнсу подняться с пола, когда мы с Люцием, не успев надеть ни туфли, ни пальто, выскочили из дома. Порыв арктического холода ворвался в фойе и вгрызся в мою обнаженную кожу, когда мы бросились в ночь за матерью.

Она бежала по лужайке, ее волосы сверкали под серебристым светом луны, а белая ночная рубашка колыхалась над лодыжками. Невесомая и решительная, мать уже успела оторваться на приличное расстояние. И все-таки мы с Люцием нагнали ее. Мои ноги горели от мороза, когда касались мерзлой земли, но мы бежали, невзирая на боль.

Женщина замедлялась, усталость уже отнимала ее силы. Мы догнали и метнулись в разные стороны, чтобы окружить ее. Она остановилась и взвизгнула, взгляд диких и уставших глаз метался от меня к Люцию и обратно. Я едва узнавал ее. Женщина, воспитывавшая меня, мучившая меня, сейчас походила на верещащую баньши на лужайке перед домом, которым она владела.

— Мама! — Люций попытался крикнуть ей, выставив руки перед собой, когда подобрался ближе.

— Не прикасайтесь к ней! Не прикасайтесь к ней, ублюдки! — прорычала та в ответ, брызжа слюной сквозь бледные губы.

— Мама, это я, — я подошел ближе и посмотрел ей в глаза, которые были того же оттенка, что и мои.

— Прекратите причинять ей боль. — Она поднесла руку ко рту, задыхаясь, как будто кто-то выбил воздух из ее легких. — Пожалуйста, остановитесь.

— Мама! Это я, Син.

Но она не видела меня. Перед ее глазами были испытания Рене. Они снова и снова проигрывались у нее в голове, как будто она сидела в кинотеатре одна с открытыми глазами, привязанная к стулу.

— Хватит! — закричала мать и вонзилась ногтями себе в лицо. — Возьмите меня вместо нее. Пожалуйста, возьмите меня.

Я двигался медленно, лезвия замороженной травы хрустели под ногами при каждом шаге. Женщина поморщилась и зарылась пальцами в волосы, вырывая серебристо-белые пряди, когда ее дикий взгляд вперился в небо. Мы с Люцием бросились к ней, ухватив за талию, в то время, как она начала изо всех сил кричать, царапаться и вырываться.

— Мама, успокойся. — Ее ногти врезались в мою шею, а зубами она вцепилась в Люция. Женщина превратилась в дикарку, а матери, которую я знал, давно не стало.

Сильный порыв ветра разносил ее крики в ночи. Она стояла босиком. Судя по боли в моих ступнях, если мы здесь задержимся, нас вскоре ждет обморожение.

— Подними ее ноги, — крикнул я.

Сам же прижал ее руки к туловищу, когда Люций ухватил ее за колени. Вместе мы подняли ее и поспешили обратно к дому. Как только добрались до ступенек, она перестала сопротивляться, и крики оборвались. Победенная и вялая, мама замолчала. Я взял ее на руки и понес, обнимая.

— Люций, иди и посмотри, как там Рене.

— Вот дерьмо. Я даже не подумал о ней. Мама, что ты сделала?

Она не отвечала, даже когда Люций сорвался с места, перепрыгивая через две ступеньки за раз.

— Я могу помочь? — Фарнс вышел в коридор, заламывая руки, и Лаура схватила его за одну ладонь.

— Все хорошо. — Ложь. — Всего лишь очередной приступ. — Я поспешил по лестнице на третий этаж.

Дверь в комнату была открыта, я вошел и положил маму на кровать. Рене сидела на полу у камина, прижав руку к голове. Кровь стекала по ее лицу.

Люций опустился на колени рядом с ней, отводя руку, чтобы проверить рану.

— Ты в порядке? — спросил я через плечо.

— Я... да, думаю, — ответила Рене.

Мама лежала на кровати и смотрела на светло-зеленый потолок. Ее губы двигались, обрывки слов слетали с них, но имели значение только для нее.

Она превратила эту огромную комнату в свое убежище, место, куда она ушла, когда мы с Люцием стали достаточно взрослыми, чтобы заботиться о поместье и сахарном бизнесе. В то время я думал, что избавиться от нее — благословение, но не знал, насколько темнее станут ее мысли, пока она будет здесь одна.

— Что случилось? — Люций убрал руку Рене, чтобы осмотреть повреждение. Рана была где-то в ее темных волосах и обильно кровоточила.

— Я не знаю, — ответила Рене. — С ней все было в порядке. Мы говорили о вас, мальчики, когда вы были маленькими. Она рассказывала мне историю о том, как Тедди ездил на своем трехколесном велосипеде в доме и как это сводило ее с ума. Мы смеялись, на самом деле смеялись. Затем она бросила в меня чем-то. Не знаю, что это было. Не помню ничего до этого момента, когда вы вошли.

Я опустился на колени рядом с ней и отодвинул ее волосы. Рана не была большой, не требовала швов, но шишка вокруг нее вызывала беспокойство. Я оглянулся на мать, но она все еще пребывала в оцепенении. Пожалеет ли она о содеянном, когда вернется к жизни? У меня имелись сомнения по этому поводу.

— Дай мне ключ от шкафчика с аптечкой, — протянул я руку. Рене зарылась в карман черной юбки и достала кольцо с ключами, но, похоже, не могла сообразить, какой именно был нужен.

— Все в порядке. Я разберусь. — Подошел к шкафу, открыл замок и распахнул дверцы. Два наполненных шприца ожидали своего применения, но сейчас мама была спокойна, поэтому я их не тронул. Взял спирт и бинты. Передал часть Люцию, а остальное отнес к маме.

Обработал ее ступни, протерев спиртом каждый маленький порез. Должно было жечь, но она никак не отреагировала, оставшись совершенно неподвижной. Я делал это несколько дней назад с другой женщиной, которая, я надеялся, не окажется такой же израненной, как та, что лежала сейчас передо мной. Сделав перевязку, я проверил работу Люция над Рене. Он хорошо справился, очистил рану, а с Рене все было в порядке. Я присел рядом с ним, и мы оттерли кровь с наших стоп.

— Это какой-то пиздец, — Люций посмотрел на маму. — Держать ее здесь вот так...

— Если бы имелся лучший способ, я бы прибегнул к нему.

— Мне просто хочется ей помочь.

— В том, что с ней происходит, не поможет ничего, — Рене

выглядела ужасно даже перед тем, как мама ударила ее, но не хотела покидать ее, сколько бы раз я ни просил ее отдохнуть, спуститься вниз или навестить Стеллу. Усталость в глазах, изможденные щеки и бледная кожа были ей наградой.

Когда мама становилась такой, единственным человеком, кого она могла терпеть, была Рене. А теперь она напала на нее.

— Сейчас с ней все хорошо, — сказала Рене. — Я останусь здесь. Этот маленький приступ ее утомил. — Она попыталась встать на ноги, но пошатнулась, так что Люцию пришлось поймать ее и помочь встать.

— Нет. Тебе нужно пойти и отдохнуть.

— Но, мистер Синкл...

— Иди! — Я указал на дверь. — Я останусь с ней на некоторое время. Люций, отведи Рене в ее комнату и посиди с ней сегодня ночью.

Брат помедлил, как будто собирался бросить мне вызов, но, кажется, еще раз как следует подумал. Взяв Рене за руку, он кивнул:

— Идем. Син прав. На тебе лица нет. Во всех отношениях. — Он улыбнулся горничной, прежде чем вывести из комнаты, но она не ответила ему тем же.

У двери женщина обернулась:

— Ребекка, я вернусь завтра, чтобы увидеть тебя. Я в порядке. Не беспокойся о том, что случилось. Ты не сделала мне ничего плохого. — Ее умоляющий голос дрогнул на последних словах, словно попытка солгать причиняла ей больше боли, чем окровавленная рана на голове.

Мама не двигалась, просто продолжала смотреть в потолок, приоткрыв рот. Люций закрыл дверь, и я провел рукой по челюсти. Это был наихудший приступ. Словно воспоминания усугублялись с каждым днем, страх охватывал все сильнее и омрачал все ее мысли.

Я подвинул ее худое тело на кровати так, чтобы голова лежала на подушке. Поправив одеяло, я уселся на краю кровати. Взял ее холодную ладонь, на тыльной стороне под бледной кожей виднелись выступы синих вен, поднимающихся к костлявому запястью. Небольшое перекрещение бугристых шрамов все еще было там, и на моей правой руке имелся такой же набор.

Я зажал ее ладонь между своих, пытаюсь передать хоть немного тепла, но знал, что не смогу. Мама никогда не давала его мне достаточно, поэтому мне было нечего возвращать.

— Мам. Вернись. — Сколько раз я просил об одном и том же? Не счесть. Еще больше, когда был ребенком. Но слова были бесполезны. Мама, которую я знал до ее Приобретения, давно

исчезла. Только Рене все еще сталкивалась с ней время от времени. Мне, или Люцию, или Тедди это не удавалось. Для нас она оставалась строгим матриархом, гарантирующим сохранность своего господства над другими семьями с помощью принуждения, обмана или силы.

Ее дыхание выровнялось, но глаза оставались открытыми и невидящими. Раздался стук в дверь, и, шаркая ногами по полу, вошел Фарнс.

— Как она? — Дворецкий знал мою мать дольше всех. Его глаза были полны грусти, когда он всматривался в ее лишенное эмоций лицо.

— Ей становится хуже. Я собираюсь дать ей кое-что, что поможет ей уснуть. — Я встал и вернулся к шкафу, доставая шприц, прежде чем запереть замок и спрятать ключ в карман.

Фарнс подошел и занял мое место на кровати, погладив ее по руке.

— Все будет хорошо. Мальчики в порядке. Все хорошо. Мы просто должны снова поставить тебя на ноги.

Она никогда не поправится. Не существовало лекарства от сожаления, которое очернило ее сердце и выело разум. Осталась только борьба. Фарнс держал ее за запястье, пока я вставлял иглу в вену на руке и нажимал на поршень. Через несколько секунд ее глаза наконец закрылись.

Она успокоилась. Мне стоило бы почувствовать облегчение. Вместо этого я почувствовал то, что и всегда. Отчаяние.

Глава 18

Стелла

Я сидела на кровати Тедди, пока он мерил шагами комнату. Когда мы услышали шум на ступеньках, который в конце концов затих на третьем этаже, то поняли, что все кончено.

— Часто подобное случается? — Я обнимала колени и смотрела, как младшего Вайнмонта терзает каждый шаг.

— Нет. Она вытворяла... кое-что раньше. Но такого еще никогда не было. — Он опустил рядом со мной и обхватил голову руками.

Наклонившись, я прижалась к его спине и прислушалась к быстрому сердцебиению.

— Мне жаль. — Этого было недостаточно, но больше я ничего не могла сказать.

— Думаю, с ней все будет в порядке. Они быстро ее поймали, так ведь?

— Судя по собственному опыту, когда я точно так же сиганула по газону, далеко она бы не убежала.

— Я помню. Это был чертовски странный день.

— Это и ежу понятно. — Никогда не забуду о Вайнмонте, о том, как высоко и ослепительно светило солнце, когда он смотрел на меня.

— Знаю, — вздохнул он. — Пойми, это из-за Рождества. Поэтому она такая.

Я коснулась его плеча ладонью. У меня имелись догадки, что это как-то связано с временем года, особенно после того, как Рене рассказала мне, как тяжело им обоим дался ее рождественский суд.

— Понимаю. — Не знаю, понимала я Тедди или его мать. Может быть, понемногу обоих. Моя мать умерла от своей руки, а мама Тедди, казалось, убила себя почти так же. Победа в Приобретении стала нанесенной ею самой себе смертельной раной.

— Она не причинит нам вреда. — Парень посмотрел на меня, умоляя согласиться с ним.

— Уверена, что нет. — Я понятия не имела, но сказала бы что угодно, чтобы стереть боль из его доброго сердца. — Думаю, Вайнмонт просто хотел, чтобы мы убрались с дороги, пока он

позаботится о ней.

— Да уж.

В коридоре слышались шаги. Двоих. Тедди открыл дверь и выглянул наружу. Люций прошел мимо, Рене опиралась на его плечо, пока он помогал ей добраться до комнаты.

— С ней все в порядке? — спросил Тедди.

— С ними обеими. Син останется с мамой. Я уложу Рене спать. Она измотана. Ты можешь отвести Стеллу обратно в ее комнату.

Мне хотелось сбежать к Рене, но пока я доковыляла до двери на своих израненных ногах, они уже повернули за угол, и в доме снова стало тихо.

Тедди предложил свою руку.

— Держись. Отведу тебя.

Я выглянула в коридор.

— Мне бы действительно хотелось увидеть Рене, если в этом нет ничего такого. Обещаю, что после отправлюсь прямо в свою комнату.

Он вскинул бровь.

— Не думаю, что Син...

— Тедди! — Лаура промчалась по коридору и упала в его объятия. — Она в порядке?

— Думаю, да.

Я воспользовалась шансом и двинулась вперед, прихрамывая, когда за моей спиной раздались влажные звуки поцелуя.

Тедди оторвался на мгновение от Лауры, только для того, чтобы бросить мне через плечо:

— Если не вернешься в свою комнату, Син меня убьет.

— Ладно, ладно. Уйду, как только увижу Рене.

— Смотри мне. — Они продолжили целоваться, когда я повернула за угол.

Это был тот самый коридор, где находились комнаты Люция и Вайнмонта. Они тянулись вдоль крыла дома, а маленькая комнатка Рене располагалась в самом конце. Я миновала комнату Люция — на его столе горела лампа, и звучала какая-то рок-музыка. Продолжила путь и подошла к двери Вайнмонта, но она была закрыта.

Я прислонилась к дверному косяку, чтобы дать ногам хоть кратковременный отдых. Уставилась на закрытую дверь, и любопытство одолело меня. Я повернула стеклянную ручку и

немного приоткрыла дверь. Луч лунного света освещал изгибы и линии частички моей души — картину, которую я нарисовала после первого Суда Приобретений. Синклер повесил ее в своей комнате, застывшее изображение стало еще более резким при слабом освещении. Я толкнула дверь до конца и щелкнула выключателем. Воздух выбило из легких.

Все картины, которые я когда-либо выставляла, кроме одной, «Полярной звезды», висели у него на стенах. Я была везде — мое сердце, мои мысли, мои эмоции покрывали каждый голый дюйм пространства в его комнате. Я вошла и обернулась вокруг своей оси, не веря глазам. Но это было реально. Вся я была здесь, в этой комнате, с Вайнмонтом.

— Я купил их некоторое время назад, — Вайнмонт опирался на дверную раму со скрещенными на груди руками. Его лицо и шея были расцарапаны, но раны, кажется, очистили. В мужчине больше не осталось ни капли веселья, которое я видела в музыкальной комнате. Его мать отняла его, оставив Синклера холодным и неукротимым.

— Зачем?

Он пронзил меня взглядом, но не ответил.

Мое сердце начало стучать в ушах, пока мы удерживали зрительный контакт. Я хотела отвернуться. Пыталась. Но не смогла. Его взгляд опустился на мои губы. Вместо холода в его глазах внезапно вспыхнул жар. Синклер заполнил весь дверной проем, его широкие плечи стали идеальным барьером.

Я захотела убежать. Это был инстинкт, от которого у меня перехватило дыхание.

— Стелла, если ты продолжишь смотреть на меня вот так... — его напряженный голос затих, когда он вошел и закрыл за собой дверь, плавным движением защелкнув замок.

Я шагнула назад, но идти было некуда. Еще один шаг, и я окажусь у его кровати.

Он преодолел короткое расстояние между нами, его агрессия накрыла меня, как волна бурного моря. Я прижалась руками к его груди и обнаружила, что его сердце бьется так же быстро, как и мое, если не быстрее. Синклер запустил одну руку в мои волосы, а второй коснулся горла.

Я откинула голову назад, желая увидеть все его эмоции, его потребность. Моя собственная вспыхнула во мне, принесся жар в мой центр.

— Тебе все еще больно, — он обхватил мое горло и повернул голову в сторону. Губами пробежал по челюсти, а когда коснулся моего уха, добавил: — А я не буду нежным.

Вспышка тепла, пронзившая меня от его мрачных шепчущих слов, вышла за пределы разума, за пределы всего, что я могла осознать. Мне не хотелось нежности. Я нуждалась во всем, что у него было.

И я хотела, чтобы он оставался таким же реальным, таким же неукротимым, каким и был.

— Значит, не будь.

— Ты не знаешь, о чем просишь, — Вайнмонт провел рукой по моему телу и схватил за запястье, прижимая мою ладонь к своему твердому члену. — Я не смогу контролировать себя с тобой, Стелла. Особенно сейчас. Я хочу сделать тебе больно, заставить тебя кричать.

Что-то от его слов щелкнуло у меня в голове. Он хотел сделать мне больно. Мои мысли вернулись к первому Суду — каждый раз, когда он причинял мне боль, это было так, как будто и ему было больно. И он никогда не хотел навредить мне. Второй Суд доказал это вне всякого сомнения. Но здесь и сейчас мы были двумя людьми, которым не обязательно быть хозяином и рабом. Здесь и сейчас, когда я могла выбирать, я хотела, чтобы он причинил мне боль.

— Я хочу этого, — в доказательство прошлась рукой вверх и вниз по его члену, когда тот напрягся под джинсами. Я уже была влажной, и пульсация от моего сердцебиения отдавалась в клиторе.

— Ты совершаешь ошибку, — он застонал и отдернул мою руку, вывернув ее у меня спиной. Легкая боль послала вибрацию прямо между моих ног.

Он схватил мои волосы в кулак прямо на макушке и потянул, чтобы я полностью оказалась в его власти, а мое тело выгнулось ему навстречу. Его губы опустились на мои, взгляд устремился на меня.

— Если мы сделаем это, стоп-слова не будет, Стелла. Как и пути обратно. Я сделаю тебе больно. Ты понимаешь? Ты — моя.

— Син, пожалуйста, — я хотела каждую темную мысль, которую он когда-либо имел. Хотела добровольно уступить ему контроль, а не ждать, пока он отнимет его у меня.

Вайнмонт закрыл глаза, когда я назвала его по имени.

— Скажи это. Скажи, что ты моя, и я покажу тебе, как сильно я могу сделать больно.

Мои колени ослабли, страх пронзил грудь, словно меня загнали в ловушку как кролика. Но страх не управлял мной. Не здесь, пока я находилась в руках Синклера.

— Я — твоя, — выдохнула.

Он отпустил меня и схватился за мою одежду, сдергивая ее вниз. Его руки были повсюду, взгляд был прикован к моей груди,

когда он сжал мою майку и потянул ее, ткань разошлась с треском. Мое тело дернулось вперед, но Синклер положил руку мне на грудь. Затем схватил мои шорты и трусики левой рукой и дважды дернул, а потом сорвал их.

Тяжело дыша, он отступил назад и опустил взгляд на мое обнаженное тело. Мурашки поднимались по коже вместе с его взглядом, и когда он уставился на мою киску, напряжение внутри меня усилилось. Я чувствовала, что могу кончить лишь от его взгляда.

— Ляг на кровать, на спину, головой ко мне.

Я отступила под его взглядом, его тело оставалось совершенно неподвижным. Когда мои колени коснулись кровати, я села, а затем развернулась так, чтобы лечь на спину, и посмотрела на мужчину снизу вверх. Его руки легли на ремень, сильные пальцы проворно расстегнули его и медленно потянули. Он бросил его на кровать рядом со мной. Слабый запах кожи наполнил мои легкие. Синклер расстегнул молнию и потянул джинсы и боксеры вниз, освобождая твердый член. Я с трудом сглотнула.

Джинсы были спущены до бедер, Вайнмонт подошел и сжал мне плечи, подтянув так, что моя голова свисала с кровати. Кровь хлынула к мозгу, накапливаясь там, пока жажда накрывала меня между ног.

Боже мой. Когда он провел влажным концом по моим губам, соски затвердели, и я скрестила ноги, клитор отчаянно нуждался во внимании. Я высунула язык, прикоснувшись к его головке и насладившись соленым вкусом.

Синклер застонал.

— Открой.

Я открыла рот настолько широко, насколько смогла, и он толкнулся, коснувшись головкой моего языка, а затем двинувшись в горло. Я подавилась, но он лишь отодвинулся и толкнулся еще раз. Я закрыла глаза и крепко сжала губы вокруг него, посасывая и играя языком с его стволом.

Он наклонился и больно сжал мою грудь, пока жесткими движениями трахал мой рот.

— Раздвинь ноги. Я хочу посмотреть на то, что принадлежит мне. — Его голос напоминал звериный рык.

Я повиновалась, раздвинув ноги и сжав его бедра. Он продолжал двигаться в моем рту.

— Шире!

Я расставила пятки так широко, как только смогла, ощутив холодный воздух на своей горячей, влажной плоти.

— Черт. — Он протолкнулся дальше, у меня заслезились глаза, но я не перестала сосать. Его член заполнил мой рот, отчего у меня заболела челюсть. Я хотела его до последней капли, хотя и не могла полностью взять его в рот.

Синклер ущипнул мои соски, заставив извиться и стонать под ним. Когда он отстранился назад, я резко набрала воздуха. Его член стоял ровно и напряженно, вне досягаемости и дразня.

— От этого я кончу, а мы еще и близко не подобрались к завершению.

Он стянул с себя рубашку и снял джинсы и боксеры до конца.

— Ляг на живот. Головой на мою подушку.

Я перевернулась и сделала, как он сказал, уткнувшись лицом в его чистый мужской аромат, пока сам Вайнмонт подходил к кровати. Звон пряжки его ремня привлек мое внимание, и я обернулась, чтобы посмотреть. В его глазах плясала дикость, все мышцы на теле напряглись.

— Встань на руки и колени.

Я подогнула ноги и подтянулась вверх, когда он провел рукой по линии моего позвоночника от шеи до самой задницы. Я вздрогнула от его прикосновения.

— Раздвинь ноги шире. — Так и сделала, и, дразня, Синклер провел пальцем от моей киски до клитора.

Я застонала и толкнулась в его руку. Он убрал пальцы.

— Еще нет.

Синклер схватил ремень правой рукой, и на мгновение я вернулась к первому Суду, оставшись прикованной цепью к дереву. Я опустила голову, глотнула воздуха и попыталась удержаться за настоящий момент.

— Стелла, — он схватил меня сзади за шею. — Посмотри на меня.

Я повернула голову и поймала его взгляд. В каждой его мышце царило напряжение, но взгляд оставался непоколебимым, успокаивающим.

— Я с тобой. Прямо здесь. Только ты и я. Я с тобой.

Я делала это потому, что хотела. Не потому, что была прикована против воли. Я кивнула, и он положил руку мне на щеку, проявив на мгновение нежность, прежде чем потянуть за голову и крепко сжать волосы.

— Когда будешь кричать, убедись, что это будет мое имя.

— Да.

— Да, что?

— Да, Син. — Услышав слова, скатившиеся с моего языка, ощутила, как моя киска напряглась еще сильнее, возбуждение достигало новых высот каждый раз, когда я уступала его требованиям.

— Хорошо. — Он отпустил меня и встал коленями на кровать, его член был прямо и твердо направлен в мою сторону.

Он откинулась назад, и на мою задницу опустился жалящий удар, резкий треск эхом разлетелся по комнате. Я замычала и сжала одеяло.

— Мое имя, Стелла, — мужчина еще раз ударил меня, на этот раз сильнее.

— Син! — закричала я в унисон со звуком прикосновения кожи ремня к моей заднице.

Он сжал свой член и снова ударил меня, на этот раз кожа задела плоть на киске и заставила меня содрогнуться. Удар пришелся прямо на мой клитор. Я называла его по имени снова, и снова, и снова. Задницу жгло, но я льнула к каждому удару, желая большего. Я хотела боли. Это было мое. Я владела ею, выбрав ее сама.

Еще один удар, и я уткнулась лицом в его подушку, выкрикивая его имя и тяжело дыша. Ремень со звоном упал на пол, матрас просел под весом Сина. Его руки оказались на моей заднице, развели ягодицы в стороны и толкнули меня вперед, после чего его язык коснулся горячей плоти между моими ногами. Я дернулась, когда он провел языком от клитора до входа.

Вайнмонт застонал и со всем упорством вошел в меня языком, трахая меня им. Я качнула бедрами ему навстречу, он двинулся к моему клитору, всосав его между зубами, когда я толкнулась к его лицу. Он сосал, пока мои стоны не стали громче, а киска не напряглась. Я была на грани, так близко, что круговые и ласкающие движения его языка практически лишали меня рассудка.

Когда он остановился, я закричала от разочарования в подушку и попыталась перевернуться. Синклер крепко сжал мои бедра, удержав меня на месте.

— Не смей, мать твою, двигаться, — его голос звучал хрипло, исполненный безудержной похоти. — Пока не получишь на это моего разрешения, Стелла.

Он сильно ударил меня по заднице, и я закричала от внезапной боли.

Вайнмонт ударил меня по другой ягодице еще сильнее, и его имя слетело с моих губ. Я оставалась неподвижной, его член

прижимался к моей киске, когда горячие ладони снова и снова отмечали мою задницу. Я дергалась от каждого удара, его головка дразнила мой клитор, пока я отчаянно нуждалась в том, чтобы он наполнил меня.

— Син, пожалуйста, — произнесла я, когда он потирал мою задницу, успокаивая жжение.

— Умоляешь меня, Стелла?

— Да! — Я снова толкнулась к нему, мой горячий клитор искал его член, чтобы тот с легкостью скользнул в меня.

— Чего ты хочешь? — Он провел пальцем по моим ягодицам и потер сморщенную кожу вокруг ануса. Я издала пронзительный звук и повернулась, чтобы взглянуть на него.

— Я хочу, чтобы ты трахнул меня.

Он схватил меня за бедро так сильно, что оно отдалось болью, и толкнулся вперед, мой клитор запел от интенсивного контакта с его членом. Затем меня перевернули одним грубым движением и Синклер рухнул на меня сверху, выдавив воздух из легких. Одной рукой он прижал мои запястья над головой, другой прикрыл мне рот и, наконец, ворвался в кистку членом. Я закричала в его ладонь, когда он погрузился до упора.

Боль и удовольствие взорвались во мне, когда мужчина начал тяжелый, грубый ритм. Я все еще кричала в его руку, когда он опустил к моему уху.

— Ты этого хотела, Стелла? — Он высвободил мой рот и приподнялся на локте.

Да.

С каждым ударом он сотрясал мое тело и смотрел вниз на мою подпрыгивающую грудь. Вайнмонт схватил сосок в рот и прикусил. Я застонала и выгнулась, его удары усилились, когда он наклонился, схватил одно бедро под колено и дернул его вверх, широко раздвинув меня для себя. Он стонал, погружаясь и погружаясь, его член ощущался таким толстым внутри меня, и каждый удар отдавался в моем клиторе. Звуки ударов нашей кожи отражались от картин и смешивались с моими стонами.

— Син, я близко...

— Нет, не близко. — Он переключился на мой второй сосок, играя с ним языком и подводя меня к грани.

Моя киска кричала об освобождении.

— Пожалуйста, я вот-вот кончу, — закричала я.

Вайнмонт выпустил мой сосок и придавил горло ладонью.

— Нет, пока я не скажу.

Он продолжал в том же темпе, жестко трахая и удерживая готовую упасть в любую секунду меня на краю.

Я больше не могла.

— Пожалуйста!

Синклер отстранился, и мне захотелось заплакать. Я зарычала от ярости, но он просто ухмыльнулся, снова перевернул меня на живот и сдвинул мои ноги вместе. Оседлал меня, поднял мою задницу и раздвинул ягодицы, прежде чем снова войти.

— Черт, ты узкая, — простонал он и наклонился ко мне.

Я застонала от ощущения наполненности им, пока он трахал меня равномерными движениями. Он схватил меня за волосы и повернул голову в сторону, прежде чем опуститься губами на заднюю часть моей шеи, проследившая языком переплетение живущих там виноградных лоз. Моя киска сжала его крепче, так как он овладел каждой частичкой меня. Я дернулась к нему, но он держал вторую руку на моем бедре, притягивая меня к своему члену с каждым ударом.

Он поцеловал меня в плечо, провел языком по коже, и я сжала подушки. Я отчаянно хотела прикоснуться к своему клитору. Как будто читая мои мысли, он сунул ладонь под меня и коснулся пальцем набухшей горошины. Я выгнула спину, толкаясь задницей ближе к нему, чтобы он мог войти еще глубже.

— Син, — это было все, что я смогла выдать из себя. Единственное слово на моем языке.

Он зарычал с усилием, грубый трах отнял у него силы, пока я отдавала ему все, что у меня было. Он сильно ударил по моему клитору, когда его член увеличился во мне. Я снова балансировала на краю, моя киска крепко сжимала его, отчаянно ища высвобождения.

— Пожалуйста, Син, пожалуйста, — кричала я, задыхаясь.

Он прокладывал дорожку из поцелуев к моему уху и продолжал меня трахать. Я дрожала от удовольствия и боролась с тем, чтобы не кончить. Мне придется дождаться его разрешения. Я должна.

— Син!

— Кончи на мой член. — Его голос прозвучал у меня над ухом, и я не смогла остановиться.

Я выкрикнула его имя, когда он укусил меня за плечо. Я вздрагивала, когда волна за волной проносились сквозь меня, моя киска начала сжиматься, пока Синклер продолжал врезаться в меня.

Он зарычал и сильнее впился зубами. Я почувствовала, как его

член ударялся о что-то внутри меня, но была слишком потеряна в своем собственном оргазме, чтобы что-то сделать, кроме как прогнуться под ним и принять все, что он мне давал. Он пульсировал еще несколько секунд и целовал меня в плечо на месте укуса. Затем скатился в сторону и выдохнул.

Я все еще плыла, мой разум и тело находились в двух разных местах. Вайнмонт протянул руку и убрал мои волосы с потной шеи. Я повернулась к нему, и он снова был там. Взгляд, который я нарисовала. Он был моим. Никогда не видела его нигде, кроме как когда Синклер смотрел на меня.

Мое сердце увеличилось, так много эмоций, которые, как, мне показалось, я забыла, вынырнули на поверхность, и не последней из них была надежда. Надеюсь, это изменит многое. Надеюсь, он станет ценить меня больше и перестанет считать меня лишь средством для победы в Приобретении.

Тепло, цветущее в моем сердце, было слишком сильным, и мне хотелось спрятать его, взрастить — позволить ему расти под жестоким солнцем Приобретения. Я скользнула к Синклеру и положила голову ему на грудь, слушая, как его сердцебиение замедляется и выравнивается. Он провел рукой вверх и вниз по моей спине и боку.

Я была охвачена им, впитывала его тепло, его пот, его эмоции. Он глубоко вздохнул, и его рука остановилась на моей талии. Я задержала дыхание, не желая, чтобы момент уходил.

— Син? — голос Тедди с другой стороны двери заставил меня подпрыгнуть.

Вайнмонт накрыл меня одеялом, прежде чем надеть боксеры и направиться к двери.

Щелкнул замком и приоткрыл дверь всего лишь на пару сантиметров.

— Что? — грубо спросил он брата.

— Я знаю, что она там, — ответил Тедди. — Просто хотел спросить о маме. С ней все будет в порядке? — Беспокойства в его голосе было достаточно, чтобы я повернулась к двери, скорее обеспокоенная, чем смущенная.

— Я дал ей кое-то, чтобы она могла поспать. Ты знаешь, как она переживает это время года.

— Да, но такого еще никогда не было.

Син провел рукой по волосам, мышцы спины заиграли от движения.

— Я знаю.

- Мне можно пойти и увидеть ее?
- Да, она отключилась. С ней сидит Фарнс.
- Хорошо. Я проверю ее. Пока, Стелла.
- Пока, Тедди, — откликнулась я.

Син повернулся и посмотрел на меня, нахмутив брови, прежде чем закрыть и снова запереть дверь.

— Вы двое считаете себя умными, да? — Он улыбнулся, тепло и голод смешались в его глазах.

Да. Я пожала плечами. Синклер подошел к кровати, сорвал одеяло и сел на меня, толкнувшись между моих ног и обхватив меня руками, прижав локти к туловищу.

Он поцеловал мою ключицу, нежная ласка заставила бабочек в моем животе закружиться и опуститься. Его губы были теплыми и мягкими, когда он приблизился к моей шее, всосав кожу в рот. Я выгнулась, когда мое тело проснулось после кратковременной отсрочки, но попала в его ловушку, и мне некуда было идти.

Вайнмонт прикусил мою челюсть и прижался ко мне, его член снова затвердел и искал вход. Единственное, что могло его остановить, была ткань боксеров на нем. Я застонала, когда он прикусил мое ухо, ведь бурно реагировала на все — его рот, мои затвердевшие соски, прижимающиеся к его груди, слабую боль между бедрами.

От его поцелуя я застонала. Синклер проглотил звук, пронзил меня языком, требовательным и горячим. Я ахнула, когда он наклонился ко мне, плотно прижавшись к моему телу, когда мягкость наших ртов истаяла. Я снова пылала, нуждаясь в нем еще больше. Он скользнул рукой по моей заднице, и я смогла провести пальцами по его шелковистым мягким волосам. Когда я крепко сжала их, он толкнулся в меня, попытавшись проникнуть в меня.

Он встал на колени и снял трусы, прежде чем снова опуститься ко мне. Я застонала, когда Син погрузился в меня без предупреждения, моя киска сжалась от внезапного вторжения. Я вжалась пятками в его задницу, не обращая внимания на боль. Он плавно толкнулся и наклонил голову к моей груди, дразня кожу вокруг соска. Я зарылась пальцами в его волосы.

Вайнмонт втянул сосок в рот, когда вошел глубоко в меня и замер, потираясь о мой клитор небольшими движениями бедер. Я уже задыхалась, его прикосновение превратилось в спусковой механизм для моего тела.

— Я хочу видеть тебя, — его глубокий голос был моим собственным афродизиак.

Сжав меня, он перевернул нас, и я оказалась наверху. Я

полностью опустилась на него, его член растянул меня до предела, отчего я откинула голову назад. Его руки лежали на моих бедрах, пока я поднималась и опускалась на него, позволяя ему входить из выходить из моего тела. Я раздвинула колени еще шире, и Синклер толкнулся меня, вырывая низкий стон из моих легких.

Я наклонилась вперед, положив одну руку ему на грудь, а другую — на подушку рядом с его головой.

— Черт, да, Стелла. Смотри на меня. Заставь себя кончить на мой член. — Он ласкал грудь одной ладонью, другой придерживая мое бедро, притягивая к себе, пока я прижималась к его паху.

Я удерживала его взгляд, пока объезжала. Его рычание и толчки заставляли мое удовольствие увеличиваться все больше и больше. И когда он с силой сжал мой сосок, я выкрикнула его имя.

— Я так близко, — прошептала и прижалась лбом к его голове.

От моих слов его член затвердел еще больше, и мой клитор запульсировал, пока я оставалась наполненной.

— Это мое. Каждый оргазм мой, Стелла. Скажи мне.

— Да. Твое. Вся я, Син. Я — твоя.

Его челюсти сжались еще сильнее.

— Тогда дай мне то, что мое.

Я еще ниже опустилась бедрами, сладкого трения оказалось слишком для моей сердцевины, когда я кончала.

— Син...

Вайнмонт поцеловал меня, забрав свое имя с моих губ, пока я, замерев, вздрагивала. Он снова сильно толкнулся и напрягся, изливаясь в меня. Мой оргазм все еще не схлынул, сжигая меня искрами удовольствия, пока я выгибалась и стонала в его рот от блаженства. Я пропала, мой разум разбился вдребезги, когда я прервала наш поцелуй и глотнула воздуха, прежде чем уронить голову на подушку рядом с ним.

Он крепко обнял меня за спину и прижал к себе. Я была безвольной, совершенно опустошенной. Не шевелилась, просто лежала на нем, позволяя себе развалиться на части.

— Стелла, посмотри на меня.

Подняла голову и уставилась в его глаза, открывающие мне его душу и вид на нечто более прекрасное, чем я могла себе представить. Настоящий он, тот, которого он скрывал, тот, кто, я знала, существовал глубоко под холодной внешностью.

Вайнмонт нежно поцеловал меня в губы и провел рукой по щеке. Интерес в его взгляд остался теплотой глубоко во мне. Затем в

его глазах мелькнула тень, какие-то темные мысли или воспоминания, омрачившие нашу связь. Синклер еще раз поцеловал меня, а потом прижал к груди и накрыл нас одеялом.

Я начала засыпать, когда его пальцы коснулись моей спины, моих волос. Любовь царила в каждом прикосновении. Я никогда не чувствовала себя в такой безопасности, такой довольной. На меня начала опускаться уютная тьма, но моя последняя мысль была о тени.

Глава 19

Стелла

Я слишком долго смотрела на его лицо в свете раннего утра. Сон стер с него заботы, заставив выглядеть молодым, почти похожим Тедди. Я не хотела ничего другого, кроме как оставаться в его руках, с ним в постели, в убежище, которое он украсил моим искусством, но мне нужно было проверить Рене.

Звук моих шагов в царящей тишине дома был единственным, пока я прокрадывалась по коридору. Ее дверь была открыта, когда я добралась до нее, но самой горничной в комнате не оказалось, ее кровать была застелена как обычно. Я посмотрела на потолок, размышляя, не отправилась ли Рене снова наверх.

Я почувствовала сильную боль в теле, когда проскользнула обратно в свою комнату. Син все еще был со мной, его запах на мне, тело по-прежнему заставляло чувствовать все, что мы сделали прошлой ночью. Мои бодрые шаги рассказывали историю ночи, проведенной с ним.

Я приняла душ и скользнула голышом под свои простыни, глядя в окно на то, как зарождается облачный, холодный рождественский день. Я снова не смогла заснуть, воспоминания о рте Синклера, его руках и глазах пробуждали в моем теле покалывание.

Я в шутку подумала вернуться тайком в его комнату, когда в мою дверь настойчиво постучали. Рене?

— Кто там?

— Счастливого Рождества, *Красивая*.

Мой рот открылся. Дмитрий, мой отважный массажист, которого я встретила перед балом Приобретений.

Дверь распахнулась, и Алекс — его волосы ярко-голубого цвета не спутаешь ни с чем — ворвался и запрыгнул на мою кровать.

— Волшебного рождественского чуда, красавица!

Дмитрий, входя в комнату, нахмурился, глядя на Алекса.

Я приложила руку ко рту, во мне поднималась радость.

— Вы здесь!

— Джульетта внизу, готовится. К сожалению, Йонг не смогла приехать. Она занимается депиляцией целого клана звезд реалити-

шоу в Голливуде. Сербь. Они суперволосатые.

— Но зачем? — Я протянула руку и коснулась Алекса, чтобы убедиться, что он настоящий.

— Несколько дней назад многоуважаемый советник Синклер Вайнмонт попросил нас присутствовать в качестве рождественского угощения для тебя и предложил некую оплату, — Алекс подмигнул и откинулся назад, засовывая пальцы в свой ирокез. — Это не может быть настолько ужасно. — Он осмотрел стеганные пледы. — Хорошая комнатка. Не знал, что ты умеешь шить.

— Я и не умею. — Я наконец-то поняла, что они действительно здесь, и обняла Алекса за шею.

— Фууу, голая женщина, — он неловко похлопал меня по спине.

Я отстранилась и дернула простыню вверх, совершенно забыв о своей наготы.

Дмитрий улыбнулся и начал заламывать костяшки пальцев, его большая фигура смешно выглядела на фоне особенно изящного белорозового стеганого одеяла.

— Спускайся в спа, когда оденешься. Тебя ждет день досуга, — Алекс вскочил и выстрелил в меня из воображаемого пистолета, прежде чем вывести Дмитрия в коридор и спуститься по лестнице.

Син подарил мне друзей на Рождество? Эта мысль заставила меня рассмеяться, главным образом потому, что была реальной. Я встала и накинула что-то простенькое, прекрасно зная, что вскоре меня разденут.

Прошла мимо пустой комнаты для завтрака и поспешила прямо в спа. Облачное небо нависало над стеклянными панелями и создавало серый мрак в обычно солнечной комнате.

На небольшом столе ожидали круассан, фрукты и сок. Алекс уже пробовал клубнику, а Джульетта жевала круассан с шоколадом, когда увидела меня и взвизгнула. После крепкого объятия девушка позволила мне сесть. Обстановка была естественной — все мы ели, пили и смеялись.

— Ты выиграла конкурс красоты, для которого мы готовили тебя прошлый раз, или как? — Алекс выпил свой кофе и налил еще.

Я поерзала на своем месте.

— Ммм, результатов еще нет. Но я дам тебе знать.

— Ну, если нет, то я хотел бы переговорить с судьями, потому что ты была великолепна, — его глаза загорелись. — У тебя осталось то платье?

Я потупила взгляд. После бала я его не видела.

— Нет. Думаю, что дизайнер забрал его для шоу или чего-то еще.

— Вот дерьмо, — он откинулся назад и прикончил еще одну клубнику.

— Ты побеждаешь, *Красивая*. Я это знаю. — У Дмитрия на шее появились новая татуировка, какая-то надпись на русском.

— Что здесь написано? — указала я на тату.

— О, — он засмеялся, звук прозвучал почти нервно. — Ничего такого.

Джульетта вскинула бровь и встретила со мной взглядом, потягивая сок.

— Смутился? — спросила я подразнивающим тоном.

— Нет. — Он выпрямился в кресле, которое скрипнуло под его весом. — Леди вроде вас не должны такое слышать.

— Боже мой, Дмитрий! Ты краснеешь? — спросила я.

Алекс громко заржал, и я не смогла не присоединиться. Большой русский провел рукой по своей бритой голове и ухмыльнулся.

— Дмитрий пошел и выбил нечто неподобающее на своей шее и не хочет поделиться, — Алекс еще немного похихикал.

— Там говорится, — Дмитрий покачал головой, — там говорится, что я горжусь своим членом.

— Твоим — чем? — спросила Джульетта сквозь улыбку.

— Моим... — он бросил очевидный взгляд на свою промежность и затем снова поднял взор на нас. — Он гордится.

— Чем, собственно, гордится твой член? — хихикнул Алекс.

Дмитрий махнул своей мясистой ладонью в сторону Алекса и выговорил ему что-то на русском.

Алекс закивал.

— Верно-верно. Очень гордится. Я не отрицаю. Так он обрезанный, или ты не против крайней плоти?

Джульетта выплюнула полный рот апельсинового сока обратно в свой стакан, а я уставилась на свои ноги.

— Давай сделаем тебе педикюр, не против? — Джульетта встала и, к счастью, спасла меня от дальнейших разговоров о члене Дмитрия.

Час спустя я удобно сидела, пока Джульетта занималась моими ногами — появилось ощущение свежести, но стопы были очень чувствительны.

— Черт, русский. Если ты такое творишь своими руками, не могу представить, что ты умеешь членом. — Алекс лежал на массажном столе, уговорив Дмитрия разогреться сначала на нем. Стилист ухмыльнулся мне, а затем зарычал, когда Дмитрий использовал свой локоть для массажа на пояснице.

— Перевернись, — проинструктировала Джульетта.

Я перевернулась на столе, как смогла, чтобы остаться под полотенцем, но потеряла хватку, и оно упало на пол. Я скривилась, зная, что грядет. Мне уже пришлось выдумать историю с извинениями за то, что ходила в туфлях не по размеру. Теперь придется объяснить все остальное.

— Что случилось с твоей спиной? — Джульетта провела пальцами по одному из шрамов. — Вот зачем Рене просила у меня сыворотку от шрамов?

Дмитрий возник рядом со мной.

— Кто это сделал, *Красивая?* *Козел*, который приходил раньше?

— Люций? Нет. Они уже не болят. Уже нет. Пожалуйста, не беспокойтесь об этом. Меня они не тревожат, — я посмотрела через плечо, взглядом умоляя Дмитрия оставить среднего Вайнмонта в покое.

— Это тревожит *меня*, — Дмитрий провел широкой ладонью вниз по моей спине и нахмурился.

— Не хочу об этом говорить, — я опустила лоб на руку.

— Давай, большой парень. Ты слышал ее. Вымести все эмоции на мне, — сказал Алекс.

Я вздохнула с облегчением, когда тень Дмитрия пропала, и глубокий хрип боли Алекса заполнил комнату.

— Судя по ним, сыворотка помогла. Но это должно сделать их еще менее заметными. — Джульетта похлопала меня по плечу и начала делать свое дело. Мою кожу терли грубыми кристаллами, затем те становились все тоньше и тоньше, пока я не почувствовала, что они поплыли тонкими струйками шелка по моему телу.

Когда настала очередь Дмитрия, я была на небесах. Остатки боли в мышцах были сняты его сильными руками. Алекс храпел на столе рядом со мной, его рука покоилась на животе, а серебряные кольца в сосках поднимались и опускались с каждым вдохом. Можно было бы сказать, что Дмитрий волшебник.

Когда он закончил, то накинул на меня полотенце, и я осталась

лежать в тумане расслабления.

— Джульетта, твоя очередь, — Дмитрий махнул ей и ударил Алекса по руке. — Подъем!

— Эй! — Алекс сел и потер глаза.

Джульетта покачала головой и отступила.

— Я этим не занимаюсь.

— Ты стесняешься, малышка? — спросила Алекс.

— Нет, — Джульетта опустила взгляд на пол с узором речного камня, пряди ее светлого боб-каре скрывали часть лица.

— Все в порядке, — Дмитрий нахмурился. — Я понимаю.

— Мне жаль. Просто я не... — она указала на мое тело.

— Что? Ты прекрасна, — я посмотрела ей в глаза. — Внутри и снаружи.

— Да, красавица, — сказал Дмитрий и уставился на Джульетту, как будто это был очевидный факт.

— И так думают трое, — Алекс встал и шлепнул меня по заднице. — Вставай, женщина. Пойдем в мою комнату и поиграем с волосами. Оставь этих двоих в покое, пусть договариваются.

— Что? — Большие голубые глаза Джульетты распахнулись.

Дмитрий улыбнулся.

— Да. Иди, Алекс. Я справлюсь.

Я обернулась в полотенце и поднялась, прежде чем ткнуть пальцем в сторону Дмитрия.

— Полегче с ней, русский.

— Конечно, — Дмитрий улыбнулся мне, жестом указав застывшей Джульетте подойти к нему.

Я хотела остаться и понаблюдать, посмотреть, сможет ли большой русский уговорить пугливую Джульетту, но Алекс втянул меня в свою кабинку и закрыл дверь.

Он хлопнул в ладоши.

— Все будет хорошо. Думаешь, они трахнутся?

Я склонила голову, глядя на него в зеркало.

— Конечно, нет. Скорее всего, она выбежит с криком, прежде чем он хотя бы коснется ее пальцем. — Слова вылетели и засвистели в моем сознании, картинка бесплодных веток деревьев пронзила мой разум, запах земли и гниющих листьев коснулся моего носа.

— Эй, ты в порядке? — Алекс похлопал меня по плечу.

Я выдавила улыбку.

— Все нормально.

— Давай сделаем тебе стрижку и приведем в порядок твои кончики. И только тебе я расскажу все о моем новом парне, пока буду заниматься ими. — Он выхватил черную пелерину и завязал вокруг моей шеи. — Ты когда-нибудь видела проколотый член?

Я провела следующие сорок пять минут, смеясь и рассказывая Алексу, насколько он пошлый, после того, как он угостил меня историями о своих завоеваниях, последнее из которых оказалось телезвездой в каком-то шоу о зомби.

Когда он закончил, я почувствовала себя легче, волосы были подстрижены, вымыты шампунем и ниспадали волнами. Я провела пальцами по прядям.

— Спасибо, Алекс. Я словно заново родилась.

Парень наклонился, поймал мой взгляд в зеркале и поцеловал в щеку.

— Нет. Ты именно та, в кого я влюбился пару месяцев назад.

Я улыбнулась. Это был лучший рождественский подарок, который я когда-либо получала.

— Давайте посмотрим, свободно ли на горизонте и полон ли русский член. — Алекс молча приоткрыл дверь, оставив лишь щелочку, а затем полностью распахнул ее.

— Что за...

Я заглянула через его плечо. Дмитрий и Джульетта исчезли.

Я почувствовала запах, что-то аппетитное и вкусное. В животе заурчало.

— Кажется обед готов, — Алекс вошел в комнату и взял мою одежду с ближайшей стойки, прежде чем бросить ее мне. — Одевайся. Я умираю с голоду. И, пожалуйста, скажи мне, что меня пригласили.

Я сбросила полотенце и натянула нижнее белье, джинсы и футболку.

— Конечно. Но сначала нам нужно найти Джульетту и Дмитрия.

Кто-то прочистил горло. Я осмотрелась. Звук донесся из шкафа в передней части комнаты. Дверь открылась, и вышел Дмитрий, глядя куда угодно, только не на меня или Алекса.

— А Джульетта где? — спросил Алекс.

Дверь снова открылась, и девушка поспешила выйти оттуда, хотя Дмитрий шлепнул ее по заднице, когда она проходила мимо.

— Я не собираюсь это обсуждать, — зарделась она.

Я ухмыльнулась, радуясь тому, что под этой крышей кто-то еще нашел возможным простое наслаждение без каких-либо темных мотивов и игры.

— Хорошо. Идемте. Могу поспорить, вы двое нагуляли аппетит.

Джульетта убрала волосы за ухо, потом подумала и вернула все как было. Я провела всех по главному коридору, мимо кабинета Сина, мимо зала для завтраков в большую столовую, где в тот роковой день я подписала контракт. Теперь это казалось так давно. Многое изменилось.

Лаура возилась с тарелками, но стол был накрыт идеально. Посередине стояло большое блюдо с жарким, по бокам которого ждали своей участи зеленые бобы, картофельное пюре, кукуруза, сладкий картофель и много еды, расставленной вокруг в качестве украшений.

— Ничего себе, — произнесла я. — Как прекрасно. Мне почти ненавистна мысль есть такую красоту.

Лаура улыбнулась и указала на стулья.

— Присаживайтесь. Я уже сказала мальчикам, что все готово.

Мы заняли свои места, оставив три в конце для Сина, Люция и Тедди. Осталось еще три стула, и я подумала, не присоединится ли к нам Рене. Я до ужаса скучала по своей подруге, потеря которой вызывала ноющую боль.

Глубокий мужской смех донесся из фойе, Тедди и Люций появились в дверях.

Средний Вайнмонт широко раскрыл глаза, осматривая комнату. Он явно не подозревал, что здесь их ждет компания.

Дмитрий зарычал.

— Не нервничай, — я положила салфетку себе на колени, а Лаура налила вино.

Люций посмотрел на Дмитрия, прежде чем сесть на свое обычное место.

— Да, не нервничай, *товарищ*.

— Очень приятно снова вас видеть, Люций, верно? Я — Алекс. — Интерес осветил его лицо — тумблер очарования активирован.

Я подавила смешок, пока Люций просто смотрел на нетерпеливого стилиста.

Тедди толкнул меня локтем и улыбнулся.

— Как ночь прошла?

Люций поерзал на стуле и бросил хмурый взгляд на Тедди.

Шаги в коридоре спасли меня от необходимости отвечать. Вошел Синклер, его черная рубашка с закатанными рукавами открывала горло. На нем была пара идеально облегающих джинсов со знакомым ремнем. В комнате вдруг стало теплее? Мое сердце пропустило удар, когда он подошел во главу стола.

— Я не особо люблю церемониться, — Син сделал паузу, когда я подняла брови на его слова, но затем продолжил: — Но, видя, как мы едим эту прекрасную еду — спасибо, Лаура — и видя, что с нами друзья Стеллы, мы можем потворствовать небольшой традиции. — Он сел и жестом предложил нам приступить к еде.

Алекс не терял времени, схватив булочки и принявшись за пюре. Лаура помогала всем заполнять их тарелки.

— Лаура, пожалуйста, присядь, — сказал Син. — Где Фарнс?

— Здесь, сэр. Извините за опоздание. Это все мои колени. — Фарнс медленно вошел и уселся. Лаура пододвинула его тарелку и села рядом с ним. Пустовало только одно место.

— А Рене? — спросила я.

Син указал взглядом в потолок, а потом снова посмотрел на меня.

— Она придет позже.

Я мгновение пялилась на пустое место, пока звон столовых приборов и гул разговоров не заполнил комнату. Я не знала, почему Рене осталась в стороне, хотя, очевидно, это было связано с Ребеккой. Мне давно пора это выяснить.

Я провела день с Дмитрием, Алексом и Джульеттой за простыми разговорами и смехом. Будто мы знали друг друга годами, а не познакомились несколько месяцев назад. Дмитрий и Алекс соревновались в своих способностях рассказывать истории.

Русский начал первым, объяснив, как в пять лет он стал самым опытным в свежевании кроликов в своем городе. Потом похвастался тем, что был известным борцом в России, так как гора мышц ему в

этом помогла.

Мы с Джульеттой, уместившись на диване в библиотеке, хихикали, когда Дмитрий, гордо выпячивая грудь, рассказывал еще одну историю о том, как он стал первым мальчиком, уговорившем городскую проститутку бесплатно прокатить его. Тогда ему было двенадцать.

— И ниже пояса уже имелась гордость, на которую она повелась? — фыркнул Алекс.

— Да, — улыбнулся Дмитрий.

Джульетта опустилась на подушку рядом со мной, и я обняла ее.

— В вашей игре нет ничего постыдного, — прошептала я ей на ухо.

Девушка кивнула и прижалась ко мне. Алекс начал рассказывать о том, как катался на лыжах, врезался в дерево и закончил в лазарете с членами патрульных в каждой руке. Мы смеялись до тех пор, пока не село солнце, хотя облака не позволили определить, просто ли стемнело или спустилась ночь.

Когда настала очередь Джульетты, девушка поделилась своим самым смущающим моментом — однажды она пришла на торжественную встречу на красной дорожке, а ее юбка застряла в трусиках. Пока я смеялась с такой силой, что у меня заболели ребра, вошел Син.

Его суровое лицо смягчилось при виде меня.

— Ненавижу говорить это, но должен напомнить, что нашим гостям пора собираться. Снегопад начнется по меньшей мере через час, и к тому времени они должны уже лететь на самолете.

Я знала, что им нужно уезжать сегодня — у них были родственники и друзья, которых нужно было провести в праздничные дни — но я была очень рада тому, что мне удалось их увидеть, пусть даже на такой короткий срок. Я заставила себя не плакать, обняла их на прощание и неохотно позволила им уйти. Люк уже ждал снаружи с их вещами, упакованными в лимузине.

Попрощавшись на крыльце, Дмитрий потемнел лицом, когда приблизился к Сину. Вайнмонт встретился с ним взглядом — в его поведении не было ни малейшего намека на страх. Я предполагала, что его никогда не будет, не после того, что он сделал на Кубе. Синклер мог совершить ужасное, если чему-то важному для него угрожали. Эта мысль заставила меня вздрогнуть, словно от холодного ветра, обещавшего снег.

— Если вы причините ей боль, *товарищ*, я вернусь сюда за вами.

— Не сомневаюсь, — ухмыльнулся Синклер.

Дмитрий бросил сердитый взгляд, но отступил, прежде чем в последний раз сжать меня в медвежьих объятиях и спуститься вниз по лестнице к машине. Он нырнул в салон и закрыл дверь. Я боролась со слезами, когда машина отъехала. Син подошел и обнял меня за плечи, когда упали первые хлопья снега — непогода наступила раньше, чем ожидалось.

— Спасибо, — прильнула к нему я.

— Не за что, — он поцеловал меня в макушку и повел обратно в дом.

Глава 20

Стелла

Перестав витать в облаках, я посмотрела Синклеру в глаза, когда он убрал прядь моих волос за ухо, наклонился к моим губам и завис вне досягаемости.

— Син?

Он закрыл глаза, как будто слышать, как я произношу его имя, доставляло ему удовольствие.

— Я хочу, чтобы ты рассказал мне о двух последних судах.

Вайнмонт открыл глаза и выпрямился, связь между нами была разорвана предложением из нескольких слов.

— У нас достаточно времени, чтобы не беспокоиться об этом, Стелла, — в его голосе звучал холод.

— Пожалуйста, просто расскажи мне.

Он придавил ладонь к моему горлу.

— Что я сказал тебе на балу, Стелла? От ожидания только хуже. У тебя три месяца до суда. Не трать их на тревогу.

— Но я больше волнуюсь, когда не знаю, — я схватила его за запястье и провела рукой по предплечью. — Пожалуйста.

Синклер открыл рот, чтобы ответить, а затем закрыл его. Его хватка на моей шее стала сильнее.

— Нет. И не обсуждается. Не спрашивай снова.

Уязвленная его резким тоном, я отступила. Он опустил руку, но последовал за мной, пока я не прислонилась к входной двери.

— Син, пожал...

— Я делаю все, что в моих силах, — он подтолкнул меня в дверь, его взгляд обжигал. — Не могу объяснить тебе этого, но я делаю все возможное, чтобы ты была в безопасности. Но ничего не изменилось, — его рука снова оказалась возле моего горла, прикосновение было грубым, когда он прижал меня к деревянной панели. — Мне по-прежнему нужно победить. Ты не остановишь это. Понимаешь?

— Нет, и не хочу. — Я попыталась оттолкнуть его, но меня не отпустили, он просто прижал меня сильнее, вдавившись грудью в

меня, отчего у меня перехватило дыхание. Я вонзилась ногтями в его руку.

Навернувшись на глаза слезы потекли по моим щекам.

— Почему победа важнее меня?

— Потому что для меня нет *ничего* важнее, чем победа в Приобретении, Стелла. Ничего.

— Даже я?

— Да. — Произнесенное им слово оказалось настолько острое, что резануло меня так, что сначала я ничего не почувствовала, но после кровь потекла из моего сердца. — Ты полагаешь, немного секса сделает тебя важнее для меня, чем мое имя, моя собственная кровь?

Мне стало трудно дышать. Он нахмурился, глядя на меня — мужчина, только что подаривший мне самое счастливое Рождество, которое я могла вспомнить, доставивший мне больше удовольствия за одну ночь, чем за все ночи в жизни вместе взятые. На его лице было написано только отвращение.

— Почему ты не можешь любить меня? — Голос душили слезы, но я задала единственный оставшийся вопрос. Единственный, на который мне нужен был ответ.

— Не то, чтобы я не *мог*, Стелла. Я просто этого *не делаю*.

Я прижалась к его руке, заставляя крепче держать меня. Мне хотелось увидеть его глаза.

— Это ложь.

— Ты не знаешь меня, Стелла. Ты видела только то, что я хотел. Что мне нужно было показать, чтобы удержать тебя. Не думай ни секунды, что мне было дело до того, что с тобой происходит.

Мои слезы превратились в смех, и мне было все равно, если он прозвучал безумно.

— Ты *лжешь*, но не мне.

Его тело вибрировало от ярости, источая бурные эмоции.

— Заткнись нахрен.

Я продолжила смеяться. Мне больше ничего не оставалось. Он заботился обо мне. Я видела это. Знала, и он не мог отобрать у меня это знание, независимо от того, что говорил или делал со мной. Он любил меня.

— Я не люблю тебя, Стелла, — Вайнмонт отступил, прикасаясь теперь только ладонью.

— Ты чертов лжец. Не смей меня трогать, — я вонзилась ногтями в его руку и отбросила ее.

Я пролетела мимо него, бросившись вверх по лестнице и чувствуя его взгляд спиной. Помчалась в свою комнату и опустилась на кровать. Сиюминутное чувство напоминало шок. Больше не было слез, осталась только пустота, где должна присутствовать боль. Я не чувствовала ничего. Он вырвал ее? Сейчас я была сломана? Вот что значит быть разбитой? Я лежала долго вот так, ничего не видя, ничего не слыша.

Что-то, какой-то звук — возможно, звон напольных часов — привел меня в чувство от моих мыслей. Я села, за окном была темная ночь, под сумраком которой виднелся легкий слой снега на газоне. Луна скрылась, оставив вместо себя черную пустоту. Я позволила взгляду пройти по створке окна и затем вернулась к своему потолку. *Вверх по лестнице. Ответы.*

Я медленно открыла дверь и выглянула в коридор. Кто-то оставил свет включенным, поэтому я тихонько прошла по ковровой дорожке и помедлила, рассматривая остаток пути до третьего этажа. Позвоночник покалывало, но я сделала первый шаг. Потом еще один, и еще, пока не оказалась наверху.

Двери здесь были закрыты, воздух — спертым, словно этаж не проветривали. Светильник над головой горел тускло, но бросал достаточно света, чтобы я могла пробраться и прислушаться к каждой двери. Ничего. Я продолжала двигаться, пока не услышала мычание, доносящееся из конца коридора. Подошла ближе, холодный пот выступил у меня на лбу.

Заставила себя пройти дальше в поисках Рене и ответов.

Последняя дверь слева была открыта. Я заглянула внутрь. Рене сидела в кресле-качалке и мычала что-то, занимаясь рукоделием. Седовласая женщина, миссис Вайнмонт, мирно спала.

Рене, должно быть, почувствовала меня, потому что мычание прекратилось, и она широко распахнула глаза.

— Стелла! — ее голос был резким шепотом.

Женщина бросила рукоделие и поспешила ко мне. Обняла меня, но я не вернула объятия: мои руки онемели.

— Почему ты не приходила ко мне? — спросила я.

— Я не могла оставить ее. Тебя не должно здесь быть. — Она попыталась вывести меня обратно в коридор и закрыть за собой дверь, но я пробилась мимо нее и вошла в комнату. Стены заполняли снимки. Так много фото Сина, Люция и Тедди — прекрасных мальчиков, которые превращались в юношей, пока изображения сменяли друг друга от одного угла до другого. Еще одно, более крупное фото висело над камином. Это была молодая женщина с волосами того же оттенка, что и мои, но глазами такими же голубыми, как у Люция.

— Кара? — прозвучал колючий незнакомый голос.

Я обернулась и увидела, что миссис Вайнмонт смотрит прямо на меня с открытым ртом.

— Кара, это ты?

Рене подошла к ней и схватила за руку.

— Нет, твоей сестры нет. Помнишь, дорогая?

— Но она... — миссис Вайнмонт указала на меня высохшей рукой.

— Нет, это Стелла, — голос Рене звучал с нежностью, как будто она разговаривала с ребенком. — Стелла. Помнишь?

— Стелла. — Глаза Ребекки немного прояснились, затем сузились. — Крестьянка?

— Ребекка, не сейчас.

— Нет, все в порядке, — я скрестила руки на груди и уставилась на Ребекку. — Ее отношение поможет.

— Мое *отношение*? — Пожилая женщина села в постели, знакомые глаза осмотрели меня с головы до ног. — Неудивительно, что у моего сына такие проблемы с тобой.

Ее голос был слабым, как сухой смятый лист, раздавленный сапогом.

— Проблем нет. Мне просто нужны ответы.

— Ну что ж, Стелла, позволь мне встать, налить тебе чаю и подать тебе булочки, пока я буду их давать, — хихикнула она.

Рене погладила ее по руке, но Ребекка отдернула ее.

— Уйди из моей комнаты. Вы оба проклятие. Одно за другим. Проклятие! — Она повторяла «проклятие», пока голос не затих, и она впилась в меня взглядом.

— Уйду, — сказала я. — И больше не побеспокою вас. Но сначала у меня будет несколько вопросов.

Рене подняла руку, словно отгоняя атакующего врага.

— Пожалуйста, Стелла. Не надо. Просто уходи. Умоляю тебя. Она не сможет пережить разговоры об этом.

— О Приобретении?

Ребекка вздрогнула от моего вопроса.

— Пусть она задаст свои вопросы. Посмотрим, понравятся ли ей ответы, — старуха улыбнулась, и я поняла, какой красивой женщиной она была. Но теперь стала ни чем иным, как разрушенной,

наполненной призраками развалиной.

— Каково следующее испытание? — спросила я.

Она напела несколько тактов песни, которую я не узнала, и ответила:

— Весна — время для семьи.

— Что это значит?

— Я ответила на твой вопрос. Не моя вина, если ты недостаточно умна, чтобы понять его. Следующий. — Она протянула руку, словно звала меня к себе, и я заметила такие же шрамы на тыльной стороне ее ладони, которые видела на руке Синклера.

— Что это за шрамы? — указала я.

— Эти? — Она протянула руку, словно показывала мне обручальное кольцо, и захлопала темными ресницами. — Они появились в одну замечательную ночь в Бразилии. Тебе рассказать о них?

Рене побледнела, цвет с ее лица сошел в одно мгновение, когда она покачала головой.

— Пожалуйста, не делай этого, Ребекка. Пожалуйста.

— Ты когда-нибудь резалась листом сахарного тростника? — Ребекка впиалась в меня взглядом, и я обнаружила, что подхожу ближе, пока не остановилась у изножья кровати.

— Нет.

— Это очень специфическая боль, понимаешь? — Она провела ногтем по линиям, восстанавливая боль, которая стала причиной появления шрамов. — Однажды я повезла моего старшего сына, Синклера, в Бразилию в короткий отпуск, — улыбнулась женщина. — Он смотрел, как я лишаю жизни человека. Я никогда никого не убивала. Но убила мистера Розэ. Застрелила его. Знаешь, почему? — Она не позволила мне ответить. — Потому что он пытался запятнать мое имя, взять то, что принадлежало мне, — ее голос стал жестче. — Никто не отнимет у нас ничего. Не сейчас. Никогда впредь. Это мы имеем право отнимать.

Женщина откинулась назад с задумчивым видом, хотя все еще смотрела на меня.

— Мой сын не понимал. Он продолжал плакать, — она подняла руки. — Все те выстрелы, кровь, убийства, тела — он не мог с этим справиться, был слабым. Боялся. Он цеплялся за меня так, словно я была спасением в шторм, — она зашлась резким и хриплым смехом.

Я приложила руку к горлу, волосы у меня на затылке стали дыбом, а ладони похолодели. Я видела мальчика на фотографиях в

комнате, о котором она говорила. Он был так счастлив, но что-то изменилось, что-то преобразилось на его старых фотографиях. Теперь я знала, что.

Миссис Вайнмонт покачала головой.

— Но штормом была именно я. Итак, после того, как я разделалась с Розé, я усадила его и взяла лист сахарного тростника. Я пересказала ему ужасные вещи, которые сделала, вещи, свидетелем которых он стал. Каждый раз, когда одна из его слез скатывалась, я резала его, а потом себя, — она резко провела ногтем по руке. — Я резала и резала, пока мне не удалось заставить его принять увиденное без единой слезы, пока он сам не смог пересказать все, не моргнув и глазом — как умолял мистер Розé, как я выстрелила тому в лицо, как работники бежали и кричали, как мои люди рубили их насмерть. Вот тогда он стал сильным. Каким и остался сейчас, — она сияла, а в ее глазах плескалась гордость.

Во мне поднялась ярость, и я ухватила за изножье, чтобы успокоиться. Капля холодного пота скатилась между лопаток.

— Задавай свой следующий вопрос, — она сложила руки на коленях, явно довольная собой.

Рене тихо плакала в ладони.

Я не знала, смогу ли выдержать еще один ответ. Смогу ли вынести больше правды от злобного существа передо мной.

— Каковы правила Приобретения?

Из ее уст вырвалась еще одна песня, но со словами:

— Семь правил, чтобы видеть. Семь правил, чтобы мук придают. Семь правил, чтобы выжить. Семь правил, чтобы жизнь отнять.

Я вздрогнула, мои колени подкосились, но я не упала, несмотря на тяжелый груз ужаса, обрушившийся на меня.

Миссис Вайнмонт улыбнулась, ее зубы блеснули как надгробия в лунном свете.

— Давай начнем с первого и самого важного правила Приобретения. Если ты проигрываешь, тебе придется убить последнего ребенка в роду. Понимаешь? Отсеять слабого.

Пол поехал под моими ногами, и я схватилась за изножье обеими руками.

— Если Синклер проиграет Приобретение, ему придется убить Тедди? — прозвучал где-то отдаленно мой голос.

Она кивнула, ее улыбка стала шире и заполнила лицо, как яркая карикатура.

— Тедди умрет.

